

ISSN 0130-3600

ქართული
ლიბრარი

А

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

1993

10.335/
1993/2

4-5

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

1993

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Журнал выходит с июня 1957 года

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- ГИВИ ГЕГЕЧКОРИ.** Стихи. Перевод Камиллы Коринтэли 3
- РЕВАЗ ДЖАПАРИДЗЕ.** Путь на Голгофу. Повесть. Продолжение. Перевод Лианы Татишвили 4

ИЗ КЛАССИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

- ПОЭТЫ «ГОЛУБОРОГОВЦЫ»:** Григол Робакидзе, Георгий Леонидзе, Ражден Гветадзе, Валериан Гаприндашвили, Николо Мицишвили, Паоло Яшвили. Переводы Михаила Синельникова и Яна Гольцмана . 75

ТРИБУНА ПИСАТЕЛЯ

- ТЕИМУРАЗ МАГЛАПЕРИДЗЕ.** Насилие, страх, ложь. Окончание. Перевод Игоря Калашьяна и Юрия Чейшвили 80

- НАШИ ЮБИЛЯРЫ** 108

4-5

Учредители: Союз писателей Грузии
Редакция журнала «Литературная Грузия»

ПРОБЛЕМА

1. Из редакционной почты 109
2. Марат БАРАТАШВИЛИ. И снова о месхах 111
Распоряжение Главы государства Республики
Грузия 121
Вводное слово Камиллы КОРИНТЭЛИ

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- ЛАЛИ АВАЛИАНИ. Галактион, Ромашов и
Печорин 123

ИСКУССТВО

- ПАОЛА УРУШАДЗЕ. О провидческом смысле
шекспировских спектаклей Роберта Стуртуа 133

ПИСАТЕЛЬ И ЭПОХА

- ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ. Колокола тридцатых...
Перевод и вводное слово Эдуарда Ели-
гулашвили 149

РЕЦЕНЗИИ

- ГИВИ ОРАГВЕЛИДЗЕ. Погружение в пейзаж 204

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- РЭМОН ДЮГЕ. Москва и страстотерпство Гру-
зии. Перевод с французского Мэни Бакра-
дзе и Ирины Зурабашвили . . . 211

-
- ХРОНИКА 223

* * *

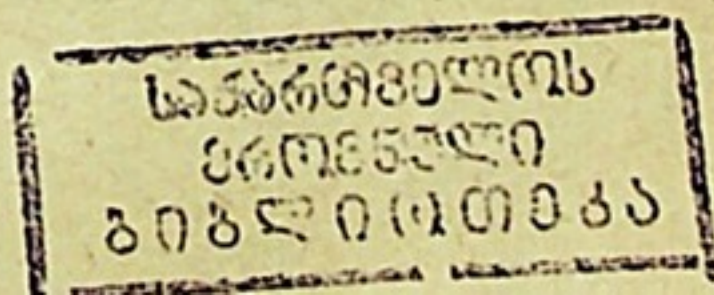
О, не скажи умершему: «Спи с миром!..»,
Коль бремя тяжкое Господь судил ему
И коль влачил всю жизнь он это бремя, —
Не принесет успокоенья смерть.
Ни сумерки потусторонние не утолят его печали,
И вечный сон его навек лишен покоя,
Коль сын он верный малого народа.

Не говори умершему: «Спи с миром!..»
Когда на землю лист древесный упадает,
Бесшумный шелест этот слышит он.
Когда нам солнце облака скрывают,
Теней движенье бередит его.
И потому, что сын он малого народа,
Покойный сон бежит его гробницы.

Высокопарно говорят: «Спи с миром!».
Ему — о нет, не говорите так!
Кощунственное пожеланье!
Так круг очерчивают курице, перерезая горло...
Покой немислим для него,
Для сына малого народа.

Лишь тот, кто спит и здесь, при жизни,
Уснет и там блаженным сном.
Но ни на миг ни стар, ни млад,
Кто горести отчизны разделяет,
Покой не обретет, уснувши вечным сном.

Перевод Камиллы КОРИНТЭЛИ

143.808

ПУТЬ НА ГОЛГОФУ

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Галилея устроила Иисусу с апостолами торжественную встречу. Все уже знали в подробностях про чудеса, которые он творил в Иудее, и с нетерпением ждали его возвращения в родные края. Огромная толпа народа окружила Иисуса и, несмотря на то, что он еле держался на ногах от усталости, повела его в синагогу. Возле синагоги его дожидались толпы страждущих, дни и ночи проводивших здесь в надежде, что Иисус когда-нибудь вернется и положит конец их беспредельным мукам.

Иисус, забыв об усталости, с увлечением принялся за дело. По истечении нескольких часов он уже не чувствовал под собою ног. Когда он выходил из синагоги в сопровождении потрясенной и восторженной толпы, которая затаив дыхание внимала его проповеди, к нему подошел местный фарисей по имени Симон и пригласил его вместе с сопровождающими к себе в дом. Иисус знал, кто этот человек, но приглашение принял — не хотел обижать его. А Симон заранее подготовился к визиту и накрыл щедрый стол. И чтобы гостю было с кем вести приятную беседу, позвал и некоторых соседей, своих единомышленников. Среди гостей оказалась одна женщина, грешница, привыкшая к праздному образу жизни. Она явилась в дом Симона незваной, услышав, что там принимают Христа. В руке она держала алебастровый сосуд, полный чистого мира. Женщина поставила сосуд у ног Иисуса, сама опустилась на пол перед ним и, омыв его ноги слезами и отерев своими волосами, помазала ноги миром и поцеловала их.

Продолжение. Начало см. в №№ 1, 2—3.

Все это происходило на глазах у вкушавших пищу, ибо грешница никого не стыдилась.

— Ты думаешь, он и вправду пророк? — не удержавшись, шепнул Симон на ухо соседу. — Но ведь пророки не рождаются в хлеву! Говорят, его мать Мария держала его завернутого в тряпки в яслях! Вифлеемские пастухи видели это своими глазами. Будь он пророк, разве бы он не понял, что ноги ему оmyвает грешница, прикосновение которой омерзительно.

Иисус услышал последние слова Симона.

— Симон, — сказал он, — я хочу тебе что-то сказать. Ты позволишь?

— Я слушаю тебя, равви!

— У одного займодавца было два должника, — начал Иисус, — один должен был ему пятьсот динариев, другой — пятьдесят. Прошло время, но должники так и не смогли вернуть займодавцу свои долги. А он вошел в их положение и простил обоим. Считайте, сказал он им, что вы мне ничего не должны и никогда не были должны. А теперь, положи руку на сердце, скажи, Симон, который из них более благодарен ему?

Симон на мгновение задумался.

— Думаю, тот, которому более простил, — сказал он.

— Правильно ты рассудил, Симон, — и обернувшись к женщине, сидевшей у его ног, Иисус продолжал, обращаясь к нему: — Видишь ли ты эту женщину?

— Вижу, равви.

— Я ведь твой гость?

— Да, равви.

— Я пришел в твой дом, а ты не дал мне воды, чтобы омыть ноги.

— Прости мне, равви.

— А что сделала она? Она слезами облила мне ноги и волосами своими отерла. Ты не поцеловал меня, а она с тех пор, как я пришел, не перестает целовать мне ноги. Ты головы мне маслом не помазал, как это принято у нас, а она миром помазала мне ноги. Так это или не так?

— Так, равви!

— Потому говорю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что сердце ее полно любовью, а кому мало

прощается, тот мало любит. Прощаются тебе грехи, женщина, вера твоя спасла тебя.

Услышав эти слова, женщина залилась горячими слезами и обвила руками ноги Спасителя. А Симон и его соседи-фарисеи, недоуменно пожимая плечами, переглянулись: неужто он и в самом деле Сын Божий, что и грехи прощает?

Незванная гостья Симона была не единственной женщиной, спасенной Иисусом. Он вытащил из грязи безнравственности Марию, прозванную Магдалиной, изгнав из ее грешного тела семь бесов, и вернул ее, рабыню нечистых духов, к нормальной человеческой жизни. Иисус исцелил также Иоанну, жену Хузы—домоправителя Ирода, Сусанну и многих других. Исцеленные им женщины не оставляли своего Спасителя и повсюду следовали за ним, как преданные служанки.

И еще одну верную последовательницу приобрел Иисус, когда пришел в пределы Тирские и Сидонские. Он остановился на ночь на постоялом дворе. Плотно притворив дверь, он собрался было вздремнуть после долгих дней непрерывного труда. Но не успел дойти до постели, как в дверь бесцеремонно постучали.

— Тут какая-то женщина тебя спрашивает, — крикнул слугитель, принявший его за обычного постояльца, и, не дождавсь ответа, ушел.

В комнату вошла худая изможденная женщина в черном с исцарапанными щеками и там же у порога упала перед Иисусом на колени.

Эта женщина, язычница, хананеянка, имела дочь, которая была одержима нечистым духом и неслыханно страдала.

— Как ты узнала, что я здесь? — спросил Иисус, выслушав мольбу женщины. — Не думал, что меня знают в этих краях.

— Я иду за тобой издалека, — отвечала женщина, — но тебя постоянно окружает множество народу, пробиться сквозь него очень трудно.

— Я послан только к погибшим овцам дома Израилева. Дай прежде насытиться детям, соплеменникам моим. Нехорошо взять у детей хлеб и бросить псам.

— Но и псы, Господи, под столом едят крохи у детей!

— Стало быть, ты, пребывающая во тьме язычница, веришь, что я могу изгнать беса из твоей дочери?

— Верю, Господи!

— Коли так, встань, женщина, и иди! Бес уже вышел из твоей дочери!

Женщина бросилась к себе домой и нашла свою дочь совершенно спокойной, сидящей на постели.

— Дитя, тебя ничего не беспокоит? — не веря своим глазам, воскликнула женщина.

— Нет, мама! Наши мольбы и молитвы были не напрасны, все прошло!

— О, Иисус Христос! — слезы хлынули из глаз женщины, она упала на колени и воздела руки. — Да славится имя твое во веки веков!

Рано поутру Иисус вместе с апостолами вышел из пределов Тирских и Сидонских и направился к морю Галилейскому. И был уже далеко, когда народ, узнав о его приходе, заполнил постоялый двор, где он провел ночь и внял мольбе женщины-язычницы. Ветер доносил шум морских волн, а перед путниками в пустынной пыли возникли первые селения Десятиградия. В одной из деревень дорогу Иисусу преградила пожилая супружеская чета.

— Господи, Сын Давидов, у нас единственный сын и тот косноязычный и ничего не слышит.

— Приведите его ко мне.

К нему подвели юношу среднего роста с пробивающимся пушком над верхней губой. Иисус отвел его в сторону, вложил свои пальцы в уши, сплюнул, коснулся кончиком своего языка его языка, возвел глаза и воскликнул:

— Еффафа! Откройся!

И случилось чудо: как будто грянул гром в ушах юноши, ему показалось, небеса обрушились на него, он содрогнулся и крикнул внятнм голосом:

— Боже, помоги!

— Уже помог, юноша! — сказал Иисус. — Моли Отца Небесного, чтобы простил тебе все твои прегрешения и открыл врата Царства Небесного!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Толпы людей со всех концов страны, каждый день осаждавшие Иисуса, вынудили его вновь отправить апостолов на служение Богу. Подле себя он оставил лишь Симона-Петра и наиболее любимого им Иоанна и отправился с ними в Капернаум, где по договоренности должен был встретиться с апостолами. Они решили провести в Капернауме последний месяц осени кислев и всю зиму, отдохнуть здесь, а по весне снова выйти в народ, который с нетерпением, трепетно ждал их в каждом уголке страны. Исключение составлял лишь стольный город Иерусалим, где у Иисуса было немало врагов, и ему не улыбалось до поры попадаться им в руки.

Встреча с апостолами доставила огромную радость Иисусу. Он ласково поздоровался со всеми, усадил каждого подле себя, порасспросил о делах.

Почти все в один голос отвечали:

— Господи, и даже бесы нам повиновались, когда именем Твоим мы изгоняли их!

— Видел я сатану, молнией падавшего с небес, — довольно улыбаясь, отвечал Иисус, — я сделаю вас еще более сильными! Вам будут покоряться змеи и скорпионы! И никакая вражеская сила не сможет причинить вам вреда.

— За Иорданом, Господи, мы видели человека, который исцеляет людей и твоим именем изгоняет бесов. Мы запретили ему это. Но он не послушал нас и вообще не пошел за нами.

— Не запрещайте! Помните: кто не против нас, тот за нас! А что обо мне говорят, за кого почитают?

— Одни говорят, что ты Иоанн Креститель, другие — думают, что Илиа, третьи же — почитают за одного из пророков.

— А вы, вы за кого почитаете?

— Ты — Христос, Сын Бога Живого!

Эти слова произнес Симон-Петр, и Спаситель обратился непосредственно к нему:

— Блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец мой, сущий на небесах. Ты есть Петр, камень, и на сем камне я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее. Я дам тебе ключи Царства Небесного, и что свяжешь на

земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах.

— Славься, Господи!

— А теперь помните, никто не должен знать, что я—Христос. Никому об этом не говорите. Знайте и то, что меня ждут великие муки, и старейшины, первосвященники и книжники надругаются надо мной и предадут меня смерти, но на третий день я воскресну!

Иисус уже ничего не скрывал от апостолов, доверял каждому всем сердцем, считая, что скрывать что-либо от них безнравственно. Впрочем, интуиция подсказывала ему, что один из них связан с дьяволом, но он еще не знал, кто.

Симон-Петр усомнился в словах Иисуса и, чтобы не выказывать своего сомнения перед другими, отвел Учителя в сторону и тихо сказал:

— Как ты можешь говорить это, Господи! Разве может Сын Человеческий восстать из мертвых?!

Иисус повернулся к апостолам, взгляделся в каждого в отдельности, прикидывая, кто из них от дьявола, и затем обратился к Симону-Петру, усомнившемуся в его словах.

— Отойди от меня, сатана! — с нескрываемым отвращением сказал он. — Ты только мешаешь мне, ибо думаешь не о Божьем, а о человеческом, — и оглянувшись на остальных, оторопевших от его слов, добавил:— кто хочет идти за мною, я уже говорил об этом, должен отвергнуть себя, взять крест свой и следовать за мною! Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради меня, тот обретет ее. Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?

На восьмой день после этой пренеприятной беседы Иисус взял с собой трех апостолов — Симона-Петра, Иоанна и брата его Иакова, сыновей Зеведеевых, и поднялся на высокую, голую гору близ Капернаума. Достигнув вершины, Иисус сказал апостолам, чтобы они ждали его, а сам отошел в сторону и стал возносить Господу молитву.

Апостолы стояли поодаль и с любопытством и изумлением наблюдали за ним. Лицо Иисуса постепенно менялось и вскоре засияло, как солнце в зените, а его

одежда, пропыленная в долгих переходах через пески пустыни, сделалась белой и сверкающей.

Апостолы почувствовали сухость во рту, настолько велико было их волнение. Они упали на колени и вознесли Господу молитву: — Боже, великий, помоги нам, окажи свою милость!

Не прошло и нескольких минут, как Симону, Иакову и Иоанну было явлено новое чудо. А может быть, им всем троице это только казалось?! Их было уже не четверо на горе, а шестеро! К ним присоединились двое. Кто были они, откуда и как здесь очутились?! Двое подошли к горячо молившемуся Спасителю, поцеловали его в плечо и что-то сказали. Завязалась беседа. Лица у двоих светились, как у Иисуса, над головами сияли нимбы, а одежда ослепляла белизной.

Апостолы не сомневались, те двое спустились с небес, чтобы передать Спасителю послание Отца Небесного. Непостижимая высшая сила лишила их слуха, и они не разбирали слов, с которыми небесные посланцы почтительно обращались к Иисусу. Не знали они, что с Божественным словом на землю были явлены Моисей и Илия, они говорили со смирившимся со своей судьбой Иисусом о его уходе из этого мира. Это должно было произойти в Иерусалиме.

Тут апостолы почувствовали, как у них тяжелеют веки и постепенно одолевает сон. Они прилегли там же на раскаленные камни и захрапели. Все трое слышали свой храп. Все трое сознавали во сне, что сейчас не время спать, но не в силах были открыть глаза. Когда пришло время, они пробудились и увидели Иисуса и тех двоих, Моисея и Илию, продолжающих беседовать на том же самом месте.

Как видно, сон их продолжался всего несколько мгновений или минут.

Апостолы решили удалиться, чтобы не мешать беседе и невольно не услышать того, что им не дано было слышать, Симон-Петр опять оказался решительнее сыновей Зеведеевых.

— Наставник! — обратился он к Иисусу. — Нам, твоим ученикам, хорошо быть здесь вблизи от вас. Если позволишь, мы поставим три кущи, одну для тебя, две других — для твоих гостей.

Симон-Петр и сам не знал, что говорил, ему про-

сто хотелось сделать приятное Иисусу. Они находились на голой скале, где даже трава не росла, из чего же и как хотел он сделать кущи! Он еще не кончил свою речь, как на чистом небе появилось облако и осенило гору, на которой они стояли. Ужас объял апостолов, когда небеса содрогнулись и из облака, которое, казалось, поглотило все вокруг, раздался голос:

— Сей есть Сын Мой Возлюбленный, его слушайте!

Апостолы оглянулись на Иисуса. Небесные гости оставили его, он, стоя на коленях, горячо молился. Апостолы застыли на месте, шепча про себя слова молитвы. Никогда никому впоследствии не говорили они, чему довелось им быть свидетелями на этой горе.

На другой день они спустились вниз и здесь их встретило великое множество народу. Люди пришли сюда накануне и заночевали здесь в ожидании Иисуса. Они провели бы под открытым небом не одну ночь, лишь бы дожждаться Спасителя и получить от него благословение.

— Учитель! — раздался вдруг крик из толпы. — Умоляю тебя взглянуть на сына моего! Он один у меня остался, остальных унес тиф. Несчастливого схватывает дух, и он внезапно вскрикивает и падает наземь, дух терзает его так, что он испускает пену, и, изрядно измучив его, насилу отступает. Я просил учеников твоих изгнать его, но они не смогли.

Иисус увидел изможденного, одетого в тряпье старика, который через каждое слово бил челом Спасителю.

Ему стало жаль старика, глаза его увлажнились, брови сдвинулись и тихо, но так, чтобы было слышно апостолам, он произнес:

— О, род неверный и развращенный, доколе буду с вами и буду терпеть вас? — он повернулся к старику: — Приведи сына твоего!

Когда сын подходил к Иисусу, нечистый поверг его и стал бить. Несчастный корчился в судорогах. Люди содрогнулись при виде этого зрелища. Парень ревел, как раненный в самое сердце зверь, на губах выступила пена, он весь извивался, размахивал руками и ногами, пытаясь подняться с земли. Из толпы выскочили несколько здоровых парней. Один схватил его за руки,

другой — за ноги, третий придерживал голову, чтобы он не разбил ее о камни.

Старик-отец, глядя на муки сына, обливался горькими слезами, его единственной надеждой был Спаситель. Вокруг плакали все — и мужчины, и женщины, — эта ужасная картина никого не оставила равнодушным.

Спаситель строго приказал бесу выйти вон, причем его голос был слышен в самом конце толпы, и все люди затаили дыхание.

Больной тут же успокоился, расслабился, так что едва заметно было, как он дышал. Он лежал на спине, искровавленным лицом уставясь в небо, словно моля его о помощи. Старик бросился к сыну, опустился перед ним на колени и подложил свои дрожащие, бессильные руки под его отяжелевшую голову. Парень медленно открыл глаза. Взгляд его был бессмыслен. Увидев измученное лицо отца и множество людей вокруг, он, растерянный, приподнялся.

— Забери своего сына, — обратился к старику Иисус, — и пока не заставляй его работать. Дай отдохнуть некоторое время. Не бойся, нечистый дух более не сможет причинить ему вреда.

При исцелении бесноватого присутствовали братья Иисуса — Иаков и Иуда. Они вместе с остальными были поражены увиденным и возблагодарили Господа, когда увидели юношу исцеленным. Сердца Иакова и Иуды исполнились гордости за брата. А в Назарете ходил слух, будто бы Иисус решился ума, и люди, мол, дивились, неужели у него нет близких, которые присмотрели бы за ним и привезли домой, пока он не испустил дух под чужим кровом. Именно с этой целью братья пришли в Капернаум и, убедившись, что Иисус не нуждается в опеке и что слухи о его невменяемости — происки недругов, дождались момента и, оставшись с ним наедине, сказали:

— Уходи отсюда в Иудею, Иисус, покажи народу свои деяния. Времена изменились. Сейчас никто не действует втайне, все выставляют себя напоказ и ждут восхвалений. Мы отправляемся в Иерусалим на праздник Пятидесятницы, пошли с нами, покажи миру свое умение!

Говоря так, братья в глубине души не верили Иисусу, ибо были они рождены одной матерью и, несмотря на то, что Иисус отличался от них своей ученостью и знанием жизни, считали, что ничто не давало ему права объявлять себя Сыном Божьим, явленным небесами, и разговаривать с народом от имени Самого Господа.

— Мое время еще не пришло, — отвечал им Иисус, неверие братьев больно ранило его в самое сердце, но он и виду не подал, — вы — другое дело. Неужели вы не знаете, что в Иудее и в самой столице Иерусалиме, равно как и в Назарете, ищут меня, чтобы убить? Вас не могут ненавидеть, ибо вы никогда не дадите повод к этому, а меня ненавидят, ибо я живой свидетель тому, как злы дела их! Вы идите и пусть Господь будет с вами, я же не смогу присутствовать на празднике, ибо время мое еще не пришло!

«Хотелось бы знать, о каком времени он говорит? — думали братья, прощаясь. — Что если он в самом деле решился ума и не понимает, что говорит!».

После ухода братьев Спаситель под видом того, что должен уединиться в пустыне для молитвы и поста, покинул апостолов и народ и тайно отправился вслед за ними. Весь Израиль в эти дни устремился к столице. Это напомнило Иисусу его первую поездку в Иерусалим, когда он отстал от родных, и родители, вернувшись назад, нашли его в храме. При воспоминании о тех днях у Иисуса сжалось сердце, тоска по навсегда утраченному детству, с которым его разделяло около тридцати лет, переполнила грудь, и глаза его увлажнились.

Этот приход Иисуса в Иерусалим поначалу остался незамеченным — никто его не узнал. А ведь иудеи упорно искали его, чтобы примерно наказать богохульника и осквернителя Моисеевой веры.

Весь город, куда стеклось великое множество народу, только об Иисусе и говорил. Причем, говорили самое разное. Одни утверждали, что он сеет добро, исцеляет больных, возвращает зрение слепым и слух — глухим, выводит заблудших на дорогу, прощает грехи грешникам, а праведникам обещает Царство Небесное. Другие утверждали противоположное: он лицемер, дурчащий и совращающий народ, по какому праву он,

сын человеческий, отпускает грехи и обещает Царство Небесное, будто он Христос или пророк!

Иисус слышал все эти разговоры, но сохранял спокойствие, чтобы никто не узнал его и не выдал врагам.

Но пришел конец и его терпению. На четвертый день праздника Иисус, не таясь, вошел в храм, вошел на кафедру и начал проповедовать. Поначалу его слушали десять-пятнадцать человек, но постепенно число слушателей возрастало, и под конец все, кто находился в храме — и молящиеся и священнослужители, — собрались перед кафедрой. Всех поражало блестящее знание священных книг, которое выказывал молодой Учитель, и то там, то тут в толпе вспыхивали вопросы:

— Где он учился? Когда успел? Откуда он столько знает?

Этот шепоток, поползший по толпе, предвещавший признание и восхищение, дошел и до слуха Иисуса, и он счел необходимым объясниться.

— Мое учение не мое, но от Пославшего меня. Кто хочет творить волю Его, поймет, чье это учение — Божеское или выдуманное мною, и потому я заставляю вас уверовать в него. Кто говорит сам от себя, ищет славы себе, но кто ищет славы Пославшему его, тот истинен, и в словах его нет и крупинки неправды. Закон ведь всем нам положил Моисей. Признайтесь, кто из вас поступает не по закону? А если вы истинные последователи веры, за что ищете убить меня?

— Бес в тебе! — слышался из толпы исполненный ненависти голос. — Кто ищет убить тебя?!

— Позор вам! — губы Иисуса скривила насмешливая улыбка. — Вы не можете простить мне, что в Вифезде я исцелил больного в субботу! Моисей дал вам обрезание, хотя оно не от Моисея, а от отцов наших, и вы иногда обрезаете младенцев в субботу. Если в субботу принимает человек обрезание, чтобы не был нарушен закон Моисеев, почему на меня негодуете и рвете на себе одежду из-за того, что я исцелил больного в субботу? Не судите по внешним признакам, но судите судом праведным!

Слушали его иерусалимляне и говорили друг другу:

— Не тот ли это человек, которого ищут схватить и убить? Вот он стоит, не прячется, говорит явно. Если это он, почему его не хватают и ничего не говорят

ему? Неужели первосвященники удостоверились, что он подлинно Христос? Но мы-то знаем, откуда он! Когда придет настоящий Христос, никто не будет знать ни его происхождения, ни откуда он пришел!

И эти слова Иисус не оставил без ответа.

— И знаете меня, и знаете откуда я, осознайте, наконец, что я пришел не сам от себя, меня послал Отец мой Небесный. Истинен Пославший меня. Вы его не знаете и никогда не видели. Я знаю Его, потому что я от Него, и он послал меня!

Это были именно те слова, за которые иудеи хотели убить пророка из Назарета.

По храму прокатился ропот. Раздались отдельные выкрики, поднялся переполох. Он все еще твердит свое?! Опять выдает себя за Сына Божьего, несмотря на то, что рожден женщиной?!

И все же никто не посмел стащить его с кафедры. Видимо, не пришел еще час его страстей.

Но не все из присутствовавших в храме разделяли подобное настроение. Были и такие, кто не остался равнодушен к словам пророка из Назарета и уверовал в него.

— Когда придет настоящий Христос, неужели он сотворит больше чудес, нежели он? — спрашивали они и готовы были схватиться врукопашную с теми, кто поносил Иисуса.

Узнав, что самозванец Христос, Иисус из Назарета, исцелявший больных и восстанавливавший народ против веры Моисея, стоит на кафедре в Иерусалимском храме и читает богохульные проповеди, первосвященники и фарисеи, недолго думая, позвали своих служителей, велели схватить его и привести к ним.

Служители ворвались в храм, вклинились в толпу, окружили Иисуса и передали ему приказ пославших их.

Это произошло именно в тот момент, когда внимавший Иисусу народ разделился на два лагеря, и один лагерь противостоял другому.

Христос не удивился появлению вооруженных людей.

— Еще немного побуду я с вами, а потом вернусь к Пославшему меня, — спокойно сказал Иисус людям, — будете искать меня, но поздно, нигде не найдете. Вы не сможете прийти туда, где буду я.

Какая-то сила остановила служителей первосвященников, они отступили и, пожимая плечами, вопро- сительно уставились друг на друга.

— Куда это он уйдет, где мы не сможем найти его? — казалось, спрашивали они. — Может быть, он собирается идти к эллинам, дабы приобщить их к своей ложной вере? Что же могут значить слова: «Будете искать меня и не найдете»? Или: «Где буду я, туда вы не сможете прийти»?

Праздник между тем набирал силу. В последний день его народ вышел на улицы и, преисполнившись радости и Божьей благодати, пел осанну. Из храма выносили барвинок, вербу, зеленые ветки понтийского рододендрона и рассыпали их по улицам города.

Иисус, завернутый в золотистого цвета плащ, стоял у источника Спасения, там, где Моисей ударил посохом о землю и вырвавшейся из-под нее водой напоил тысячи жаждущих.

— Кто жаждет, иди ко мне и пей, — говорил Иисус каждому прохожему, — кто верует в меня, как сказано в Писании, у того из чрева потекут реки живой воды!

Христос говорил это о Духе, который должен был снизойти на каждого, кто уверует в него. Люди еще не знали Духа Святого, потому что Иисус еще не был вознесен к своей славе.

Люди жадно утоляли жажду водой, которую предлагал им осиянный нимбом пророк из Назарета.

— Он точно пророк! — говорили они.

А другие добавляли:

— Это Христос!

Но были и те, кто сомневался:

— Разве из Галилеи должен был прийти Христос?

— Ведь в Писании сказано, что Христос из семени Давида придет из Вифлеема, из того места, откуда был сам Давид!

И снова начались споры, распри. Среди спорящих было немало таких, кто хотел схватить Иисуса и выдать его первосвященникам, но они не посмели дотронуться до него. Какая-то непонятная сила защищала Иисуса, и эта сила сковывала по рукам и ногам его врагов.

Посланные за Иисусом служители вернулись к первосвященникам ни с чем.

— Где он? Почему вы не привели его? — первосвященники и фарисеи не могли скрыть своего изумления.

— Мы не слышали, чтобы человек когда-либо говорил так, как этот назаретянин! — признались служители.

— Что вы болтаете? Неужели и вы прельстились? — первосвященники и фарисеи дали волю своему гневу. — Разве смог он привлечь на свою сторону кого-либо из начальников или фарисеев? Проклят народ, ничего не понимающий в законе, и вы за неверие получите сполна!

Служителей разоружили и вытолкали вназад. В их услугах более не нуждались.

Никодим, советник Синедриона, ранее приходивший к Иисусу, чтобы лучше познать основы его учения, остановил горящих жаждой мщения своих собратьев.

— Разве закон наш судит человека, прежде не выслушав и не узнав, что он делает?

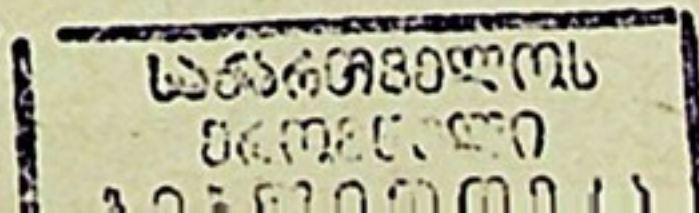
Никто не ждал такого вопроса от Никодима. Первосвященники помрачнели.

— Может быть и ты из Галилеи? — спросили они враждебно. — Выясни для себя и убедишься, что ни один пророк не был родом из Галилеи.

Так завершился праздник Пятидесятницы.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Иисус не захотел возвращаться домой, в Галилею, и апостолам, оставшимся в Капернауме, не дал о себе знать. Он поднялся на гору Елеонскую, что возвышалась над святым городом Давида и Соломона, и провел здесь ночь под крышей своего приятеля Симона прокаженного. Поутру он снова спустился в город и пошел в храм. Ожидавший Иисуса народ — други и недруги — обступили его со всех сторон. Иисус прошел вдоль

ряда больных, день и ночь лежавших на холодных плитах храма. Многих, до кого дотянулся, исцелил, а потом поднялся на кафедру, чтобы слово его, которого ждали, как манны небесной, было слышно всем.

В это время в храме появились неусыпные враги Иисуса, книжники и фарисеи, упорно преследовавшие его с одной-единственной целью — обличить и скомпрометировать. Они вытолкнули на середину храма женщину в изодранной в клочья одежде.

— Учитель, — обратились они к Иисусу, — эту женщину, которая сейчас обливается слезами, застали в момент, когда она совершала прелюбодеяние. Она не сможет отрицать это. Закон Моисея велит публично забивать таких женщин камнями. Что ты скажешь?

Иисус ответил не сразу. Он прекрасно понимал, что его недруги ставят ему ловушку, испытывают его, и ответь он, что грешницу надо простить, он дал бы им лишний повод обвинить его в богохульстве и осквернении Моисеевой веры.

Молчание Христа книжники и фарисеи расценили как свою победу, и, окрыленные ею, стали наседать на него.

— Почему ты молчишь? Ведь ты у нас пророк, проповедующий новое учение?! Скажи, как поступить нам, исполнить то, что велит вера Моисея, или отпустить эту женщину туда, откуда ее привели?

— Забьем ее камнями, — тихо ответил Христос, — но первым пусть бросит в нее камень тот, кто из вас без греха.

Толпа, окружавшая Иисуса, зашумела. Обвинители застыли в изумлении. Кто был среди них без греха? Иудеи, стоявшие за спинами неподкупных стражей веры и требовавшие исполнения сурового приговора, все — от дряхлых стариков до безусых юнцов — тут же побросали камни, которые держали за пазухой, и молча вышли из храма вслед за грозными обвинителями. За ними последовали и те, кто колебался в душе и не мог прийти к окончательному решению. Остались лишь Иисус и опозоренная на весь белый свет женщина, которая съезжившись стояла посреди храма в ожидании неминуемого приговора.

Иисус сошел с кафедры.

— Где твои обвинители? — подойдя к женщине, спросил он. — Что же никто не осудил тебя?

— Никто, Господи, — отвечала женщина. Опустившись на колени, она обеими руками взяла полу его плаща и прильнула к ней губами.

— Я тоже не осуждаю тебя, — успокоил ее Иисус, — ступай с миром и больше не гречи.

Очень многим пришлась по душе справедливость суда Спасителя, но было немало и таких, кто поддерживал книжников и фарисеев, требовал слепого подчинения закону веры и назаретского пророка причислял к хулителям Божьим.

В тот же день, ближе к вечеру, беседуя с народом, Иисус сказал:

— Я свет в этом мире. Кто последует за мной, никогда не пребудет во тьме, ибо свет, несущий жизнь, всегда будет с ним!

Книжников и фарисеев возмутило это его заявление.

— Ты сам о себе свидетельствуешь! Как мы можем считать это истиной?

— Я говорю истинно, ибо знаю, откуда пришел и куда иду. Я не один. Со мной Отец мой Небесный, пославший меня. А ваш закон не отрицает, что для подтверждения истины достаточно свидетельства двух. Нас двое. Я, говорящий сам о себе, и Отец мой Небесный, пославший меня.

— Где же твой Отец, о котором ты твердишь без конца?

— Вы не знаете ни меня, ни Отца моего. Если бы вы знали меня, то знали бы и Отца моего.

У книжников и фарисеев чесались руки. Чем больше он рассказывал о своем учении, тем сильнее было желание схватить этого лгунишку и предать в руки правосудия.

Но они не могли этого сделать по двум причинам: во-первых, Иисус обладал некой внутренней силой, сковывающей их по рукам и ногам, а во-вторых, он приобрел немалое число сторонников и последователей, которые не пожалели бы себя, лишь бы защитить своего Учителя и духовного наставника.

Передохнув, Иисус вновь обратился к своей пастве:

— Я уйду, вы же будете искать меня, но умрете

со своими грехами. Куда я иду, туда вы не сможете прийти.

Услышав эти слова во второй раз, иудеи удивленно стали спрашивать друг у друга:

— Хотелось бы знать, куда это он собрался? Что же он собирается убить себя, раз говорит: куда я иду, туда вы не сможете прийти?

Иисус еще раз убедился, что иудеи слушают его вполуха и не верят ни одному его слову.

— Как вам, которые отсюда, снизу, от мира сего, понять меня, который свыше, не от мира сего? — ласковый голос его звучал более твердо, а в словах чувствовалось немного яду. — Потому я и сказал, что вы умрете в грехах своих. Вы должны верить в меня, если не хотите умереть грешниками.

— Кто же ты, чтобы мы уверовали в тебя? Может быть скажешь, наконец?

— Разве я не говорил вам? Или вы слышите об этом впервые? Я мог бы сказать вам многое и мог бы судить вас. Но Пославший меня истинен, и то, что я слышал от него, то и говорю миру!

— О ком это ты?

— Так трудно догадаться? Об Отце моем Небесном, пославшем меня. Когда вознесете вы Сына Человеческого, тогда узнаете, что это — я. Я ничего не делаю по собственной воле, а говорю и делаю лишь то, чему Отец мой научил меня. Пославший меня всегда со мною, он не оставляет меня, ибо я делаю только то, что угодно ему!

— Это не простой смертный, — зашептались в толпе, — взгляните на его просветленное лицо и чистые глаза! Такой человек не может говорить неправды и не пожертвует своим соплеменником! Мы сами грешим против истины и своей злобой гневаем Господа, не можем понять, что он говорит нам.

— Может быть и так, — соглашались другие, — кто знает, под конец, когда пойдем, не пришлось бы пожалеть об этом.

— Если вы будете следовать моему учению, можете считать себя моими учениками и последователями, — Иисус устремил на них свой взгляд, — только этот путь приведет вас к истине, а истина — к освобождению!

— Мы потомки Авраама и никогда не были рабами, — вновь возвысили голос иудеи, — от кого это нас освободит истина?

— Всякий грешник — раб своего греха. Если Сын освободит вас от греха, то будете вы воистину свободны. Я знаю, что вы — потомки Авраама, но знаю и то, что вы хотите убить меня. За что? В чем провинился я перед вами? Только в том, что слово мое не вмещается в вас. Я говорю то, что видел и слышал у Отца моего, а вы делаете то, во что верили ваши отцы.

— Отец наш — Авраам!

— Если бы вы были детьми Авраама, то поступали бы так же, как поступал он. Вы же хотите убить меня, человека, сказавшего вам истину, слышанную от Бога. Авраам так не поступал! Вы просто продолжаете дела отцов ваших.

— Укороти язык, если хочешь выйти отсюда живым. Не думай, что мы дети блуда, у нас один отец и имя ему Бог!

— Если бы Бог был вашим отцом, то вы бы возлюбили меня, ибо я явился от Бога, вот я стою перед вами, а вы грозите мне смертью. Почему вы не хотите понять, что я говорю? Потому что не в состоянии воспринять слово истины. Вы — от отца вашего, дьявола, и хотите только одного — исполнять его прихоти. От начала он был злодеем и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда он лжет, он говорит свое, ибо сам он лжец и порождает ложь. Я же говорю вам истину, а вы не верите мне. Пусть встанет тот, кто обличит меня в неправде! Ну, чего же вы ждете?!

Могильная тишина на мгновение воцарилась во храме, а потом толпа загудела, но никто не тронулся с места.

Иисус подождал немного и продолжил:

— Никто не может этого сделать, ибо я говорю истину, почему же вы не верите мне? Неужели истина для вас — ничто? Знайте, кто от Бога, тот слушает слова Божьи. Вы же потому не слушаете меня, что вы не от Бога.

Злоба душила иудеев, терпение их лопнуло.

— Разве мы не правы, когда говорим, что ты — самарянин и одержим бесом? — крикнули они в лицо Иисусу.

— Я не одержим бесом, наоборот, я почитаю Отца моего, Бога вашего, и верен Его слову, а вы, то и дело похваляясь, что вы дети Авраама, на каждом перекрестке ругаете и бесчестите меня. Пусть знает Всевышний, и вы уясните для себя: я не ищу для себя славы. Но есть тот, кто ищет славы для меня. Истинно говорю вам: кто последует моему учению, тот никогда не умрет!

— Неужели ты более велик, чем отец наш Авраам, который умер? И пророки тоже умерли! Кто ты такой? С кем равняешься?

— Авраам, ваш отец, мечтал увидеть тот день, когда я приду. Он увидел этот день и был счастлив.

— Нет, вы посмотрите, люди, он слишком зарвался! Тебе еще нет и пятидесяти, и ты видел Авраама? Когда? Где ты его видел?

— Истинно говорю вам: я есмь прежде, нежели был Авраам!

Этого иудеи снести не могли. Чаша терпения их переполнилась. Они с угрозами ринулись на него, чтобы схватить и разорвать на куски, но ко всеобщему изумлению, как некогда в родном Назарете, Спаситель вдруг стал невидим, он прошел через толпу и вышел из храма так, что его никто не заметил.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Узнав, наконец, о местопребывании исчезнувшего без следа Спасителя, апостолы встретили его на границе Галилеи. Толпа иудеев следовала за Иисусом, хотя они были напуганы и молили Господа, чтобы по возвращении домой обошлось без неприятностей.

От людей апостолы узнали, что произошло в стольном городе Иерусалиме, и искренне, сожалея, что Учитель не позволил им сопровождать его и отправился один в это осиное гнездо, где у него было столько недругов.

Христос подробно расспросил их о том, что происходило в Галилее за время его отсутствия, чем были

заняты апостолы. Симон-Петр держал ответ за всех. В Капернаум, где, как предполагали израильтяне, должен был находиться Христос, со всех концов страны стекались толпы народа. Больных несли на носилках, апостолы по мере своих возможностей исцеляли их, но народ не убывал.

Ночь Христос с учениками решили провести в одной из близлежащих деревенок. Они уже входили в деревню, когда на краю дороги увидели слепого, опирающегося на костыль. Апостолы заметили его, когда шли на встречу с Христом, и очень удивились, застав его на том же месте.

— Узнайте, что ему нужно, кого он ждет, может быть нас, — велел Христос.

Иаков и Иоанн привели слепого.

— Откуда ты? Из здешних мест? — спросил Христос.

— Нет, Господи, я иду издалека, — отвечал слепой, — добрые люди сказали мне, что по этой дороге не сегодня-завтра пройдет Спаситель, и если я повстречаю его, он вернет мне зрение. Шестой день стою на этом месте, а его, благословенного, все нет.

— Ты слеп от рождения?

— От рождения, Господи. Сроду не видел света!

— Учитель, кто же тут согрешил, раз он родился слепым — он или его родители? — спросили Христа апостолы.

— Ни он, ни его родители не грешили, — отвечал Христос, — а родился он слепым для того, чтобы на нем явились дела Божьи. Его исцелит чудо, которое явит Сын Человеческий. И пока не пришла ночь, я должен сделать то, что доверил мне Пославший меня.

Сказав это, он сплюнул на землю, смешал слюну с пылью и помазал этой грязью глаза слепого.

— Иди и омой лицо, — сказал он.

Иудеи, пришедшие с Христом, узнали слепого, который, стуча своим костылем, пошел в сторону селения. Каждый божий день он сидел на ступеньке иерусалимского храма и попрошайничал.

— Это он? — спрашивали они друг у друга.

— Он, конечно, он, я его среди тысячи узнаю!

Слепой был иудеем. Он знал, что иудеи преследуют Христа, и потому скрыл от него свое происхождение.

ние, боясь, что иудея Спаситель не исцелит. Слепой пришел в ближайшее иудейское селение и у колодца попросил воды, чтобы смыть грязь с век. Вдруг он закричал истошным голосом. Мирно беседовавшие женщины в страхе повскакали с мест и уставились на него — неужели змея укусила.

— Вижу! Вижу! — кричал слепой.

— Господи! — одна из женщин шлепнула себя ладонью по щеке. — Не тот ли это человек, который сидит обычно на ступеньке храма и просит милостыню?

— Да, пожалуй, он! — подтвердила вторая.

— Нет, он просто очень похож на него... — засомневалась третья.

— То есть как это похож? — вскричал слепой. — Я и есть он самый!

— Господи, Боже, чего же ты медлишь, скажи, каким чудом ты обрел зрение?

— Человек по имени Иисус, Спаситель, смешал с пылью свою слюну, помазал этой грязью мне веки и сказал: «Пойди омой лицо». Я умылся и вот! — он вытаращил глаза — мол, всех вас вижу.

— Где же этот человек, Иисус, Спаситель, куда он пошел?

— Откуда мне знать, я же был слепой.

Весь край пришел в волнение. Люди только и говорили, что о чудесном прозрении. Откуда только не приходили, чтобы услышать о чуде своими ушами. И привели бывшего слепого к фарисеям.

— Когда это случилось? — спросили они.

— Неделю назад!

— Стало быть, в субботу!

— Да, была суббота.

— Расскажи, как он исцелил тебя.

— Он помазал глаза мне грязью. Я смыл ее и прозрел.

Фарисеи осмотрели прозревшего. Изучали его зрачки, вывернули веки и заглянули вовнутрь. Никаких изменений не обнаружили. Выходит, человек по имени Иисус, о котором местные фарисеи уже слышали как оленном небесами чудотворце, действительно сотворил чудо?

После долгих раздумий и колебаний один из фарисеев изрек:

— Этот Иисус не от Бога, потому что не соблюдает субботы.

Остальные молчали.

— Как может грешник совершать такие чудеса? — наконец выразил свое сомнение другой.

Разгорелся спор, поднялся крик. Чуть не вспыхнула драка. Тогда первый фарисей повернулся к прозревавшему и спросил его:

— А ты что скажешь о нем?

— Об Иисусе?

— Да.

— Он — пророк, — не задумываясь, ответил бывший слепой.

Услышав это, фарисеи вновь распалились гневом, заскрипели зубами.

— Ты лжец, негодяй! Посадить бы тебя на кол за то, что врешь, будто был слеп и какой-то бродяжка Иисус возвратил тебе зрение. Признайся, сколько динариев он дал тебе, чтобы ты врал всем подряд?! Кого ты собирался обмануть? Кого пытался убедить в этой явной лжи?!

— Бог свидетель, я не лгу и никаких динариев не брал.

— Чем же ты докажешь свою правоту?

— Родители мои живы, пошлите за ними и спросите, был ли я от рождения слеп?

Предложение понравилось людям, которые уже в большом числе собрались вокруг, и они посоветовали фарисеям, решившим во что бы то ни стало уличить этого человека во лжи и тем самым доказать, что называвший себя Иисусом — обыкновенный жулик, послать за родными слепого.

— А ведь он прав, пошлем за родителями, они живут неподалеку!

Прозревший назвал свою деревню, четвертую по счету на Кесарийской дороге. Послали туда человека, и на другой день он вернулся с пожилыми родителями прозревшего. Могли ли они знать, что увидят своего сына, всю жизнь прошедшего во тьме, здоровым и невредимым!

Восторгу фарисеев не было предела, когда слепец, которому Иисус возвратил зрение, не узнал собственных родителей. Но как он мог узнать их, если всю свою

жизнь прожил во тьме и никогда не видел ни отца, ни матери. Так что радость фарисеев была преждевременной тем более, что родители тут же узнали своего сына, подбежали к нему и остановились как вкопанные, увидев его зрячим.

— Это сын ваш? — спросили фарисеи растерявшихся стариков.

— Да.

— Действительно он родился слепым?

— Истинная правда.

— Каким же образом он теперь зрячий?

— Видимо, волею Божьей. Нам известно только то, что он наш сын и он родился слепым. Почему он сейчас зрячий, мы не знаем. Спросите у него самого, он ведь не немой.

Войдя в деревню, родители узнали, что сыну их возвращено зрение, узнали и то, кто возвратил ему зрение, и безмерно благодарные, в душе они возносили горячую молитву Господу, ничем, впрочем, не выдавая себя, ибо боялись своих сограждан-иудеев и особенно фарисеев, так как те уже сговорились: если кто признает Иисуса из Назарета Христом, будет изгнан из синагоги.

Не сумев доказать, что прозревший лжет, не добившись подтверждения этому от его родителей, фарисеи снова призвали к себе бывшего слепого.

— Воздай хвалу Господу, — сказали они, — мы знаем, что твой целитель Иисус — грешник!

— Я не знаю, грешник он или нет, — отвечал тот, — знаю одно: я был слеп и с помощью Божьей прозрел.

— Все же что он сделал с тобой? Каким образом вернул тебе зрение?

— Я уже говорил вам, но вы не хотите слушать меня. Что еще сказать? Или вы хотите стать его учениками?

— Вы посмотрите на этого недоноска, что он себе позволяет! Это ты его ученик, а мы — ученики Моисея! Мы знаем, что Бог говорил с Моисеем. А кто он, откуда и чей?

— Удивительно, вы не знаете откуда он, а он мне, слепому, дал зрение.

— Мы знаем, что Бог не слушает грешников, он слушает только тех, кто чтит Бога и выполняет его во-

лю. Где это слыхано, чтобы рожденному слепым кто-то давал зрение?

— Не будь этот человек от Бога, он не смог бы сделать ничего подобного.

— Ты, грешный человек, пытаешься поучать нас? Почему небеса не обрушатся и не погребут тебя под собой?! Если тебе дорога жизнь, убирайся отсюда!

Прозревший, видя, что ему грозит опасность, решил немедленно уйти, как вдруг какой-то незнакомец остановил его и, глядя ему прямо в глаза, спросил:

— Ты веришь в Сына Божьего?

— А кто он, Господи, чтобы верить в него? — спросил прозревший. Голос незнакомца показался ему знакомым, и его внезапно пробрала дрожь.

— Ты знаешь его. Он разговаривает сейчас с тобой, он — тот, кто тебе, от рожденья слепому, дал зрение.

— Верую, Господи, — убедившись, что это действительно тот, кто исцелил его от слепоты, сказал он и низко поклонился.

Спаситель коснулся рукой его головы и, обратившись к стоявшим вокруг людям, произнес:

— Я пришел в этот мир, чтобы свершить суд, чтобы незрячие прозрели, а зрячие ослепли.

Те из фарисеев, кто услышал его и понял, кто это с ними говорит, преодолев некоторое смущение, насмешливо спросили:

— Из твоих слов можно сделать заключение, будто и мы слепые!

— Если бы вы были слепы, то не имели на себе греха, — спокойно отвечивал Иисус. — Слепой ведь ничего не видит, как не видел этот человек. В чем он виноват, ежели ничего не видит? Вы другое дело, вы говорите, что вы зрячие, значит грех ваш остается при вас. Кто заходит в овечий загон не через дверь, а любым другим путем, истинно говорю вам, тот — вор и разбойник. В овечий загон через дверь входит пастух. Овцы узнают его по голосу. Он каждую называет по имени и выводит из загона. Он идет впереди, а овцы следуют за ним, ибо послушны его голосу. За чужим они не пойдут, напротив, убегут от него, потому что голос его не знаком им.

Фарисеи и их единомышленники недоуменно пере-

глядывались — что он там несет, что хочет сказать. Их изумлению и возмущению не было предела, когда пророк из Назарета объявил себя «пастухом ^{говечвим}». Всех, кто до него пытался войти в загон и вывести овец, он окрестил ворами и разбойниками. Затем пастух превратился в дверь загона. Спасется тот, кто войдет через него. Он войдет и выйдет и найдет пастбище. Спаситель осудил воров и разбойников, у которых одна цель: украсть, убить, уничтожить.

— Я — добрый пастух, — продолжал он, опуская руку на плечо исцеленному от слепоты. — Добрый пастух жертвует своей жизнью ради спасения овец. Наемный работник, слуга — не пастух, овцы не принадлежат ему. Завидев волка, выскочившего из лесу, он тут же бросает овец и убегает прочь. Голодный волк нападает на овец, они разбегаются в разные стороны. Наемному работнику все равно, что будет с овцой, — сожрет ее волк, или она сорвется со скалы. Я добрый пастух, — снова повторил он, — я знаю своих овец, и мои овцы знают меня. Я знаю и других овец, не из этого загона. Я должен привести их в стадо, и когда приведу их, будет одно стадо и один пастух. Эту заповедь получил я от Отца моего. Я и Отец мой Небесный одно целое.

— Он опять за свое! — фарисеи и их сторонники стояли отдельной группой, будто общими усилиями собирались отразить удар, грозящий им извне. — Он одержим бесом и не в своем уме. Что вы слушаете его!

Однако многие не согласились с ними.

— Одержимый бесом не будет говорить так и уж наверняка не сможет давать зрение слепым.

— Что ему здесь надо? — фарисеи пропустили возражение мимо ушей. — Кто его приглашал сюда? Нельзя без него обойтись? Или для общения с Богом нам необходимо его посредничество?! Если ты Христос, так прямо и скажи нам.

— Я сказал вам, а вы не поверили, — невозмутимо отвечал Иисус. — Дела, которые я творю во имя Отца моего, сами свидетельствуют обо мне. Вы не верите лишь по одной причине — вы не из моей паствы. Я же говорил вам, мои овцы прислушиваются к моему голосу, узнают его и потому следуют за мной. Я дарую им вечную жизнь, и они никогда не умрут. Пусть

никто не пытается похитить их у меня — ничего не получится. Отец мой, даровавший мне их, больше всех сущих, никто не сможет похитить их из рук Отца моего. А я и Отец мой — едины.

Иудеи схватили камень, чтобы забросать ими проповедника. К ним примкнули и те, кто до поры держал сторону Иисуса, ибо им показалось, что учитель перегнул палку — от признания всевышности Бога перешел к Его уничижению.

— Волею Отца моего я совершил для вас множество добрых дел, — горько усмехнулся Иисус, — за какие же из них собираетесь вы забросать меня камнями?

Фарисеи в восторге от того, что смогли привлечь на свою сторону большую часть толпы, не замедлили с ответом:

— Не за добрые дела мы собираемся забросать тебя камнями, а за то, что ты богохульствуешь. Где ты видел такого умника, который забивает камнями за добрые дела?! Ты — человек, выдаешь себя за Бога! Вот в чем твоя вина!

— Разве не в вашем законе записано: «Я сказал: вы — боги»? Откройте Псалтирь, псалом 81, стих 6! Если он назвал богами тех, на ком был гнев Божий, а Писание нельзя оспаривать, то неужели того, кого избрал Отец Небесный и явил миру, вы будете обвинять в богохульстве только потому, что он открыл вам свое происхождение и признался, что он — Сын Божий. Если я не творю дел Отца моего, не верьте мне, воля ваша, но если я делаю то, что велит Отец мой, то поверьте делам моим, коли не верите мне, и тогда вы поймете, что Отец мой во мне, а я в Отце моем.

— Почему мы позволяем ему болтать и отравлять атмосферу? — крикнул кто-то из фарисеев. — Держите его, не дайте ему уйти!

Толпа пришла в движение, но Иисусу и на этот раз удалось ускользнуть из рук своих недругов. Вместе с апостолами он отправился на другой берег Иордана, в Вифараву, туда, где когда-то Иоанн крестил народ, решив остаться там до весны.

За ним последовала огромная толпа людей. Они говорили, что Иоанн не сотворил никакого чуда и толь-

ко то, что он сказал о Сыне Человеческом, Иисусе из Назарета — истинная правда. А Христос продолжал свои деяния, умножая число своих последователей и учеников.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Фарисеи и саддукеи вслед за Христом перешли на другой берег Иордана и присоединились к местным своим единомышленникам. Они не могли выпустить из рук человека, который своим богохульным учением полностью опровергал Моисееву веру. Все старые истины были поставлены с ног на голову. Страна бурлила. Вся Галилея и соседние с нею провинции были охвачены народным движением. Раскол произошел и в стольном городе Иерусалиме. Учение назаретянина, прозванного Христом, распространилось, как пожар в пустыне, затрагивая, главным образом, угнетенные и неимущие слои общества. Довольно внушительное число людей требовало возведения Иисуса из Назарета на царский престол Иудеи, что возмутило даже римлян и самого прокуратора Понтия Пилата, посчитавшего волнения предвестником нового восстания этого непокорного, бунтарского народа, и потому принявшего сторону ненавистных ему иудейских первосвященников и старейшин.

Сосредоточение богатств и материальных благ в одних руках за счет крайнего обнищания других, согласно учению назаретянина, считалось величайшим грехом перед Богом и осквернением установленного им Закона. Оно пророчило уничтожение рода человеческого, а голодной толпе обездоленных ничего больше не требовалось. Кровь должна была пролиться, назревала братоубийственная война, которая разразилась, она принесла бы неисчислимые беды. Явленный Богом миру Спаситель, как возвещали на каждом перекрестке его сторонники и последователи, Царь Иудейский стремительно шел к вершине своей славы, и ничто на этом пути не могло остановить его, если бы сильные мира

сего не объединили свои усилия и не погубили бы его. Дело было спешным и неотложным. Малейшее промедление могло привести к непоправимому.

Первосвященники и старейшины понимали, что Иисус из Назарета, признанный очень многими Сыном Человеческим, Христом, Царем Иудейским, был силен и неприступен до той поры, пока рядом с ним находились его многочисленные сторонники. Если бы одурманенный его проповедями и чудесами народ оставил своего Спасителя на двух-трех апостолов, уничтожить его, предать забвению память о нем не составило бы никакого труда. Поэтому все новые и новые силы книжников и фарисеев вступали с ним в публичные словопрения, дабы прекратить распространение его влияния на народ, уличить во лжи и доказать, что он не явленный Богом Сын Человеческий, а обыкновенный смертный.

Никто, кроме книжников и фарисеев, не смог бы справиться с этой задачей. Несмотря на внутренние противоречия, испокон веку раздиравшие эти две секты, они объединили свои усилия и делали одну попытку за другой, чтобы добиться желанной цели.

И те и другие не признавали чудес, связанных с исцелением немощных, слепых, глухонемых, убогих, одержимых бесами людей и воскрешением из мертвых, и из этого исходили в своих рассуждениях. В чем же заключались они? А в том, что все деяния Иисуса из Назарета были не чудесами, а земными делами, которыми ведает вельзевул, князь бесовской.

— Конечно же, он изгоняет бесов властью вельзевула, князя бесовского! — говорили они, в надежде вовлечь Иисуса в спор. — Он связан с бесами и действует с ними заодно.

— Порождения ехиднины, как говаривал Иоанн Креститель! — принимал вызов Иисус. — Неужели зависть и злоба так ослепили вас, что вы не видите очевидного?! Разделенное в самом себе царство рано или поздно падет, не устоит, и разделенный сам в себе дом рано или поздно сгинет, не уцелеет. И если сатана восстанет против самого себя и пойдет против себе подобных, и он не сможет уцелеть, и придет конец его царству!

— Как же ты добиваешься этого, если не хитростью и бесовской властью?

— Когда сильный, до зубов вооруженный муж защищает свой дом и свое добро, как вы думаете, что-нибудь грозит этому дому? Только в том случае, если на него нападет более сильный, победит его в равном поединке, свяжет по рукам и ногам и разоружит. Что скажете на это?

Пожилая женщина, со слезами на глазах внимавшая Спасителю, воскликнула от всего сердца:

— Блаженно чрево, принявшее тебя, блаженны груди, вскормившие тебя!

Иисус взглянул на нее и мягко поправил:

— Блаженны слушающие слово Божье и исполняющие его!

— То, что ты делаешь, вовсе нетрудно, — стояли на своем оппоненты Иисуса, — если своей покорностью расположить к себе вельзевула, он еще и не тому научит. Ты нас ни в чем не убедил! Если ты действительно Сын Божий, яви нам небесное чудо! Останови заход солнца, опусти луну, швырни на землю молнию!

Говоря это, противная сторона была убеждена, что подобные требования поставят назаретянина в тупик — либо он должен будет явить одно из небесных чудес, либо принародно признать себя побежденным.

К их удивлению Иисус, не дрогнув, отвечал:

— Род лукавый и прелюбодейный, вы ищете знамения и, не найдя его, пытаетесь обвинить Сына Человеческого во лжи! Забываете, что единственное небесное знамение, которое явил вам Господь и свидетелями которого вы стали, это явление Отцом Небесным Сына Человеческого. Это ли не чудо? Разве таким же чудесным образом не был явлен ниневитянам пророк Иона? Бог явил ниневитянам Иону. А до того, как написано в Писании, Иона был во чреве кита три дня и три ночи. Но Господь вывел его оттуда. Подобно Ионе Господь явил Сына Человеческого Мессией и определил его судьбу.

В это время слуги фарисеев, без которых они не обходились, принесли еду, разложили ее на траве, несмотря на то, что солнце уже садилось и в воздухе чувствовалась прохлада. Фарисеи пригласили к импровизированному столу Иисуса с апостолами. Те, не раздумывая, приняли приглашение, возлегли на траве и, бу-

дучи голодны, принялись за еду. Фарисеи, внимательно наблюдавшие за ними, тут же отметили про себя, что никто из них не умыл рук перед едой, как того требовал закон, и как бы между прочим заметили Иисусу:

— Почему твои ученики не следуют обычаям предков и едят немытыми руками?

— А вы почему пренебрегаете заповедями Божьими? — немедленно откликнулся Христос, как будто ждал этого вопроса. — Господь сказал: «Почитай мать и отца своих». Сказал или нет! Сказал! Он и то сказал: «Человек, хулящий мать и отца своих, да будет предан смерти». Вы же не станете возражать против этого?

— Нет, не станем!

— А что говорите вы? Что говорите тем, кому обязаны своим появлением на этот свет, — отцу и матери? «То, что я должен вам, уже отдано Богу!» Вот что вы говорите! А теперь скажите, кого вы почитаете — Бога или мать и отца? Мне кажется, ни первого, ни вторых. Богу отдайте Богово, родителям — родителево. Лицемеры, прав был Исая, когда пророчествовал о вас: Люди сии чтут меня устами, но сердца их далеки от меня.

— Почему ты не отвечаешь на наш вопрос, Учитель, почему ученики твои нарушают закон и не моют рук перед едой?

— Истинно говорю вам: ничто, входящее в человека извне, не может осквернить его, но что исходит из человека, оскверняет его. Неужели вы не понимаете, что все, входящее в уста, проходит в чрево и извергается вон? А исходящее из уст исходит из сердца, и именно оно оскверняет человека. Из сердца исходят дурные помыслы, убийства, прелюбодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления. Это и оскверняет человека, а есть немытыми руками не такой уж великий грех. Вы, законники и фарисеи, очищаете чашу и блюдо снаружи, а сами полны награбленным и расхищенным. Неразумные! Разве сотворивший внешнее не сотворил внутреннее? Так отдайте бедным ваши блюда и чаши, и тогда очиститесь сами! Не вы ли так любите занимать первые места в синагогах и на пиршествах, высокомерно кивать окружающим, смотрите, мол, какие мы важные! О, лицемеры, как вы напоминаете мне

побеленные гробницы, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвецов и всякой скверны!

У фарисеев испортился аппетит, они заметно сникли. — Что ты говоришь, Учитель! — не выдержав, возразил Иисусу один из них. — В чем мы провинились перед тобой, что ты так непристойно отзываешься о нас?!

— А разве вы не достойны худшего? — вспыхнул Иисус. — Ну-ка припомните, какое тяжкое бремя вы возлагаете на плечи несчастного народа, а сами и пальцем не шевельнете, чтобы облегчить ему участь. Не вы ли строите гробницы пророкам?! А кто умертвил их, на чьих грязных руках их чистая кровь? Это ваши отцы пролили кровь пророков, никто более! А вы, их дети, что делаете? Вы свидетельствуете и сочувствуете делам ваших отцов! Они пролили кровь пророков, умертвили их, а вы курите им фимиам и возводите блестящие гробницы. Деяние, достойное фарисеев! Потому и гласит мудрость Божья: я пошлю им пророков и апостолов, одних они убьют, других изгонят из родины, и спросится с рода сего за всю кровь, пролитую на земле со дня ее сотворения — от крови праведника Авеля до крови Захарии, убиенного между храмом и алтарем. Истинно говорю вам, за все эти грехи спросится с вас, живущих ныне. Горе вам, законники! Вы похитили ключ познания — сами не вошли в храм и других не пустили!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Ночь прервала споры. Иисус с апостолами направился в Вифараву, к знакомому Симона-Петра. Он был необычайно взволнован. До поздней ночи не мог успокоиться и даже не прилег отдохнуть. Попросил апостолов разжечь огонь и, сев у очага, дал им знак присоединиться к нему. Сырой кизяк пахуче дымил, и рыбацкая хижина наполнилась чадом и запахом навоза. Женщины, из которых он некогда изгнал бесов, разма-

живая опахалами, отгоняли дым, стараясь не пропустить ни одного слова Учителя.

Мысли Иисуса все еще вертелись вокруг законников, жертвой которых ему предстояло вскоре стать. Он говорил ученикам, что учение законников подобно домику, построенному на песке, который будет разрушен и развеян в прах, ибо нет ничего в мире скрытого, что не открылось бы, и ничего тайного, что не стало бы явным. Все должны знать, что сказанное в темноте будет услышано при свете, и сказанное шепотом на ухо будет провозглашено с крыш.

Иисус умолк, уставившись на синеватые язычки пламени, лизавшие куски кизяка.

— Не бойтесь тех, кто может убить ваше тело, — вдруг произнес он, — и больше ничем другим не повредит вам. Бойтесь того, кто имеет власть не только ваше тело погубить, но и душу ввергнуть в геенну вечную! Не спрашивайте, почему я повторяю вам то, что уже говорил не однажды. Близится мой час, сегодняшней спор убедил меня в этом, и я считаю себя обязанным предостеречь вас.

Апостолы предались тоске и печали. Беспокойство и грусть, владевшие Учителем, тяжким бременем легли на их души.

— Позволь мне сказать, Господи!

— Говори! Ты кто?

— Я хозяин этой хижины.

— Что тебя беспокоит? Болен кто-нибудь?

— Скажи моему брату, пусть поделит со мной наследство, оставленное отцом!

— Человек, кто поставил меня судить и делить наследство? — вымученно улыбнулся Иисус. — Не зарься на наследство, полученное твоим братом, довольствуйся плодами труда своего. Берегись стяжания. Человек может быть очень богат, но ведь не одним богатством он жив! Я расскажу вам притчу, а вы меня послушайте. У одного богача земля дала хороший урожай. Урожай был настолько велик, что бедняга оказался в затруднении: что делать? где хранить это добро? Решил: снесу-ка я старые амбары, построю большие и соберу в них все свое зерно — отдыхай, ешь, пей и веселись. Но явился ему Бог, и, как вы думаете, что он ему сказал? Возьми я твою душу этой же ночью, сказал

Бог, кому достанется твое добро?.. Так бывает ^{всегда} с человеком, который копит богатство для себя, а не для Бога.

Рано поутру Иисус с учениками отправился в местную синагогу. Здесь его дожидалось множество народу. Прежде чем начать проповедь Иисус исцелил женщину, которая восемнадцать лет не могла разогнуться. Она была скорчена до такой степени, что носом почти касалась земли. Иисус сам заметил ее в толпе верующих, подозвал к себе и коснулся своей чародейной рукой. Женщина в тот же миг выпрямилась и бросилась в ноги своему избавителю. «Ты Христос, Спаситель, Царь Иудейский», — бормотала она со слезами на глазах.

Молодой староста синагоги, симпатизирующий фарисеям и ни под каким видом не впустивший бы пророка из Назарета в синагогу, будь на то его воля, налетел на распростертую на полу женщину:

— Шесть дней в неделе для работы, когда никому не возбраняется заниматься делом! Зачем же приходить сюда в субботу? Неужели нельзя найти другие дни для исцеления?

Иисус выслушал спесивого старосту, а потом сказал:

— Разве каждый из вас не отвязывает своего вола или осла от яслей в субботу и не ведет их на водопой? Разве эта женщина, дочь Авраама, которую сатана восемнадцать лет держал связанной, пока она, наконец, не выпрямилась, не лучше ваших волов или ослов, чтобы быть исцеленной в субботу?

Заносчивый староста вмиг проглотил язык. Устыдились и другие, кто всякий раз настойчиво советовал Учителю не раздражать служителей Бога и не нарушать субботы. А народ, очевидец случившегося, возрадовался и вознес хвалу божеской благодати Иисуса и его любви к ближнему.

...А в это время во дворце тетрарха Ирода разворачивались события иного порядка. Здесь стало известно, что изгнанный из Иудеи пророк зовет народ Перей к покаянию в грехах, обещает ему Царство Небесное и призывает к восстанию против законного правителя края и самого цезаря.

Первой об этом узнала Иродиада, но ничего не ска-

зала мужу. Когда же Ироду сообщили о действиях пророка, она призвала к себе придворных и подробно расспросила их.

Восстание стонущих под римским ярмом сынов израилевых, их выступление против карательных отрядов римлян было не таким уж невероятным событием. Именно в это время в Идумее вспыхнул бунт. Заговорщики напали на гарнизоны, погрязшие в пьянстве и разврате, и, где смогли, перебили их. Прокуратор Понтий Пилат жестоко расправился с израильтянами, выставив против них свои изнывавшие от безделья когорты. Главари восстания были схвачены и публично казнены, дома израильтян сожжены, а оставшихся в живых заставили пожалеть, что они уцелели.

Ирод внимательно следил за событиями в Идумее, опасаясь, как бы пожар восстания не перекинулся на его владения и римские легионеры, вошедшие во вкус грабежа и насилия, не сровняли бы их с землей.

Услышав о появлении пророка, Ирод встревожился, он оказался во власти противоречивых чувств. С одной стороны, как уже было сказано, он боялся народного бунта, что непременно повлекло бы за собой приход карательных отрядов римлян, с другой же, сам пророк лишал его душевного покоя — что если это обезглавленный Иоанн восстал и сеет смуту в народе, чтобы всемогущий Рим сорвал на нем, Ироде, свое зло.

Выбора не было, как и тогда, все надлежало решить силой и оружием. Такого же мнения придерживалась и напуганная не менее своего супруга царица Иродиада.

По приказу тетрарха вооруженные отряды конницы и пехоты направились в Вифараву, где должны были схватить пресловутого пророка с его единомышленниками и огнем и мечом погасить очаги народного восстания, если таковые в действительности имелись.

Эту тревожную весть привезли в Вифараву иудейские книжники, подначальные Никодиму, и тайно сообщили о ней Иисусу.

— Пока не поздно покинь эту грешную страну, Ирод послал сюда свои войска, они должны схватить и убить тебя!

При одном упоминании об Ироде гримаса отвращения скривила лицо Иисуса.

— Передайте этой хитрой лисе, что еще два дня я буду исцелять страждущих, а потом смерть найдет меня без его помощи.

— Они будут здесь сегодня, Господи, — осторожно возразили ему люди Никодима. — Им приказано привести тебя под конвоем во дворец, где тебя предадут смерти, как Иоанна Крестителя. С тобой вместе казнят двенадцать твоих апостолов как распространителей нечестивых мыслей в народе.

-- Апостолы знают об этом?

— Нет, Господи!

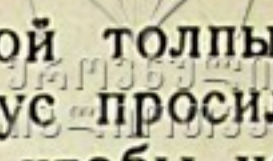
Иисус глубоко задумался. Времени действительно было мало. Если воины Ирода настигнут его здесь, разве сможет он оказать сопротивление вооруженному до зубов врагу.

— Вы правы, — после долгого раздумья произнес Иисус, — надо немедленно уходить, ибо известно, пророк умирает в Иерусалиме, — и, сложив руки, он воздел их в молитве: — О, пророков умертвляющий и забивающий камнями посланных к тебе! Сколько раз хотелось мне собрать твоих детей, как собирает птица птенцов своих под крылья, но ты не захотел, помешал мне. И остается дом разоренным. Более не увидите меня, пока не придет время, и вы скажете: «Благословен грядущий во имя Господне!».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

В тот же вечер Иисус с апостолами перешли через Иордан и оказались в Иудее. Люди, узнав об уходе Иисуса, сели в лодки и поплыли вниз по течению в поисках брода. Вскоре брод был найден и толпа вошла в реку, чтобы перейти в Иудею. Было уже за полночь, когда все собрались на другом берегу и углубились в пустыню.

Никто не мог понять, почему Христос так поспешно оставил эти края и вернулся туда, откуда совсем

еще недавно бежал в Перею от разъяренной толпы. Люди Никодима хранили молчание, сам Иисус просил их никому не говорить об отрядах тетрарха, чтобы не посеять страх в народе и не вызвать волнений.

В Вифараве пока было спокойно. Как видно, отряды Ирода еще не достигли поселения, но, как предполагали люди Никодима, поделившиеся с Иисусом своими соображениями, до восхода луны они непременно придут в Вифараву и окружат ее, чтобы никто не мог ускользнуть из нее. К тому времени беженцы должны были удалиться от берега Иордана по крайней мере на десять-пятнадцать стадий, чтобы быть гарантированными от погони.

Никто не осмеливался спросить у Спасителя, куда он держит путь. Иисус был так удручен, так погружен в свои мысли, что, казалось, никого не замечал вокруг. В такие минуты апостолы, даже те, кого особенно любил Иисус, избегали заговаривать с ним. Когда тоска отпускала его, он сам, придя в настроение, начинал беседовать и с учениками, и с людьми, постоянно следовавшими за ним.

Луна еще не взошла, а они уже миновали два иудейских села, ни в одном из которых Иисус не пожелал остановиться. Это было понятно: ему не хотелось, чтобы кто-либо раньше срока узнал о его появлении в этих местах.

Заночевали в сухом овраге, где до рассвета дул холодный ветер, пронизывающий до костей, как тогда в пустыне, где дьявол искушал его после крещения. Но усталость взяла свое, и, как только стало известно, что здесь остаются на ночлег, вся толпа, сопровождавшая Спасителя, — более четырех тысяч человек, не считая женщин и детей, как подкошенная, легла на холодную землю и предалась сну. Только Спаситель бодрствовал. Перед рассветом сон одолел и его, и он ненадолго смежил веки. Открыв глаза, он увидел повернутых в тряпки людей — женщин, детей, мужчин, которые спали, прижавшись друг к другу, чтобы сохранить тепло своих тел.

Проснулись и апостолы, поднялись, подошли к Учителю. Тут он и открыл им причину поспешного ухода из Вифаравы. Иисус умолчал лишь об одном — кто

сообщил ему о коварном замысле Ирода и посоветовал немедля покинуть пределы Перен.

Почувствовав себя одиноким среди встревоженных и напуганных апостолов,—народ все еще предавался сну, — Иисус снова заговорил об испытании, которое ждало его в ближайшее время. Дни его сочтены, сказал он, и очень скоро он взойдет туда, где примет мученическую смерть, об этом возвестили ему Моисей и Илиа на горе, близ Капернаума.

Апостолы все вместе и каждый в отдельности хотели возразить ему, сказать, что это невозможно, ибо у Спасителя нет никакой вины ни пред Богом, ни пред людьми, напротив, повинны те, кто преследует его без причины, но Иисус так глубоко верил в то, что говорил, что никто не посмел сказать ему слова утешения.

Спящий вповалку на голой земле люд начал пробуждаться. Между тем из-за уныло тянувшихся голых холмов выглянуло яркое солнце, и выпавший за ночь иней, одевший окрестности в белое, начал таять. Бедный люд, в большинстве своем босоногий, прикрывавший наготу лохмотьями, дрожал от холода, но никто не спешил уходить, ибо с ними был Христос, и надежда на его милость вселяла в них жизнь.

Со всех сторон к Спасителю потянулись убогие — слепые, глухие, хромые, немые. Одержимых нечистым духом вели родственники и со слезами на глазах молили спасти их от страшного недуга. Христос встал и принялся исцелять больных. Он возвращал зрение слепым, слух — глухим, убогих и немощных ставил на ноги. Изгонял бесов. Бок о бок с ним трудились его ученики.

Солнце достигло зенита, когда Иисус вспомнил, что со вчерашнего дня у него маковой росинки во рту не было. Голодны были и ученики, и великое множество народу, которое пришло сюда вместе с ним. Чем им было утолить голод в этой пустыне?!

Иисус подозвал к себе верного Симона-Петра.

— Что делать, Симон, у людей животы подвело от голода! И отпускать их нельзя, собьются с пути, затеряются в пустыне.

— У нас нет ничего, Господи, — сказал Симон-Петр, — а если бы и было, разве хватило бы на эту голодную рать?

— От вчерашнего ничего не осталось?

— Пойду узнаю.

— Иди, я исцелю этих троих, а потом передохнем. Нам сегодня еще предстоит долгий путь. Солнце очень печет. Я не помню такой жары в месяце адар, а ведь ночью было довольно холодно...

Симон-Петр вскоре возвратился.

— Ничего? — спросил Иисус.

— Семь хлебов, Господи, и немного рыбы.

— Принеси-ка мне эти хлеба и рыбу, а людям скажи, чтобы сели на землю.

Апостолы засуетились, усадили людей рядами. Иисус же, взяв поданные ему Симоном-Петром и его братом Андреем семь хлебов, разломил их на куски, затем то же самое проделал с рыбой, возвел глаза горе, благословил трапезу и стал раздавать куски хлеба и рыбы своим ученикам, а те передавали их людям. Запыхавшись, апостолы бегали взад и вперед, не успевая разносить еду. Люди не верили, что на их глазах творится чудо, не верили до тех пор, пока не убедились, что и хлеб, и рыба были настоящие. Ели жадно, без меры, не считая, гораздо больше того, чем ели обычно.

— Спросите-ка, все довольны? — Иисус выглядел очень уставшим.

— Еще осталось, Господи, семь полных корзин!

— Спросите все-таки!

— Славься, Господи! — кричал народ. — Ты — Христос, Царь Израильский, Спаситель наш! И кто не верит в это, пусть провалится в преисподнюю и будет проклят во веки веков.

В толпе, разумеется, было немало мытарей и грешников. Они вместе с другими выражали свое изумление и восторг перед явленным Христом чудом. Зато книжники и фарисеи не скрывали своего недовольства. Они не могли простить Христу то, чему оказались свидетелями, хотя и сами подкрепились основательно хлебом и рыбой, поданными его благословенными руками. И потому, что они находились в Иудее, где у Христа было столько врагов, они осмелели и, не таясь, говорили во всеуслышание:

— Сам грешник утешает грешников и делит с ними трапезу!

Иисус услышал это и так ответил неблагодарным:

— Кто из вас, имея сто овец и потеряв одну, не

оставит все девяносто девять в пустыне и не отправится на поиски той одной, что отбилась от стада? Вы будете искать ее до тех пор, пока не найдете. А когда найдете, положите себе на плечи и, придя домой, созовете родных, соседей, друзей, чтобы они порадовались вместе с вами, ибо вы нашли овцу свою заблудшую. Помните, небеса скорее примут одного грешника, покаявшегося в своих грехах, нежели девяносто девять праведников, совесть их не отягощена грехами, и потому в покаянии они не нуждаются.

— Как может грешник быть лучше праведника? — не замедлили возразить фарисеи. — Не лучше ли не грешить, чем согрешить и каяться?

— Может быть вы себя имеете в виду? — ядовито усмехнулся Христос. — Человек, земное существо, он грешник. И еще скажу вам: какая из женщин, потеряв десять драхм, не зажжет свечу и тщательно не выметет комнату в надежде найти монету? А найдя ее, соберет народ: вот какая радость, разделите ее со мной, я нашла свои десять драхм! Верьте мне, так же радуются ангелы Господа при виде грешника, искренне раскаявшегося и искупившего свои грехи.

А слышали ли вы притчу о блудном сыне? У одного человека было два сына. Младший говорит ему: «Отец, дай мне часть имения, которое приходится на мою долю. Я хочу распорядиться им по своему разумению». Отец был человеком справедливым и, не задумываясь, разделил между сыновьями все свое добро и добро, оставшееся по наследству от предков. Прошло время. Младший сын продал за бесценок доставшуюся ему долю, накупил нарядов и отправился в дальнюю страну. Здесь он вел распутную жизнь и бездумно растрачивал свои деньги. Вскоре он истратил все, что имел, и ему пришлось очень туго, так как в стране, где он жил, несколько лет подряд были неурожайными, и люди голодали. Тогда пошел он к одному жителю той страны, рассказал ему, что остался без кола, без двора и попросил приютить его. А тот, увидев человека в нужде, в дом его не впустил, а послал к себе на поле пасти свиней. И был он так голоден, что рад был бы поест корм для свиней, чтобы наполнить желудок, но кто бы ему дал его в этот страшный голод, обрушившийся на страну! Наконец, одумавшись,

он решил возвратиться домой. Отец мой, сказал он себе, зажиточный человек, сколько слуг у него имеют еду в изобилии, а я здесь умираю от голода. Пойду и скажу отцу: я согрешил перед Богом и тобой, когда из жадности решил отделиться, я не достоин быть твоим сыном, и позволь мне, чтобы не умереть с голоду, быть твоим слугой. С тем и отправился он в родную сторону. Он подходил к дому, когда вышедший на балкон отец увидел его. Старик узнал и пожалел сына. Сын взбежал по ступенькам, стал целовать отца и просить о прощении: грешен я, отец, пред Богом и тобой и не достоин называться твоим сыном. Отец, не слушая его покаянных слов, приказал рабам: оденьте его в лучшие одежды и сапоги, наденьте ему перстень на палец и заколите откормленного теленка, ибо сын мой был мертв и ожил, был пропавшим и нашелся! Будем веселиться и есть, что послал Бог. Накрыли царский стол, и разгорелся пир. А старший сын в это время был в поле. Весь жаркий день он мотыжил землю и с наступлением вечера отправился домой. Приближаясь к дому, он услышал звуки музыки и веселья. Подозвав одного из рабов, спросил, что происходит в доме. Нашелся твой пропавший брат, отвечал раб, и отец, увидев его живым и невредимым, на радостях велел заколоть откормленного теленка и устроить пир. Рассердился старший брат, не захотел входить в дом. Вышел отец, стал просить его войти, уважить его седины. А старший сын с обидой отвечал: столько лет я служу тебе, никогда не перечил, а ты не пожертвовал ради меня даже хромым козленком, отставшим от стада, чтобы я повеселился со своими друзьями. А ради своего младшего сына, расточившего все свое состояние с блудницами, ты не раздумывая заколол откормленного теленка. Сын мой, сказал отец, сын мой ненаглядный, ты всегда со мной, и все, что у меня есть, разве не твое? А сейчас мы должны радоваться и веселиться, ибо брат твой был мертв и ожил, был потерян и нашелся.

И все же книжники и фарисеи не отставали от Иисуса. Они видели, что он то и дело поглядывает на солнце, миновавшее точку зенита, но не хотели так просто отпускать его. Наконец они задали ему еще один коварный вопрос:

— Может ли человек по своему желанию при любых обстоятельствах разводиться с женой?

— Разводиться с женой? — переспросил Иисус, посмотрев каждому из них в глаза. — Разве вы не читали, что в самом начале кого создал Бог, создал их мужчиной и женщиной? Человек оставит мать и отца и соединится с женой, и станут двое единой плотью, так что их уже не двое отныне, а одна плоть. Поэтому тех, кого сочетал Бог, человек пусть не разлучает.

— Почему же тогда Моисей заповедал давать разводное письмо и разводиться с женою?

— По жестокосердию вашему Моисей разрешил разводиться с женой, но не так было вначале. Я говорю вам: кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует, и женившийся на разведенной также прелюбодействует.

Тут, не выдержав, вмешались в спор сами апостолы.

— Господи, если так тяжела обязанность человека перед женой, то не лучше ли не жениться?

— Не всем дано постигнуть смысл, заключенный в этих словах, а только тем, кому это дано! Есть скопцы, которые были зачаты таковыми, есть скопцы, которые насильственно оскотлены людьми, и есть скопцы, которые сами сделали себя скопцами, чтобы войти в Царство Небесное. Кто в состоянии постичь, пусть постигает смысл моих слов.

В это время подвели к Иисусу детей, и родители их стали молить его о благословении. Но тут выступили вперед апостолы, прикрыв собой Христа, стали говорить, что уже поздно, что Спаситель должен уходить, и надо, мол, было прийти раньше.

Иисусу не понравилось это, и он попенял им:

— Что вы делаете, оставьте детей, почему мешаете приходить им ко мне? Ведь Царство Небесное принадлежит им!

Дети, воспользовавшись общим замешательством, выскользнули из рук родителей и подбежали к Христу. Он возложил на каждого руку, благословил, а затем обратился не к книжникам и фарисеям, а к своим ученикам:

— Ежели не обратитесь и не будете, как дети, Царство Небесное навеки окажется закрытым для вас,

вы не сможете войти во владения Господа! Меня иногда спрашивают, и вы в том числе, кто больше всех или кто меньше всех в Царстве Небесном? Кто проникнется смирением, как это дитя, будет самым главным в Царстве Небесном. Кто примет одного такого ребенка во имя мое, примет и меня, а кто соблазнит хоть одного из них, кто не верует в меня, пусть лучше наденет на себя мельничный жернов и сгинет на дне морском.

Родители, опустившись на колени, приложились к краю плаща Спасителя, встали и увели детей. Их место занял неизвестный юноша в черном. Никто не знал, кто он и как он возник перед Спасителем, что было не так уж легко в этом многолюдье.

— Учитель добрый, — преклонив колени, обратился он к Христу, — что я должен сделать, чтобы приобрести к бессмертию, обрести вечную жизнь?

— Почему ты зовешь меня добрым? — вопросом на вопрос ответил Иисус. — Никто не добр, кроме одного лишь Бога! Хочешь обрести вечную жизнь — следуй заповедям!

— Каким заповедям, Господи?

— Не убей, не прелюбодействуй, не укради, не лжесвидетельствуй, почитай отца и мать, возлюби ближнего своего, как самого себя.

Юноша жадно ловил каждое слово Спасителя и, когда тот закончил, сказал:

— Учитель, я следую этому с юности. Что еще я должен сделать?

— Хочешь достичь совершенства, продай все, что имеешь, раздай деньги нищим и обретешь сокровище на небесах. А потом приходи и следуй за мной.

Последние слова Христа несколько смутили юношу, он вдруг погрузился, поднялся с колен и, запахнувшись в черный плащ, растворился в толпе. Юноша этот, оказывается, был несметно богат и не представлял себе, как можно раздать богатство и остаться без золота и жемчугов.

Иисус проводил его долгим взглядом, а потом, обернувшись к апостолам, сказал:

— Трудно будет богатому войти в Царство Божье! Скорее верблюд пройдет сквозь игольное ушко, чем богатый войдет в Царство Божье! Кто из вас слышал притчу о богаче и нищем Лазаре?

Притчу никто не знал, и Иисус счел необходимым рассказать ее народу, прежде чем покинет эти места.

Жил один богатый человек. Одевался он в порфиру и виссон и каждый день накрывал роскошные столы. И жил также один нищий по имени Лазарь. Днем и ночью лежал он у ворот имения богача, весь покрытый струпьями, и мечтал об объедках с его стола. Собаки со всего околотка приходили и лизали его язвы. Умер нищий, и ангелы вознесли его в лоно Авраамово. Умер и богач, и останки его предали земле. Испытывая муки, будучи в аду, он поднял глаза и увидел Авраама и сидящего подле него Лазаря.

— Отец Авраам! — взмолился богач. — Сжался надо мной и пошли Лазаря, чтобы омочил он кончик пальца в воде и освежил мне язык, ибо горю я в геенне огненной, и неоткуда ждать спасения.

— Сын мой, — ответил Авраам, — разве ты не помнишь, что получил уже причитающееся тебе добро при жизни, а Лазарю досталось только плохое. Поэтому сегодня он утешается, а ты, грешный, страдаешь. Кроме того, между тобой и нами — огромная пропасть, и никто, даже при желании, не сможет перейти ни отсюда к вам, ни от вас сюда.

Куда подевалась спесь, что была свойственна богатому при жизни!

— Умоляю, отец мой! — еще более жалостливым тоном, в расчете смягчить сердце Авраама, стал просить богач. — Пошли тогда его в дом моего отца. У меня пять братьев, и все пятеро живут, как жил я, пусть пойдет и расскажет им, чтобы и они потом не мучились, как я.

— У них есть пророк Моисей, пусть слушают его!

— Нет, отец Авраам, если кто из мертвых придет к ним, они тогда раскаются. Они не слушают пророка Моисея...

— Если они не слушают пророка Моисея, то и тому, кто воскреснет из мертвых, они все равно не поверят...

Притча о богаче и нищем Лазаре вместе с другими заставила задуматься и апостолов. Симон-Петр, не выдержав, спросил:

— Кто же тогда может спастись? Вот мы все ос-

тавили и последовали за тобой. Что же получим мы взамен, неужели ничего?

— Когда в новом мире Сын Человеческий сядет на престоле Славы своей, и вы, последовавшие за мной, сядете на двенадцати престолах, чтобы судить двенадцать племен Израилевых. Все, кто оставит свой дом, брата и сестру, жену и ребенка, мать и отца, или имение свое и уверует в меня, и последует за мной, обретет в сто раз больше и наследует жизнь вечную. Многие из тех, кто были первыми, станут последними, а последние — первыми.

— Это как же, Господи?

— Царство Небесное подобно хозяину, который рано поутру вышел нанять работников в свой виноградник. Договорившись с работниками за динарий в день, он отправил их в свой виноградник. После полудня, часам к трем он снова вышел на площадь и видит: несколько человек празднично проводят время. Он их послал в свой виноградник, обещав, что заплатит им, что следовать будет. Между шестью и семью часами он снова прошелся по площади и снова увидел празднично стоящих людей. Спросил, что они тут делают. Они ответили, что никто их не нанял и им нечем заняться. Он и этих людей послал в свой виноградник, обещав, что вознаградит их за работу. Когда стемнело, владелец виноградника через своего управителя рассчитался с рабочими. Те, кто был нанят позже всех, получили по одному динарию каждый. Те, кто был нанят раньше всех и работали с раннего утра и считали, что им положено больше, также получили по одному динарию каждый. Получив плату, они стали роптать и пришли с жалобой к хозяину виноградника: те, мол, работали всего несколько часов, а мы — целый день и еще жарились на солнце, неужели и нам, и им полагается одинаковое вознаграждение?

— Почему вы ропщете? — удивился хозяин виноградника. — Разве утром мы не договорились о плате — одном динарии? Так возьмите, что вам положено, и идите своей дорогой. Я хочу дать им столько же, сколько дал вам. Разве я не вправе распоряжаться деньгами, как мне хочется?

Так, кто были последние, станут первыми и первые — последними. Ибо многие являются призванными, а немногие среди них — избранные.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Не считаясь с тем, что в Иудее у него было много заклятых врагов, Иисус решил пройти ее от края до края, проповедуя новую, истинную веру, дабы вывести язычников из тьмы. Затем он собирался отправиться в Иерусалим на празднование Пасхи. Сердце подсказывало ему, что это будет его последняя весна и последняя Пасха — не всегда же срываться планам врага, поэтому он пожелал побывать дома, на земле Завулоновой и Неффалимовой, а потом заночевать в Капернауме.

Апостолы охотно согласились с ним. Да и как могли они не согласиться, если возвращение в Галилею давало им возможность повидаться с родными, по которым они так соскучились, и провести несколько часов под родным кровом. У иных из них кошки скребли на сердце, и они готовы были дать стрекача, тем более, что публичные проповеди Спасителя и разговоры, которые он вел с ними наедине, отнюдь не умаляли терзавшей их тревоги.

Эти вчерашние рыбаки и сыновья рыбаков, всю свою жизнь боровшиеся за кусок хлеба, понимали, какой хаос и безнаказанность царили во всем Израиле и в первую очередь в Иудее, как возмутило и перевернуло страну учение Христа. Иисус хотя и приобрел много единомышленников и верных последователей, называвших себя его учениками, уверовавших в его чудеса и божественное происхождение, заимел немало противников, они считали его действия бесовским обманом, и, разделяя взгляды книжников и фарисеев, хранили верность Моисеевой вере и, не задумываясь, пролили бы кровь Учителя из Назарета, богохульника по их разумению.

И если предчувствию Иисуса суждено было сбыть-

ся, что неоднократно случалось, и враги предали бы его мученической смерти, то апостолам, подвергавшимся, кстати, не меньшей опасности, ничего другого не оставалось, как терпеливо ждать еще одного чуда — воскресения из мертвых на третий день после смерти Сына Человеческого и Сына Божьего Иисуса Спасителя.

Безошибочным чутьем Христос догадывался о недостаточной вере апостолов, чувствовал, что с обострением обстановки усиливается их желание бежать и спасти себя. Он жалел их, но ни слова упрека не сорвалось с его уст, и, поскольку находящиеся между двух огней апостолы не смели признаться в своих сомнениях, внешне все выглядело как обычно.

Придя в пределы Завулоновы и Неффалимовы, Христос на два дня отпустил апостолов домой, сам же уединился в пустынных скалах, возвышавшихся на морском берегу, и посвятил себя молитве. Эта молитва была одновременно и прощанием. Спаситель навсегда прощался с родными местами, где вместе с горькими минутами познал и сладостные дни и посеял столько добра между людьми.

Симон-Петр находился в обществе жены и детей, когда раздался решительный стук в дверь. Не надевая сандалий, Симон встал и подошел к двери. Это были сборщики храмового налога, в руках одного из них была испещренная именами книга.

— Здравствуй, Симон!

— Здравствуйте!

— Твой Учитель не заплатит двудраховый налог?

— Конечно, заплатит, погодите, я обуюсь.

Симон сунул ноги в сандалии и повел сборщиков к хижине старухи, у которой обычно останавливался Иисус. Он оказался дома. На коленях у него лежала Книга Царств, он читал ее при свете луча света, пробивавшегося сквозь узкое оконце.

— Случилось что-нибудь, Симон?

— Сборщики храмового налога пришли, Господи.

— Ну и что?

— Спрашивают, не заплатишь ли ты двудраховый налог.

— Как ты думаешь, Симон, с кого берут пошлины и налоги цари земные — с сыновей ли своих или с посторонних?

— С посторонних, Господи.

— Стало быть, сыновья их свободны от пошлинны и налогов?! Но чтобы не раздражать власти и не показаться им непокорными налогоплательщиками, возьми сеть, выйди в море и закинь ее. У первой рыбы, которую ты поймаешь, открой рот, ты найдешь там статир. А статир — это четыре драхмы! Отдай его сборщикам за меня и за себя.

Симон-Петр, не проронив ни звука, вышел и поступил так, как повелел Иисус. Каково же было его изумление, когда у первой же рыбы, которую он поймал, во рту оказался статир! Симон-Петр содрогнулся от страха. Он взял монету и тут же передал ее сборщикам храмового налога, которые, будучи свидетелями чуда, испытали не меньшее изумление и страх...

Вечером Иисус появился в синагоге, и капернаумцы только тогда убедились, что он действительно находится в их городе. Все от мала до велика устремились в храм. В течение пятнадцати минут синагога была набита верующими так, что яблоку негде было упасть. Вдвое больше людей осталось за пределами храма.

Иисус из Назарета в последний раз проповедовал в капернаумской синагоге, ибо стоял первый месяц весны — нисан, соответствующий римскому марту, приближалась Пасха и соединившийся с ней Праздник опресноков, и он, как истинный израильтянин, вместе с апостолами собирался в стольный град Иерусалим. Там, он это знал, его ждала мученическая смерть от рук первосвященников и язычников, после чего на третий день он должен был воскреснуть и занять престол вечной Славы в Царстве Небесном рядом с Отцом своим Небесным.

Грусть расставания сквозила и в голосе Иисуса, и в выражении глаз, и даже в словах, которые он произносил, впрочем, об уготованной волею Господа ему судьбе он никому, кроме апостолов, не заикался. И народ как будто чувствовал необычайность момента. Многие — женщины и мужчины, старые и молодые — рыдали в голос, и добрые, искренние слезы орошали их сияющие благодатью лица.

Перед синагогой апостолы исцеляли страждущих. Когда Иисус появился в дверях храма, с головы до ног завернутый в ослепительно белую одежду, с лицом, из-

лучавшим неземной свет, толпа, ожидавшая его выхода, крестясь, как один выдохнула:

— Славься, Спаситель, Сын Божий!

И преклонила колени. Христос протянул руку сперва вперед, потом направо и налево, осенил народ крестным знаменем и сопровождаемый апостолами стал сходить вниз по лестницам.

На празднование Пасхи в Иерусалим собиралось немало капернаумцев, да и вообще галилеян. Они с радостью готовились к предстоящему неблизкому пути, который, как полагали, совершат вместе со Спасителем, но Иисусу пришлось отправиться в стольный город на десять дней раньше — из Вифании, села, находящегося неподалеку от Иерусалима, пришел посыльный, принесший грустную весть. Твой друг Лазарь, сказал посыльный, которого ты так любишь, находится при смерти, он жаждет увидеть тебя, и, если ты не будешь мешкать и сразу же отправишься в путь, может, застанешь его в живых.

Иисус познакомился с Лазарем одновременно с его сестрами — Марфой и Марией. Он полюбил это вифанское семейство, а особенно Лазаря, которого считал своим братом, и, случись ему быть в Иудее, он всякий раз заходил в Вифанию, чтобы повидать Лазаря и его сестер.

Иисус помнил свой первый приход в гостеприимный дом вифанского семейства, как будто это было вчера. Лазарь привел его домой, и Марфа с Марией не смогли скрыть своего восторга, увидев Иисуса Христа, отмеченного Божественной благодатью Сына Человеческого под своим бедным кровом. Они оказали ему радужное гостеприимство. Усадили на самое почетное место, и Марфа сразу же занялась приготовлениями к столу. Мужчины продолжили разговор, начатый ранее, не обращая внимания на сестер. Занятая своими женскими делами, Марфа тем не менее старалась прислушиваться к их беседе — вдруг да что-нибудь уразумеет и приобщится к святости гостя, но гудящий в очаге огонь, на котором варилась гороховая похлебка, почти заглушал их голоса.

Младшая, Мария, оказалась более сообразительной. Она села у ног Иисуса и, замерев, жадно ловила каждое его слово.

Раскрасневшаяся от огня Марфа, то и дело вытиравшая тыльной стороной ладони пот, градом катившийся по лицу, наконец, не выдержала и обратилась к Иисусу:

— Господи, неужели ты не видишь, что моя сестра возложила на меня одну приготовления к столу в честь такого почетного гостя, как ты? Может быть, ты скажешь ей, чтобы она поднялась и помогла мне.

— Марфа, Марфа, — улыбнулся в ответ Христос, — зря ты так суетишься, для чего нам, двоим, столько всего, что ты наготовила? Ведь и то, что делает Мария, — тоже гостеприимство, только она сделала лучший выбор, и это у нее никогда не отнимется.

Неожиданное решение Иисуса на завтра на рассвете отправиться в иудейскую Вифанию как громом поразило апостолов.

Они, все двенадцать, все еще надеялись как-нибудь уговорить Спасителя отказаться от участия в празднике Пасхи, не идти в Иерусалим и тем самым сохранить его драгоценную жизнь.

Вне всякого сомнения, враги и недоброжелатели будут готовы к встрече с ним, и, кто знает, может быть, даже схватят его прежде, чем он войдет в город.

А идти в Иерусалим на десять дней раньше до начала празднования Пасхи было еще более рискованно и для Иисуса, и для его учеников, которых иудейские первосвященники считали соучастниками преступления, и, если они уготовили Спасителю мученическую смерть, то вряд ли участь учеников его будет более легкой.

Мнения апостолов разделились: сыновья Ионы, Симон и Андрей, которых поддержали Варфоломей, Иаков Алфеев и мытарь Матфей, полагали, что поспешное решение Учителя было чистой воды самоубийством, и считали необходимым деликатно довести до его сведения эту мысль, дабы он еще раз взвесил все за и против и только тогда принял окончательное решение.

Сыновья Зеведея — Иаков и Иоанн придерживались противоположного мнения. Они были глубоко убеждены и убеждали в этом других, что иудеи не смогут принести Спасителю никакого вреда. В противном случае они не преминули бы сделать это в свое время — поводов было достаточно. Для утверждения этого сыновья Зеведея имели веские основания. Они воспомина-

ли чудесное спасение Христа в Назарете, где подстрекаемые священнослужителями сограждане собирались сбросить его со скалы; или тот день в Иерусалимском храме, когда из-за исцеления им в субботу страждущего тойпа готова была убить его, и убила бы, кабы смогла, или же случай с исцелением слепого от рождения также в субботу, когда Иисус оказался в окружении озверелой толпы, жаждавшей его крови, — и тогда он легко и непринужденно устранил ее со своего пути и удалился.

Соображение сыновей Зеведея не было лишено основания, встревоженные апостолы легко согласились с ними, что значительно ослабило лагерь Симона и Андрея, а под конец и они были вынуждены подавить свои опасения и присоединиться к мнению большинства.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

По дороге в иудейскую Вифанию Христос с апостолами остановился на ночь в небольшой деревушке на границе Галилеи и Самарии. Разумеется, их сопровождало множество народу. Толпа сопровождающих с каждым днем росла, в нее вливались все новые потоки спешащих на праздник Пасхи. Кроме галилеян и других сынов израилевых, кого только здесь можно было не увидеть, какой только язык не услышать!

В центре села, у колодца, куда по утрам и вечерам стекался народ и возвращались стада с пастбищ, Христа и апостолов встретили десять прокаженных, распространявших вокруг себя запах гниения. Увидев издали Спасителя, прокаженные преклонили колени и громко воззвали к нему:

— Иисус, Спаситель, Сын Божий, сжался над нами!

Так получилось, что Иисус и прокаженные оказались в кругу любопытствующей толпы. Всех занимала одна мысль: что будет? Сумеет ли назаретянин исцелить больных?

Иисус сделал шаг вперед, внимательно оглядел

каждого прокаженного, как бы вспоминая, где кого встречал, а затем произнес:

— Пойдите, покажитесь священникам!

Толпа, на глазах у которой все это происходило, восторженно застонала, а прокаженные покорно поднялись с колен и, не оглядываясь, разошлись в разные стороны. Утром вернулся лишь один из них — его послал священник. Он нашел Христа и апостолов, уже готовых к пути, преклонил, как вчера, колени и возблагодарил Спасителя.

— Очистился я, Господи, да славится имя твое и чудеса твои!

— Откуда ты? — спросил Иисус.

— Здешний я, самаритянин.

Иисус тут же вспомнил самаритянку, которая не дала ему напиться у колодца Иакова, а потом просила прощения. Он усмехнулся и спросил исцеленного прокаженного:

— А где же приятели твои? Неужели ты один очистился? Где остальные девять? Я ждал вас десятерых!

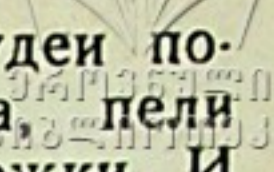
— Все десять очистились, Господи! Но они не захотели возвращаться.

— Встань же и иди, вера твоя спасла тебя!

— Позволь мне следовать за тобой, Господи.

— У лис есть норы, у птиц — гнезда, и только Сын Человеческий бесприютен, не знает, где приклонить голову, если ты согласен, следуй за мной.

В пути четыре или пять раз пришлось им заночевать. Когда они миновали очередную деревушку на иерусалимской дороге, вдали показалась Масличная гора, покрытая садами и виноградниками, усеянная крошечными домишками. Она возвышалась над блестящим стольным городом Давида и Соломона, с его золочеными спицами на крышах и четырехугольными кровлями дворцов, то прямыми, как стрела, то выющимися серпантинном улицами, лестницами, ведущими в предместья, расположившиеся на склонах, площадями и бассейнами, полными прозрачной воды, и фонтанами в центре этих площадей. Самого города еще не было видно. Он появится, когда они оставят за собой обнесенный древней, местами давшей трещины, стеной Иерихон и выйдут на узкую проселочную дорогу, поднимающуюся в гору к Вифании.

Страхи апостолов оказались напрасны. Иудеи повсюду с радостью и почетом встречали Христа, пели ему осанну и стелили под ноги ковровые дорожки. И все-таки осторожность не мешала. Поднаторевшие в злодеяниях власти и священнослужители, влиянию и благоденствию которых всенародная любовь к Спасителю создавала большую угрозу, могли затаиться, а потом привести свои черные замыслы в исполнение. Поэтому апостолы проявляли крайнюю осторожность, посылали вперед, порой на расстояние целого дня пути, людей с заданием разведать обстановку и не трогались с места, пока от них не поступали утешительные вести. Высланные вперед соглядатаи и скороходы выбирали дороги, выясняли настроение местного населения и оставляли задатки в придорожных трактирах, где Христос с сопровождающими должны были отобедать и переночевать.

Единственная неприятность приключилась с ними сразу же по переходе галилейской границы в одной самаритянской деревушке, и то не с Христом и апостолами, а с посланными ими людьми.

Старинная вражда между иудеями и самаритянами пустила такие глубокие корни, что селяне заартачились: как это мы впустим будущего предводителя и царя враждебного нам племени иудеев в свой дом, да еще поставим ему угощение — наши предки ведь в гробах перевернутся, с них будет довольно и того, если мы пропустим его через нашу территорию, не причинив никакого вреда.

Когда гонцы принесли это неприятное известие, предвещавшее ночь в пустыне под открытым небом, разгневанные негостеприимством самаритян сыновья Зеведеевы Иаков и Иоанн, которых сопровождала мать их Саломея, обратились к Христу:

— Господи, да сойдет огонь с небес и поразит каждого из этих неприветливых самаритян! Как они посмели повести себя так! С ними надо поступить точно так же, как поступил в свое время Илия!

Но Иисус никак не отреагировал на их возмущение. — Ошибаетесь и ты, Иаков, и ты, Иоанн, — спокойно возразил он, — Сын Человеческий, в которого вы уверовали, пришел на землю не для того, чтобы губить души человеческие, но спасти их. Это селение — сама-

ритян, и им решать, впускать нас туда на ночлег или нет. Разве в Самарии нет других деревень, почему вы привязались именно к этой? В конце концов, разобьем палатки в пустыне и переночуем под открытым небом.

Иерихон встретил их празднично украшенным. Балконы домов, расположившихся вдоль единственной, пересекавшей поселок улицы, от которой отходили все проулки и проселки, были увешаны цветными коврами и одеялами. Перед открытыми лавками, торговыми рядами, базарами собрались празднично одетые торговцы, ремесленники со своими многочисленными домочадцами и, пристально разглядывая медленно проходящую мимо них группу людей, пытались угадать, кто из них Иисус, Сын Божий, Царь Иудейский, Спаситель.

А озорная детвора предпочла наблюдать за процессией с древнейшей стены, которой испокон веку было обнесено селение.

На окраине поселка, у дороги, под дикой маслиной сидел слепой старик с торбой и, вытянув руку, просил милостыню у прохожих. Он услышал, как кто-то закричал: — Дорогу, люди, дорогу, сам Иисус из Назарета, Царь Иудейский идет. Подавшись вперед, слепой замаhal руками и стал в свою очередь кричать:

— Иисус, сын Давидов, смилуйся надо мной!

Кто-то ткнул его в плечо, кто-то стукнул по голове, кто-то даже наступил ему на ногу — заткнись, пададь, тебя только не хватало, но слепец не чувствовал ни боли, ни обиды на своих соплеменников. Он ухитрился даже подняться, правда, с большим трудом, не переставая при этом твердить:

— Иисус, сын Давидов, смилуйся надо мной!

Иисус услышал его и остановился посреди улицы.

— Кто это, Иаков? — спросил он сына Зеведея.—

Ну-ка, приведи его ко мне.

Тут уж и толпа обратила внимание на беспомощного слепого старца, который протягивал вперед руки и просил милости у Христа.

— Ладно уж, успокойся, он услышал тебя, пошли к нему, он зовет.

Слепец бросил свою грязную старую торбу, скинул с себя заплатанную накидку и, опираясь на палку, сопровождаемый тремя такими же убогими, как он, подошел к Иисусу.

Экзотический
Библиотечный фонд

— Чего ты хочешь? — спросил Иисус.

— Открой мне глаза, Учитель!

— Иди, — сказал Иисус, — твоя вера спасла тебя.

Слепой в тот же миг открыл глаза и замер. Замерла и толпа, наблюдавшая за ним. Потом неожиданно она пришла в движение, все громко славил Иисуса и благодарили Господа, явившего чудо. Иисус же, ни на кого не обращая внимания, продолжил свой путь, и сопровождавшие его без слов последовали за ним.

Жил в Иерихоне один человек по имени Закхей, богатый, уважаемый в селе, — старший над сборщиками налогов. Больше всего на свете хотелось ему увидеть живьем пророка из Назарета, о котором рассказывали чудеса, но из-за маленького роста это ему никак не удавалось. Толпа народа, сопровождавшая Иисуса, надежно скрывала его от Закхея. Он пытался обойти ее то справа, то слева, то пробиться вперед, но тщетно. Под конец Закхей взобрался на инжировое дерево, на котором уже гроздьями сидели детишки, — здесь должны были пройти Иисус и его свита.

Поровнявшись с деревом, Спаситель поднял глаза и увидел Закхея, сидевшего на ветке вместе с малолетними детьми.

— Почему ты сидишь там, Закхей, — обратился к нему Иисус, — сойди скорее и прикажи накрыть дома стол, я решил быть сегодня твоим гостем!

Закхей так поспешно стал спускаться с дерева, что чуть не упал. Гордость и радость распирали его: глядите, казалось, говорил весь его вид, кто у меня сегодня в гостях! Он важно пошел впереди Иисуса и апостолов, а толпа расступалась перед ними, давая дорогу.

Начальник мытарей не поскупился на угощение. Оказалось, он предусмотрел этот визит и приготовился к нему заранее — вдруг ему улыбнется счастье и Спаситель решит остановиться у него в доме!

Фарисеи и их приспешники стояли перед домом Закхея и, не скрывая раздражения, громко переговаривались, так, чтобы слышали остальные:

— Конечно же, он от дьявола! Зашел к грешнику и делит с ним хлеб и соль, Бог знает, каким путем заработанные!

А в это время Закхей, подняв кубок, говорил Иисусу:

— Господи! Я удостоился лицезреть тебя и принять под своим скромным кровом и потому обещаю: половину своего имущества я отдам бедным и, если кого чем обидел, воздам вчетверо!

Эти слова грешника, прозвучавшие, как покаяние, бальзамом легли на сердце Спасителя. Он поднял свой кубок и, когда восхищенные словами Закхея участники застолья примолкли, сказал:

— Сегодня спасение пришло этому дому, потому что наш добрый хозяин тоже сын Авраама. Сын Человеческий пришел искать и спасти погибающих.

Сотрапезники, уже раскрасневшиеся от вина, превратились в слух. А Иисус, чтобы пояснить свои слова, начал рассказывать притчу, ибо были они уже у врат Иерусалима и думали, поскольку с нами Спаситель, врата Царства Небесного отворятся немедленно.

— Один благородный человек отправился в дальнюю страну, где должен был венчаться на царство и вскоре вернуться. Призвал он к себе десять рабов, дал каждому по золотой монете и сказал: «Пустите их в оборот до моего возвращения». Подданные не любили его, и только он уехал, послали вдогонку гонцов с наказом: «Назад не возвращайся, пропади ты пропадом, не хотим, чтобы ты царствовал над нами». Но человек не придавал этому никакого значения, продолжил свой путь, стал царем той страны и возвратился домой. По приезде он велел позвать десять рабов, которым оставил деньги. Пришел первый и говорит: «Господин, твоя золотая монета принесла десять других золотых монет». Хозяин похвалил его и сказал: «За то, что ты в малом был мне верен и не обманул моих надежд, возьми эти деньги себе и еще десять городов в управление». Золотая монета второго раба принесла пять золотых монет. И его похвалил хозяин за оборотливость и ему дал в управление пять городов. Пришел третий раб и говорит: «Господин, вот твоя золотая монета, я хранил ее завернутой в платок, боялся потерять ее, ибо ты человек жестокий, берешь, чего не клал, и жнешь, чего не сеял». «Твоими же словами я буду судить тебя, негодный раб! — отвечал ему хозяин. — Так ты знал, что я человек жестокий, беру, чего не клал, и жну, чего не сеял, почему же ты не пустил мою монету в оборот, чтобы я по возвращении получил ее с прибылью». И,

обернувшись к остальным рабам, добавил: «Заберите у него золотую монету и отдайте ее заработавшему десять монет». На что рабы робко возразили: «Господин, у него и так много монет!». «Так запомните мои слова: всякому имущему дано будет, а у неимущего отнимется и то, что он имеет! Что же касается моих врагов, которые не хотели, чтобы я вернулся и царствовал над ними, приведите их сюда и убейте на моих глазах».

Закончив, Иисус встал, поднялись и остальные. Солнце клонилось к западу. Им надо было спешить, чтобы до темноты добраться до Вифании, где Лазарь с нетерпением ждал своего Спасителя. Только они подошли к подъему, ведущему в селение, как увидели поджидавшую их толпу. Как видно, сельчане узнали о приближении Спасителя и вышли его встречать. Иисус заметил в толпе Марфу в трауре, сердце у него сжалось в дурном предчувствии, и он, оставив апостолов, поспешил к ней.

— Ты опоздал, Господи, — плача, сказала ему Марфа, — если бы ты был здесь, я верю, наш брат, которого ты так любил, не умер! — она опустилась на колени и оросила ему руки слезами.

Иисус был опечален без меры и не находил слов, чтобы утешить Марфу.

— Сегодня четвертый день, как его нет с нами, — продолжала она, — он все о тебе говорил, ждал... Мы плакали, убивались, но разве могли наши слезы помочь несчастному!

— Не плачь больше, Марфа, встань, твой брат воскреснет.

— Во мне пробудилась надежда, Господи, когда я увидела тебя. Что ты можешь попросить у Бога, чтобы он не дал тебе?

— Я говорю тебе, он воскреснет. Кто уверует в меня, тот будет жить даже после смерти. И каждый, кто живет и верует в меня, не умрет вовек! Ты веришь в это?

— Верю, Господи, что ты есть Христос, Сын Божий, явленный миру!

— Где Мария? Почему она не вышла мне навстречу?

Марфа поднялась с колен и, оставив Христа на апостолов и толпу односельчан, быстро одолела подъ-

ем, вошла в осиротевший дом, полный близких родственников и утешителей, и подбежала к Марии, сидевшей у окна.

— Господь пришел, — прошептала она ей на ухо, — спрашивал о тебе.

Истаявшая от горя Мария перестала плакать и, затянув черный платок на голове, встала и молча последовала за сестрой.

— Что она ей сказала? Куда они убежали? — спрашивали друг у друга родственники, пожимая плечами, ничего не понимая. Они то и дело поглядывали на дверь, ожидая скорого возвращения сестер, но Марфа с Марией задерживались, и родственники решили, что они отправились на кладбище, куда с утра должны были прибыть камнетесы из Иерусалима. И чтобы убедиться в правильности собственных догадок, в свою очередь поспешили на кладбище. Вскоре они увидели на дороге сестер и, прибавив шагу, догнали их.

Дорога на кладбище круто поднималась вверх, но Марфа и Мария, миновав подъем, стали спускаться к Масличной роще, где они надеялись встретить Спасителя. Мария издали увидела его, стоявшего в окружении апостолов. Пробежав оставшийся путь бегом, она бросилась ему в ноги и зарыдала.

— Господи, дорогой ты мой, если бы ты был здесь в тот день, мой несчастный брат не умер!

Плакала навзрыд Мария, обливалась слезами Марфа, глухо всхлипывая, утирали слезы родственники Лазаря. Они сразу же узнали Христа и заметили даже одинокую слезу на его ресницах. Неожиданно в их сердцах пробудилась надежда, необъяснимая надежда на чудо, на невозможное.

— Смотрите, как он любил Лазаря, — вырвалось у одного из них.

На какое-то мгновение воцарилась тишина, которую нарушил голос Спасителя:

— Где вы похоронили Лазаря?

Сестры в один голос ответили:

— Пойдем, Господи, увидишь сам! — и направились в ту сторону, откуда только что пришли.

А фарисеи и книжники, которых в толпе было немало и которые наравне с учениками и последователями Христа повсюду сопровождали его, как будто жить

без него не могли, и тут не обошлись без язвительно-го замечания.

— Если он так любил Лазаря и не лицемерит, как обычно, неужели не мог спасти несчастного от смерти!

Женщины в черном, следовавшие за Иисусом, безусловно слышали это, но опечаленные безвременной кончиной друга и безграничным горем его сестер, ничего не ответили злопыхателям. В самом начале кладбища, у пещеры в скале, которую использовали как гробницу, Марфа с Марией остановились.

— Господи, здесь покоится наш бедный брат, здесь он нашел последний приют, и нас, наверное, вскоре положат рядом с ним, — в голос заплакали сестры.

Вход в пещеру преграждал огромный плоский камень.

— Уберите камень, — приказал Иисус апостолам.

Апостолы хотели было исполнить приказ, но местные парни опередили их и, схватившись за камень с обеих сторон, осторожно отвалили его и уложили на землю.

Прежде чем камень лег на землю и мускулистые парни отошли в сторону, Марфа, трепеща от странного ожидания или предчувствия, почтительно обратилась к Христу:

— Господи, — сказала она, как бы прося прощения, — он уже разложился, ведь четыре дня прошло, как он умер.

Иисус поднял три пальца правой руки, сложенные вместе.

— Я же сказал тебе, если уверуешь, увидишь славу Божью, — ответил он. И подняв глаза к небу, твердо проговорил: — Отец мой Небесный, благодарю, что услышал мою просьбу. Я-то знаю, ты всегда слышишь меня и не оставляешь мои слова без ответа, но говорю это для толпы, окружающей меня, чтобы еще раз уверовали, что ты послал меня!

Сказав это, он крикнул громким голосом:

— Лазарь, выходи!

У всех перехватило дыхание. Люди уставились в чернеющее отверстие в пещере. Не прошло и двух минут, как из глубины, постепенно освещаемый дневным светом, появился мертвец. Руки и ноги его были в по-

гребальных пеленах, а лицо сокрыто куском ^{ткани.} Иисус повернулся к онемевшей от изумления ^{толпе.}

— Развяжите его, пусть идет!

Преодолев ужас, владевший ими в первые мгновения, люди бросились к восставшему из мертвых. Пока одни лихорадочно освобождали его от погребальных пелен, другие приводили в чувство Марфу и Марию, потерявших сознание. Наконец, как бы проснувшись после глубокого сна, но все еще пребывая в дурмане, Лазарь, пошатываясь, вышел из пещеры.

И тогда многие из иудеев, пришедших из Иерусалима, чтобы утешить несчастных сестер, и ставших свидетелями чуда, раз и навсегда уверовали в Иисуса из Назарета, они поняли, что он действительно Христос, Сын Божий. Но были и такие, в основном книжники и фарисеи, постоянно спорившие с Учителем, кто сломя голову бросился в Иерусалим, чтобы рассказать обо всем первосвященникам и старейшинам, дабы те приняли меры против возможных народных волнений. Дело было нешуточное. Шила в мешке не утаишь — весть о чуде сегодня же облетит Иудею, и народ провозгласит Иисуса Мессией.

Но каково же было их изумление, когда, прибыв в Иерусалим, во дворец первосвященника Кайафы, они обнаружили, что здесь уже обо всем знают. Поистине принесший эту опасную весть в Иерусалим был настоящим скороходом!

— Что делать? Как быть? — спрашивали друг у друга сидящие в зале, прекрасно, впрочем, понимая, что никто не сможет дать удовлетворительного ответа на эти вопросы. — Этот человек творит чудеса, сводит народ с ума. Его имя на устах у каждого — старого и молодого. Слепые видят, глухие слышат, хромы ходят, больные исцеляются, немые обретают дар речи, мертвые восстают из могил! Нам никто уже не верит. Да и как поверить, что это не чудо, а обман, если все творится у тебя на глазах! Тут уж не поможет — поймашь ли ты его на слове или разобьешь в пух и прах его доводы. Народ надо обуздать! Если выпустить его из-под повиновения и не принять соответствующих мер, он отвернется от веры Моисеевой и уверует в его кощунственное учение. И тогда что остается делать нам, которых называют учителями? А что ответить римля-

нам? Разве они будут неправы, когда скажут: если народ не подчиняется вам и нет у вас никакого влияния на него, зачем тогда эти порфиры и притязания на церковные земли и рабов?!

Не менее встревоженным выглядел сам Кайафа, получивший скипетр первосвященника всего несколько месяцев назад. Он предпочел бы скорее расстаться с жизнью, чем с ролью духовного наставника избранного Богом израильского народа. Кайафа считал пророка из Назарета, если он действительно был пророком, хулителем единственно истинной веры и своим личным врагом. До тех пор, пока Иисус ходит по земле, иудейские учителя закона, в том числе и первосвященник Кайафа, не должны знать покоя. В любой момент мир может перевернуться, и тогда торжество будет править сатана. Признанный народом Христом, Царем Иудейским Иисус из Назарета имеет уже немало сторонников и последователей во всех землях израильских и за их пределами, и число их день ото дня все растет.

Дело не требовало отлагательства, в ту же ночь собрался синедрион. Совещались до утра. Заключительное слово предоставили первосвященнику Кайафе. Он обратился к собравшимся первосвященникам и учителям веры со следующими словами:

— Как вы думаете, лучше, чтобы погиб один человек во имя народа или весь народ во имя этого человека?

Вопрос, разумеется, заключал в себе и ответ, и присутствовавшие поняли, что хотел сказать Кайафа. Впрочем, Кайафа говорил не от себя, его устами, против его же воли, вещал пророк, отмеченный высшей благодатью. Он говорил, что назаретянин умрет за народ, за его благоденствие, что его жизнь будет принесена в жертву за покаяние людских грехов.

После пророческой речи Кайафы синедрион единогласно решил схватить пророка из Назарета, предъявить ему обвинение, судить и публично наказать, дабы окончательно истребить богохульнические настроения среди иудеев, вернуть народ на путь истинной веры, не дать ему сгнить в пропасти безверия, куда, согласно пророчеству Кайафы, толкало его богохульное учение Иисуса из Назарета.

Доверенные лица немедленно сообщили Спасителю,

что пребывающие во мраке неверия иудеи затаили зло против него, и вполне вероятно, что этой же ночью, если Спаситель останется в Вифании и не спутает им карты, его схватят посланные синедрионом и лично первосвященником Кайафой солдаты. Выхода не было — хотел того Христос или нет, он должен был вместе с апостолами немедленно покинуть Вифанию и укрыться где-нибудь в другом, более безопасном месте.

Таким именно местом был признан маленький городок на краю пустыни — Ефраим, находившийся в четырех часах пути от Вифании. Смеркалось, когда они покидали село. Вдали отливало золотом иерусалимские золоченые крыши. У Иерихона они повернули в сторону пустыни, куда вели несколько дорог. Было уже за полночь — пропели первые петухи, — когда одна из них привела Иисуса и апостолов к желанной цели.

В городке, как и полагается пустыне, не было ни одного деревца. Если не знать, что он существует, его можно было и не заметить. Вдоль узких улочек стояли землянки, издали казавшиеся цепью дюн.

Хозяин постоялого двора, заранее извещенный о прибытии гостей, вышел их встречать. Впрочем, ни он, ни кто-либо другой в этом городе не знали, кто были эти припозднившиеся путники. Стряхнув с одежды пыль пустыни, они молча спустились в полуосвещенный одиноким светильником коридор и, не поужинав, легли в комнате, отведенной им хозяином.

Поскольку никто в Ефраиме не подозревал о приходе Иисуса, он получил возможность побыть наедине с собой и своими учениками и все дни, отведенные ему в Ефраиме, проводил в молитве.

А в стольном городе Иерусалиме уже разыскивали пророка из Назарета. Ибо не сомневались, что в праздник Пасхи он непременно придет в город, дабы преклонить колени перед жертвенником в главном храме.

В храме в эти предпраздничные дни находилось множество народу, и всех заботил один вопрос, с которым знакомые и незнакомые обращались друг к другу:

— Посчитается ли он с решением синедриона? Придет или не придет на праздник?

Первосвященники и фарисеи отдали строжайший приказ: всем, кто знает, где находится Иисус из Назарета, немедленно сообщить куда он следует, чтобы солда-

ты могли схватить его и передать в руки синедриона для исполнения вынесенного ему приговора.

Собравшиеся в святом городе Давида и Соломона постепенно разделились на два лагеря. Те, кто верил в чудеса Иисуса и в душе считал его явленным небесами Божьим Сыном, Христом, пришедшим спасти род человеческий, с радостью ожидали его появления в празднично убранном Иерусалиме, чтобы воздать ему должный почет и приобщиться к Божьей благодати, другие же, почитавшие суд синедриона Божьим судом, лихо-радочно рыскали по городу в поисках Иисуса и его учеников, дабы не дать им возможность избежать справедливого суда, который Бог установил для хулителей и нарушителей веры Моисеевой.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

За несколько дней до наступления Пасхи Иисус решил вернуться в Вифанию и провести их в доме Лазаря, которого воскресил из мертвых.

Апостолов ужаснуло роковое решение Учителя. Им хорошо было известно, как дорого могло обойтись ему это упрямство, но опасаясь обвинений в отступничестве, никто не посмел возразить и молча подчинился его воле.

Солнце стояло еще довольно высоко и пекло всю, когда они тронулись в путь, а к вечеру уже показалась Масличная гора и дом доброго их хозяина.

Лазаря дома не оказалось. Он отправился в виноградник заострить, как обычно к весне, кончики колышков. Мария, покрыв ситцевым платком голову, огромным веником из хвороста подметала двор. Марфа, засучив рукава, хлопотала в кухне — готовила ужин.

Мария услышала звук шагов. Подняв голову и приложив ладонь козырьком ко лбу — лучи заходящего солнца слепили глаза, — она увидела подошедших к калитке мужчин. Мария нахмурилась было, но лицо ее тут же прояснилось — она узнала Спасителя с его неразлучными апостолами. Бросив веник и с криком: «Марфа, Марфа! Смотри, кто пришел!», она бросилась к калитке.

— Кого еще там принесло? — на всякий случай поправляя косынку, осведомилась Марфа и, выглянув, увидела улыбающегося Иисуса, идущего вслед за Марией. От радости у Марфы перехватило дыхание и чуть не подкосились ноги. Немедленно позвали Лазаря. Встреча старых друзей была простой и сердечной, как будто не вставала между ними разлучница-смерть.

Марфа по-хозяйски захлопотала. Вынула из стенового шкафа почерневшее от частого употребления большое деревянное блюдо, поставила его на земляной пол посреди комнаты, затем стала выкладывать глиняную посуду.

— Господи, ты и сейчас не скажешь этой госпоже, чтобы она подсобила мне? Или ты думаешь, что обслужить столько гостей — шуточное дело?

Иисус чувствовал себя в обществе этих добрейших людей безмерно счастливым. Не успел он ответить на это замечание якобы рассерженной Марфы, как Мария достала из другого шкафа фунт чистого нардового драгоценного миро, опустилась перед Иисусом на колени и омыла им ему ноги. А потом, распустив волосы, стала отирать их ими.

Комната наполнилась дурманящим благоуханием.

Увидев это, один из апостолов Иуда Искарот, сын Симона, который должен был предать Спасителя в руки первосвященников, воскликнул в сердцах:

— Почему зря расходовать, бросать на ветер такую ценность? Не лучше ли было продать это миро за триста динариев, а деньги раздать нищим?!

Этот неожиданный и неуместный выпад сразу нарушил непринужденную, добрую атмосферу, царившую в доме.

Никто не понял, что Иуда таким образом сводил с Иисусом счеты и выражал свое недовольство его решением вернуться в Вифанию, где каждого из них подстерегала реальнейшая опасность. Кроме того, у него находилась общая шкатулка, куда складывались те немногие динарии, что перепадали апостолам, и он при малейшей возможности запускал в нее руку. Его непорядочность не укрылась от апостолов, она очень огорчала их, но, обманывая себя, они старались не задумываться над позором своего товарища, а Иуде, считавше-

му себя первым среди апостолов и в глубине души посягавшему даже на первенство Спасителя, только это и надо было.

Обидные свои слова Иуда замаскировал человеколюбием, упомянул о нищих, к которым никогда не испытывал особенной жалости. На деле его злило, что деньги, которые можно было выручить за драгоценное миро, не попадут в общую шкатулку, и он не сможет извлечь выгоду для себя.

Бесцеремонность и наглость Иуды удивила и возмутила апостолов, а у Марии, которая продолжала сидеть перед Спасителем и отирать ему ноги своими душистыми рыжими волосами, на глаза навернулись слезы.

Христос почувствовал, счастливый вечер, подобных которому в его жизни оставалось немного, безнадежно испорчен, и, чтобы хоть как-то разрядить обстановку, он, ни к кому не обращаясь, шутливым голосом, в котором, впрочем, звучала грусть, заметил:

— Оставьте Марию в покое, что вы от нее хотите? Ничего такого, что заслуживало вашего упрека или более того, гнева, она не сделала. Так ведь, Мария? Она, как видно, сберегла миро на день погребения моего, так как нищие и убогие всегда будут с вами, я же не всегда буду среди вас.

Иуда опустил голову и ничего не сказал, хранили молчание и остальные, избегая смотреть друг на друга.

Лазарь принес вино прошлогоднего урожая, которое осталось после поминального обеда в его честь. Марфа поставила на стол жаркое, а Мария, спрятав пустой сосуд из-под миро в шкаф, принялась помогать Марфе.

Ужинали как-то безучастно, хотя утомленные дорогой и жарой Иисус с апостолами с утра ничего не ели. Но ароматное вино сделало свое дело, развязало языки хозяевам и гостям, и застолье оживилось.

Небо совсем потемнело, когда они поднялись из-за стола и стали устраиваться на ночлег. Кто отправился на сеновал, кто — в саманку, кто остался у очага и на ногах встретил новый день.

Между тем посланные в народ лазутчики синедрина не дремали. Очень скоро они вызнали место пребывания Иисуса из Назарета и сообщили куда следует.

На другой день в Иерусалиме уже знали, что Иисус со своими верными учениками находится неподалеку от стольного города, в Вифании, расположенной на Масличной горе, в доме воскрешенного им из мертвых Лазаря. Пора была ставить ему западню и брать под стражу.

Чтобы как-то заставить людей позабыть о сотворенном Иисусе чуде, синедрон решил тайно похитить Лазаря и умертвить его, ибо чудесное воскрешение из мертвых умножило число сторонников и последователей Иисуса. Именно благодаря истории с Лазарем многие иудеи, не выносившие даже имени Иисуса, признали его Сыном Божиим, Христом. Если убрать Лазаря, нетрудно будет доказать, что слухи о воскрешении его распространялись подкупленными назаретянином мерзавцами, и в Вифании ничего подобного не происходило.

Прежде чем приступить к исполнению принятого решения и лишить жизни Лазаря, в Иерусалиме, куда на празднование Пасхи стекался весь народ израильский, пустили слух, будто воскрешение Лазаря — выдумка, Лазарь лежит там, где его погребли, и где, мол, это слыхано, чтобы мертвый воскресал, а бессмертный дух возвращался в гниющую плоть.

Народ двинулся в Вифанию, где, как предполагали, находился Иисус. Многие шли только ради того, чтобы своими глазами взглянуть на Лазаря и убедиться в его существовании.

Лазарь и его сестры потеряли покой от посетителей, толпами приходящих поглазеть на воскресшего. Откуда ему было знать, бедняге, что жизнь его висит на волоске и в любую минуту убийцы, подсланные синедрионом, могут умертвить его. Но паломничество к дому на Масличной горе, не прекращавшееся ни днем, ни ночью, мешало привести злой умысел в исполнение и день ото дня, к счастью для Лазаря, делало его невозможным.

В пятницу по римскому календарю Спаситель сообщил апостолам, что пришла пора идти в Иерусалим. Решение Господа, которое для всех было каноническим, немедленно стало известно в народе. Иерусалим и без того ждал Иисуса, а теперь, когда пришла весть о его решении, весь город вышел на улицы. Иисусу из Наза-

рета, Сыну Божьему, Спасителю должна была быть оказана встреча, подобающая венценосному Царю Израильскому.

Когда крутой склон Масличной горы и древняя крепостная стена Иерихона остались позади и перед Иисусом и апостолами открылась котловина с раскинувшимся на изумрудных холмах, освещенным ярким весенним солнцем Иерусалимом, Христос остановился, отозвал в сторону апостолов и, взглянув сверху на отливающий разноцветными огнями стольный город, сказал:

— Вот и Иерусалим! Сын Человеческий будет предан здесь в руки первосвященников и книжников, они решат погубить его и отдадут на поругание язычникам. Сына Человеческого распнут на кресте и на третий день он воскреснет!

Услышав эти щемящие душу слова, мать сыновей Зеведея Саломея выступила вперед и преклонила перед Иисусом колени.

— Что тебе? — спросил ее Христос.

— Вели, Господи, чтобы эти двое моих сыновей, — она указала на Иакова и Иоанна, стоящих по обе стороны от нее, — которые верой и правдой служат тебе, в Царстве твоём сели один по правую, другой по левую от тебя руку.

Тень пробежала по лицу Иисуса. Он как бы издали смотрел на стоящую перед ним женщину, мать его любимых апостолов.

— Ты понимаешь, чего просишь?

— Понимаю, Господи!

— Нет, не понимаешь, — убежденно произнес Иисус и, обратившись к понурившимся Иакову и Иоанну, спросил: — Вы поддерживаете просьбу вашей матери?

— Да, Господи! — в один голос ответили братья, уже, впрочем, сожалевшие об этом разговоре.

— Можете ли вы пить чашу, которую я буду пить, и креститься крещением, которым я крещусь?

— Можем!

— Чашу мою, скажем, будете пить и крещением моим будете креститься, но кто будет сидеть по левую и по правую мою руку, думаете, я решаю? Знайте: это решает Отец мой Небесный! Там сядут те, для кого приготовил эти места мой Отец!

Апостолы, бывшие свидетелями этого разговора, вознегодовали, хотя любили Иакова и Иоанна и ничего для них не жалели. Особенно их возмутила Саломея, пренебрегшая всеми остальными и потребовавшая для своих сыновей чести, достойной Господа.

Иисус поднял руку, призывая апостолов к спокойствию.

— Вы знаете, что князья властвуют над простолюдинами, а вельможи — над князьями. Но между вами такого быть не должно. Кто захочет стать выше всех вас, пусть станет вашим же слугою, и кто захочет быть первым среди вас, пусть станет вашим же рабом, подобно тому, как Сын Человеческий, в которого вы уверовали и которому следуете, пришел не для того, чтобы ему служили, но для того, чтобы самому служить и отдать свою душу для спасения многих.

Народ уже знал, каким путем пойдет Спаситель, и все близлежащие улицы и улочки были забиты так, что, как говорится, яблоку негде было упасть. На балконах висели пестрые одеяла, ковры и циновки, а главная улица, по которой Христос, Царь Иудейский должен был пройти к празднично убранному храму, оказалась устланной коврами дорожками и пальмовыми ветвями.

— Иаков! Иоанн!

— Да, Господи!

— Видите вон тот двор?

— Видим, Господи!

— Там перед хлевом привязаны ослица и осленок рядом с ней. Отвяжите их и приведите ко мне.

— А если хозяин спросит, куда мы их ведем?

— Скажите, что они нужны Господу, и он возражать не станет. Идите, мы ждем вас.

Сыновья Зеведея, получив задание, означавшее примирение с ними Спасителя, быстрым шагом направились к указанному им дому. Войдя во двор, они действительно увидели перед хлевом молодую ослицу на привязи, угощавшуюся сеном, и осленка рядом с нею. Иаков отвязал веревку, выгнал ослицу на середину двора и огляделся.

— Что ищешь? — спросил Иоанн.

— Где-то должны быть седло и уздечка.

Братья заглянули в хлев и действительно нашли то, что искали. Они хотели было оседлать ослицу, как

на каменной лестнице, ведущей на второй этаж добро-
но построенного дома появился хозяин.

— Кто вы? Куда уводите моих ослов?

— Они нужны Господу, — отвечали братья.

— Господу? — хозяин, старый человек с седой бо-
родой, спустился во двор. — Господу, говорите?

— Иисусу Христу.

Глаза у хозяина повлажнели, он с видимым усили-
ем проглотил слюну, взял у братьев седло с уздечкой,
сам оседлал ослицу и сделал им знак идти вперед.

Иисус с апостолами, окруженные морем людей, жда-
ли их в том самом месте, где они оставили их. Старик
сам подвел ослицу к Господу, опустился перед ним на
колени и со слезами на глазах приложился к краю его
плаща. Затем покрыл деревянное седло своим кожухом,
помог Иисусу сесть на ослицу и дал в руки поводья.

Так же почтительны были и остальные. Они снима-
ли с себя плащи и накидки и расстилали их на дороге.
У каждого на устах были слова молитвы. Люди, так
долго ждавшие своего Мессию, встречали его воскли-
цаниями осанны и слезами радости, орошавшими про-
питанную кровью и потом предков родную землю.

— Осанна сыну Давидову! Благословен идущий во
имя Господне! Хвала Господу в небесах!

Как обычно, кроме израильтян, на праздник Пасхи
в Иерусалим устремилось множество народу из сосед-
них стран. Поэтому не все в толпе знали, кто такой Ии-
сус, но многие, конечно, слышали о нем.

Весь город вышел на улицы. На главную, устан-
ную коврами дорожками и пальмовыми ветвями ули-
цу, которая вела к воротам храма, с переулков, тупи-
ков и боковых улочек вливались толпы людей. Они ли-
хорадочно оглядывались по сторонам в поисках причи-
ны столь небывалого скопления народу и, видя перед
собой столько озаренных радостью лиц, любопытство-
вали:

— Что происходит? Кто пришел?

— Иисус! Пророк из Назарета!

Очень многим это имя ничего не говорило, и тогда
они настойчиво расспрашивали о нем, а получив исчер-
пывающие сведения, пораженные, в восторге присоеди-
нялись к толпам израильтян, искренне славящих чудо-
творца Иисуса Христа.

С каждой минутой все отчетливее звучали кимвалы и цитры, все явственнее доносилось захватывающее душу пение псалмов. Горожане, высыпавшие на кровли и балконы домов, размахивали пальмовыми и масличными ветвями, приветствуя Спасителя, и бросали под ноги шествию серебряные монеты.

— Осанна! Благословен грядущий во имя Господне! Хвала Господу в небесах!

В глазах Иисуса стояли слезы. Сердце билось учащенно, ком в горле мешал дышать. Это были слезы радости и ликования, радости и ликования с примесью яда будущих страстей.

Пение вокруг становилось все громче и громче, как будто народ, славящий своего Мессию, хотел, чтобы его слышали небеса.

Книжники и фарисеи не скрывали своего ужаса.

— Что нам делать? — говорили они. — За ним идет море людей, а вдвое больше встречают его!

— С ним теперь не справиться, никто нас к нему не подпустит!

Но они сумели подступиться к нему. Прокладывая себе дорогу локтями и плечами, они пробрались к передней цепочке людей, сдерживающих натиск толпы.

— Иисус! — закричали они из-за спин тех, кто давал возможность свободно продвигаться процессии. — Пусть твои ученики прекратят этот звериный рев!

Иисус услышал их и не замедлил ответить:

— Это не рев, порождения ехиднины, это молитва, славящая Господа. Никто не может прервать ее. Если они умолкнут, то возопиют камни!

Шествие медленно двигалось вперед. Казалось, ему не было конца. Сидящий верхом на осле Иисус плакал навзрыд и так обращался к Иерусалиму:

— О, если бы ты хотя бы в сей день узнал, что служит миру твоему! Но нет, это сокрыто от глаз твоих! Придет время, как было некогда, и враги обложат тебя окопами, и окружат тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих, и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты, о, Иерусалим, не узнал времени, когда Мессия предлагал тебе спасение от будущих несчастий!

Шествие миновало Форум, Вифезду у Овечьих ворот, Стену плача, дворец Ирода Великого на зеленом

холме, которым ныне владел прокуратор Понтий Пилат, и через площадь, заполненную народом, стало двигаться к храму.

Первое, что поразило и возмутило Иисуса, это то, что торговцы и перекупщики, не удовлетворившись просторами огромной площади, открыли торговые ряды в самом храме и, завалив прилавки товаром, привезенным со всех концов страны, шумно и бесцеремонно зывали к себе покупателей. Они уже забыли разгром, который учинил им Иисус года три назад, когда вышвырнул всех из храма. И поскольку никого другого не волновало то, что оскверняется святыня, алчные торговцы, по-видимому, не собирались менять своих дурных привычек.

— Это что такое, люди, что я вижу?! — войдя в храм, воскликнул Иисус. — Кто позволил вам превратить Дом молитвы в логово разбойников?!

С этими словами он подошел к первому же прилавку, стоящему у самых ворот, чтобы каждый входящий и выходящий мог обратить на него свой взор, и ударом ноги опрокинул его.

— Убирайтесь! Немедленно вон отсюда! Чтобы никого из вас я здесь не видел!

Страшный крик и безобразная возня поднялись в храме. Сопровождавшие Иисуса люди налетели на прилавки и в два счета разгромили их. Торговцы в отчаянии, что не могут спасти свой, кто знает откуда и какой ценой доставленный сюда товар, изрыгали ругательства, издали грозили Спасителю кулаками.

— Горе тебе, лжепророк! — кричали они ему. — Лодырь несчастный, почему ты не испустил дух, прежде чем притащиться сюда! Мы пожалуемся Кайафе, прокуратору, до самого цезаря дойдем, но это тебе не спустим!

— Жалуйтесь!.. Идите к самому цезарю! Но в доме Отца моего я не позволю заниматься торговлей! Не позволю осквернять эти святые стены вашими грязными монетами.

Что могли сделать с озверелой толпой торгашей Иисус и его апостолы, не поддержи их народ, с молитвами и пением прошедший через весь Иерусалим, не вышвырни он их вместе с разгромленными прилавками и раскиданным товаром вон из храма!

Иисус подошел к жертвеннику, зажег светильник и стал молиться вместе со всеми, присоединив свой голос к голосу народа, затем взошел на кафедру и начал проповедовать.

Потерпевшие убыток торговцы все не могли успокоиться, их возмущенные крики время от времени нарушали тишину храма.

— Кто ты такой? Кто дал тебе власть?! Строит из себя пророка и Царя Иудейского! Проклятый безумец! Ничего, скоро увидим тебя висящего вниз головой!

Стоящий на кафедре Иисус отвечал им, ибо знал, что за их спинами стоят его заклятые враги — книжники и фарисеи:

— Написано: дом мой Домом молитвы наречется! А вы превратили его в торговый дом! Обираете людей, разбойничаете и вместо того, чтобы покаяться в грехах, грозите и спорите со мной!

Ближе к вечеру по выходе из храма Иисус увидел толпящихся на лестницах слепых, глухонемых и убогих. Он исцелил тех, кто стоял ближе к нему, до кого сумел дотянуться, а остальных предоставил своим ученикам.

Площадь, заполненная народом, пела и славилась Мессию. В пение временами врывались звонкие детские голоса:

— Осанна сыну Давида, осанна!

Книжники и фарисеи, видя все это своими глазами, не выдержали и в бессильной злобе кинулись к Христу.

— Ты слышишь, что они кричат?

— Благодарение Господу, я не глух.

— Ну и?

— Ну и что? Разве вы никогда не читали: в уста детей и младенцев вложил ты слова хвалы?!

Этот ответ не удовлетворил книжников и фарисеев, они решили продолжить спор, дабы уличить Иисуса, признанного народом Спасителем, Царем Иудейским, в лицемерии и потребовать его избения камнями за связь с бесовским началом, но, испугавшись гнева народного, не посмели возвысить голос против него. А Иисус, повернувшись к ним спиной, как будто их и не было, обратил свой взор на нищих и убогих.

Окончание следует

Перевод Лианы ТАТИШВИЛИ

Поэты „Голубороговцы“

Григол РОБАКИДЗЕ

НА ВЕРИЙСКОМ МОСТУ

Вот поет косматый ветер на мосту Верийском ночью...
И метели мчатся тени, снегопада свищут клочья.
На мосту Верийском воя, ветер сказкой веет втайне...
Вот! Зловещее, глухое ведъм все громче бормотанье.
Ветер на мосту Верийском, как помешанный, бушует...
Ведьма голосит и скачет, беглый бес на беса дует.
С диким криком ветер прянул прямо с моста в кипень
Мтквари...
И ворвался с моста в сердце крови призрак в дымной
хмари.
Ждет свиданья пьяный ветер на мосту Верийском
ночью,
Это — буйство пьяной степи, снега свищущие
клочья.

АМАЗОНКА ЛОНДА

Сонет, вышедший из берегов

Гомон. Сумятица. Пляски... Заздравные звонки.
Тосты. Меж тем в круговом азарпеша¹ пути.
С сыном Филиппа так жаждут войны амазонки,
Но светлоликая Лонда... Ей места себе не найти!

Кажется зверем утрюмым, напрягшимся в гонке...
Дерзко промолвила: «Наша царица, прости!
Александра хочу! Хоть на́ день он — мой... О ребенке
Я умоляю... Хочу от него понести!»

¹ Азарпеша — большая чаша для вина, идущая по кругу.

Вот уж три дня амазонка лежит с Македонцем,
Тешится с ним среди лоз виноградных под солнцем.
Он говорит ей: «Престолы я взял мировые!

Судьбу обуздал, но бессмертие из твоего
Неутолимого тела первым пью и впервые —
С тех пор, как пояс я снял золотой с него!»

Георгий ЛЕОНИДЗЕ

А ДУША ЖДЕТ МЕТАМОРФОЗЫ

По небесной волне феерия
Пронеслась огневыми брызгами,
И алмазами повечерия
Плещут кущи души столь взысканной.

Реет птица, в душе рожденная,
Пролетая над млечной тучею.
О, душа моя неугомонная,
Сердце зрячее и могучее!

И виденье мечтой озаряется
Запредельною и крылатою,
Сердце грезой закаляется,
Исступленным огнем объятою.

Мчатся тени сказочной конницей,
Пересиливши ветер воющий,
Все не может душа успокоиться,
Расхищения ждет сокровище.

Странно плыть для чего-то за море,
А русалки золотокосые
Чужды суше, и лишь душа моя
Новой грезит метаморфозою.

АВТОПОРТРЕТ

Пою в одиночестве, словно Бесики — неуголимые
мухамбази,
О мертвой любви стихотворения пишу, как Мамаи¹.
Мыслью о смерти я переполнен, но знаю в экстазе,
Что слово мое отважно, упорно, и — все упрямее...

Хочу похожим стать на арапа, вымазаться
антрацитом,
Ибо свою возненавидел блеклую образину.
Хочу цветение солнца встретить выжившим,
недоубитым,
С восторгом и трепетом перед зарею ставни раздвину.

Но неразрывны пути недуга... Томлюсь до рассвета,
Душит кашель, бледнеют губы... В крови — харкота...
Как одиночество истязает измученного поэта!
Жду хоть кого-нибудь и не знаю, придет ли кто-то.

Безумствам, беззаботному смеху, забавам завидую
шаловливым.
В холодное зеркало, чуть розовея, мысли мои глядятся.
И под немymi стихами страстью пышут — как трут
над огнивом —
Незнатные имя мои и прозвание — Ражден Гветадзе.

К МАРО МАКАШВИЛИ²

Я не знал Вас, амазонка, равная Тамар-царице,
Сожалею, что не видел Вашего лица доселе.
Ах, для Вашего портрета нужен гений Рафаэля,
Но портрет укрыл шиповник, что на кладбище
кустится.

¹ Мамаи Гуриэли — грузинский поэт.

² Маро Макашвили — дочь грузинского поэта, кн. Котэ Макашвили. Будучи сестрой милосердия, погибла под Тбилиси в 1921 г. при вступлении в Грузию Красной Армии.

НЕНАСТНЫЙ ДЕНЬ

На меня свалилось небо — сыростью, отравой.
Мертвых грез декабрь гнилую наметает грудю.
Словно душит прокаженный, мерзкий и слюнявый...
Нет, не сгинули два черта, и они повсюду.

Плачем декабря я мучим... Служит над душою
Мессу черную сам дьявол, вышедший на клирос.
Вот глаза мои заняжут бязью огневою...
Богом проклятый шиповник в жгучем сердце вырос.

В день ненастный, прынув с ветки, рвет меня гиена,
Сумеречностью ненастной я подобен Гойе.
В этих сумерках угаснет факел мой мгновенно.
В маленькую грудь мне сердце не вместить большое.

Переводы Михаила СИНЕЛЬНИКОВА

Паоло ЯШВИЛИ

ПЬЕРО-СКИТАЛЕЦ

Как ребенок, Пьеро-бродяга —
Слезы вдруг застилают свет.
Чем утешится наш бедняга?
Утешенья скитальцу нет.

Кров найдет — живописный прямо! —
На Шайтан-базаре пустом
И введет, как под своды храма,
Коломбину бледную в дом.

Перевод Яна ГОЛЬЦМАНА

Теймураз МАГЛАПЕРИДЗЕ

НАСИЛИЕ, СТРАХ, ЛОЖЬ

Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо познакомиться с Элизбаром (он же Важико), главным персонажем романа.

«Судьба меня мяла и швыряла. Жизнь замотала, истощила, превратила в пустышку. Кого и что имел, почти всех и все потерял: отца, брата, двух-трех родичей, нажитое предками добро, последний кров, бодрость души и твердость духа. Все у меня было и ничего не осталось. Нечем заполнить душевную опустошенность», — так характеризует он себя. Нетрудно догадаться, что все эти беды обрушились на Элизбара по милости революции. Недаром он говорит: «Город, войны, революция мчали и кружили меня, как пушинку». В результате он оказался в далекой Хевсурети, ибо она представлялась ему обителью душевного здоровья и покоя, потому что там не было Цуцкии (иначе говоря, того же Джако) и ее мерзкого родителя — «красного беса». Поиски меди — повод к бегству из города. Он однажды уже предпринял такую попытку: «На другой же день я отправился в Сванети на поиски меди, — рассказывает Элизбар. — А на самом деле просто убежал от жены». В этом все дело: бегство от жены и красного беса. Но что нашел он там? Прежде всего угнетающий страх, что красный бес доберется и до Хевсурети. Такая опасность, разумеется, реально существовала.

«Пришлый народ нахлынет, как море, так что и грузинского языка лишимся. Ничего своего нам не оставят: ни чохи,

Продолжение. Начало см. в № 2—3.

ни шапки, ни носа, ни глаза», — говорит Джурха, ибо хорошо знает, что таковы свойства и повадки красного беса. Но это одна сторона медали, вторая же заключается в том, что Хевсурети, представлявшаяся Элизбару обетованным островом, в действительности оказалась средоточием грязи, вшей, невежества и пустого романтизма, тешившегося пылкими мечтами о Парнавазе, Фарсмане и Ираклии.

Долго ли может выдержать здесь такой интеллектуал, как Элизбар? И вот постепенно, исподволь возникает и растет тоска по белому воротничку — символу цивилизации. «Мне видится белый воротничок. Вчера видел во сне франтоватый и праздничный черный фрак, белый жилет, лакированные туфли, чистый крахмальный воротничок — белый, высокий, сверкающий воротничок».

Эта тяга неудержима, ибо она неистребима в культурном, просвещенном, цивилизованном человеке, хотя он хорошо знает, что «здоровая дикость лучше просвещенного вырождения». И вот тут-то встает фундаментальный вопрос, ось всего произведения: «Скажите мне, разве нельзя мне и надеть белый воротничок, и при этом сохранить свою породу?».

Сохранить свою породу...

С этим пластом романа связан пленительный художественный образ — Хатута. Она и есть порода! Да, в Хевсурети есть и грязь, и вши, но есть и Хатута — прочность грузинского национального хребта. Именно в этом видит М. Джавахишвили спасение, и исходя из этого концепцию романа можно сформулировать следующим образом:

«Красный бес так глубоко пустил корни, что от него не убежать, не спастись. Это болезнь, язва на национальном теле Грузии. Круг замкнулся: в городе и на селе бесчинствуют Джако и Цуцкия. В Хевсурети — грязь и темнота, к тому же не сегодня, завтра красный бес и туда протянет свои шупальца. Как выстоять, куда идти человеку, отмеченному духовностью, где приклонить голову? Единственное спасение в этом кажущемся безвыходном положении — Хатута, точнее, симбиоз «белого воротничка» и «породы», слияние уставшей в веках дворянской крови с полной силы и стойкости народной кровью. Финал романа именно таков. Здесь писатель как бы выполнил задуманное, не осуществленное в «Обвале», «решился сделать то, на что не решился великий Илья», соединил знатного дворянина и крестьянку, укрепил хребет нации. Но не слишком ли поздно все это?»

Есть и еще одно «но».

Если следовать логике событий, надо сказать и то, что через несколько лет — а может, и раньше — в один «прекрасный» день за Элизбаром, или Важико, придут чекисты в кожаных куртках, бесцеремонно вытащат из постели, уведут без всяких объяснений, и Элизбар исчезнет без следа. Дома останется обезумевшая от горя, окруженная детьми Хатута, и воскликнет она, глотая слезы:

— Говорила же я тебе, Важико, гиблое место этот ваш город, гиблое!

Не знала Хатута, что не город, а режим, владевший городом, гиблый.

По поводу «Белого воротничка» разгорелись невиданные споры, причем надо прямо сказать: почти во всех случаях полемика была мимо цели. Роман так и не был прочитан правильно. Никто не увидел, или не хотел увидеть, что писатель здесь яростно борется с революцией и «благами», которые она несла с собой, что здесь изображена трагедия человека (и народа!), который не может найти себе места на родине и, бесприютный, в отчаянии мечется по стране...

Из книги К. Джавахишвили:

«Белый воротничок» принес отцу много неприятностей. В Хевсурети роман вызвал такое возмущение, что его хотели убить. Вообще это произведение не поняли, что очень огорчало писателя. Не были довольны романом и вышестоящие органы. Несколько лет отца не печатали совсем, страшно мучали».

А каким произведением «были довольны» вышестоящие органы? Романом «Гиви Шадури»? Как бы не так! Уже отпечатанный и готовый к реализации роман был арестован по приказу правительства и запрещен к продаже. Понадобился целый год нервотрепки, чтобы добиться отмены запрета.

Дело было в следующем.

В 1929 году партийный бонза Кахиани сделал доклад конференции Компартии Грузии, где с видом знатока, глубоко разбирающегося в литературе, до непристойности грубо обрушился на роман «Гиви Шадури», а его автора наградил оскорбительными эпитетами, что было равнозначно доносу. Доклад Кахиани очень тяжело подействовал на М. Джавахишвили. Он особенно любил «Гиви Шадури», видимо, чувствовал, что в этом романе его фантазия и сюжетная изобретательность достигли зенита, а идея, заложенная в глубинных пластах текста, — революция есть сила, угнетающая и разрушительная, превращающая человека в животное, — была дорога ему, внут-

решенно выстрадана (вспомним: «Революция для меня — величайшая трагедия»).

И вот книгу задержали.

Что делать писателю в этом случае? Как поступить? М. Джавахишвили предпочел пойти на уступки, так как в воздухе явно запахло арестом. Заведующий идеологическим отделом ЦК, некто Жоржикашвили усердно распространял слухи о том, что М. Джавахишвили пренебрег замечаниями Кахиани и продолжает без разрешения печатать роман. В то же время, по словам К. Джавахишвили, автор «учел все замечания». Возможно ли большее унижение, попрание достоинства писателя? Оказывается, возможно. «О, страна моя, источник мук моих, с тобою плохо, потому что любим тебя, и без тебя плохо, и все потому, что любим тебя», — говорит Гиви Шадури, умный и благородный, хотя и сбившийся с пути и опустившийся. Во имя родины надо было спасти книгу, чтобы она увидела свет. Поэтому М. Джавахишвили пишет письмо Жоржикашвили.

«Уважаемый тов. Александр!

Еще раз беспокою Вас по поводу «Гиви Шадури». Вы, оказывается, говорили, что я напечатал этот злосчастный роман после того, как закон публично выступил против него, т. е. что я будто бы и не обратил внимания на слово закона.

В связи с этим хочу напомнить Вам одно обстоятельство.

За неделю до доклада М. Кахиани у нас с Вами состоялся разговор о «Шадури», и я сообщил Вам, что книга частично отпечатана. После этого разговора с уже отпечатанной частью ничего нельзя было поделывать, а в остальные формы, уже подготовленные к печати, я внес некоторые исправления. Большого я сделать не мог.

Кроме того, должен Вам сообщить, что из 7—8-й страниц, которые у Вас с Кахиани были на конференции, ни одна строка, ни одно слово не вошло в книгу.

В заключение очень прошу Вас прочесть книгу (если до сих пор Вы не прочли ее). Уверен, в ней не окажется ничего такого, за что я заслуживал бы материального и морального наказания.

М. Джавахишвили
29.09.29 г.»

Видите? Жоржикашвили, оказывается, даже не читая роман, распространял слухи, давал директивы. На этот раз уда-

лось спасти роман, одно из прекрасных творений, вышедших из-под пера М. Джавахишвили, но ценой какой нервоотрепки, каких унижений? Об этом знал только писатель...

Ясно одно: в романе господствует антиреволюционное настроение. Следователь-коммунист соблазнил Русудан, и это вызвало крушение жизни Гиви Шадури, он стал бродягой. Именно революция сделала Мареди проституткой, Джикураули — зверем, Степаниду свела с ума, Соколова-Шеварднадзе превратила в проходимца.

Знаменательно, что фигурировавшая в личной переписке М. Джавахишвили идея «бегства» из коммунистического ада и мотив страха отразились, и довольно остро, в романе «Гиви Шадури»:

«Наверно, вам приходилось видеть такой сон: вы ощущаете какую-то страшную опасность: то ли зверь вас вот-вот съест, то ли кто-то вцепится в глотку. Вы объаты страхом, хотите бежать, но ноги не слушаются. Или же вы бежите, но все время остаетесь на том же самом месте. Вот убийца приблизился, схватил вас за горло, занес нож, а вы — вы тут же просыпаетесь.

Этот странный сон случился со мной наяву. Вот видите, я бодрствую и трезв, но отрезвление пришло слишком поздно. Долго бежал я из Грузии, но, оказывается, зря болтал ногами в воздухе. А судьба надвигалась, когти ее вонзились мне в шею, и я... проснулся».

Там же:

«Пока арба не перевернется, дорогу не увидишь. Теперь вы понимаете: разум советовал мне бежать, а судьба-преследовательница удерживала, схватив невидимыми когтями, связывала, отрезала путь, обманывала — и связала окончательно. Ну что, господа, и теперь не верите в судьбу и ее капканы? Судьба, говорю вам, судьба, а что же еще! Судьба-преследовательница, враг, судьба, которой не избежать, которую не одолеть».

Кажется, трудно высказаться откровеннее, но М. Джавахишвили идет еще дальше:

«Друзья, я человек старого поколения и кое-что из нового не понимаю. Хочу понять, очень хочу, но не понимаю», так как: «Кровь, слезы, огонь, стоны, скорбь и горе — вот чем было для меня это черное время, ничего больше я не помню. Ужас!» Поэтому: «Прошлое рисуется мне сказкой, настоящее непонятно, а будущее представляется непредсказуемым».

Этот крик души писателя, горькое стенание, роковое предчувствие, выразившееся в страшной заключительной фразе:

«Вчерашнее я предпочитаю сегодняшнему, а сегодняшнее лучше грядущего завтра».

Знал он, чувствовал: «завтра» его ожидала смерть на кресте.

А пока... пока написана «История пяти» (1926 г.), где последствия революции выглядят поистине «захватывающе»:

«Пришла революция и все поставила с ног на голову. Вскоре Москву захватили красные.

У нас был большой дом. Его у нас отняли, вселили в наш дом рабочих, нас же, почти голых, загнали в какой-то подвал. Заснули в дворцовой зале, а проснулись в темном подвале. С того дня начались голод, болезни, страдания — словом, ад. Если начну рассказывать все, что довелось мне увидеть и пережить, то до утра не кончу. Невозможно было понять, кто с кем и за что боролся, зачем лилась кровь, почему вся страна пылала в огне, почему люди разрушили собственный дом. Дня не проходило, чтобы по меньшей мере пять раз не перевернули штыками наши узлы, а нас столько же раз выгоняли из вагона. Это бы еще ничего, но на каждом шагу рвали на части наши души, мысли, наше прошлое.

«Это нам пригодится», — и постепенно, в дороге, снимали с нас приличную одежду. Я бежал из России от революции, но она догнала меня. С того дня в нашей деревне все перевернулось. Насели на нас бедные и несчастные. Сперва отобрали пашню, потом завладели садом и виноградником, потом захватили и дом и выгнали из школы. Бросили меня в лачугу и оставили одного, как зачумленного. Я тогда заболел, и некого было попросить принести воды и хоть кусок хлеба».

Такова была пролетарская революция. В то время, когда по инициативе М. Джавахишвили вышел альманах «Ариффон» (1928 г.), где был опубликован его рассказ «Дампатиже», «трудящиеся» уже пожинали плоды своей «родной» революции — на них уже надели удушающее ярмо коллективизации. Создание и внедрение колхозов было злом, еще не виданным в истории человечества. Всюду это сделало жизнь тяжелой и безрадостной, а в Грузии — особенно. Вскоре Тевдоре и его братьям сел на шею Дампатиже — родное дитя революции и коллективизации, плоть от плоти Джако и Цуцкии, балагур-златоуст, бездельник, дармоед, проныра, обжора... И Тевдоре думает: «В четвероногого впивается клещ, пчел одолевают осы, деревья опутывает плющ, даже скалы обрастают мхами и

лишайниками — так все они и живут чужими соками. Неужели и человек устроен так же?»

Да, при социализме человек «устроен» именно так, это хорошо увидел М. Джавахишвили и сказал читателю слово правды, что по тем временам было необычайной, отчаянной смелостью, тем более что досье М. Джавахишвили отнюдь не свидетельствовало о его «коммунистической стойкости». Поднялся переполох, да еще какой! Каждый из присяжных критиков не преминул бросить камень и ком грязи в М. Джавахишвили.

Валя Бахтадзе:

«Не могу не сказать об огромной опасности, перед которой, по моему мнению, стоит писатель. Это — вопрос о его отношении к революции. М. Джавахишвили на краю пропасти. «Дампатиже» — это не критика, это клевета, то есть критика, исходящая от врага. Джавахишвили должен заслужить право критиковать революцию как писатель. Революция не даст ему такого права, ибо пока еще никому не известно, с революцией Джавахишвили или нет».

Юция Лордкипанидзе:

«Возьмем «Дампатиже» М. Джавахишвили. Следует знать, что это произведение реакционное. Реакционное оно уже тем, что надуманно и лживо».

Миха Кахиани:

«Есть у «арифионцев» и беллетристика. (Кроме «Дампатиже», в альманахе был напечатан рассказ Л. Киачели «Княжна Майя». Состоялся и успешный литературный дебют. Так что «есть у «арифионцев» и беллетристика», — сказано неточно. — Т. М.). Есть такой беллетрист М. Джавахишвили(?!). Он написал рассказ «Дампатиже», где выведен ленивый крестьянин, который ничего не делает и живет за счет других крестьян, но в то же время связан с коммунистами и, вероятно, сам является коммунистом или, во всяком случае, сочувствующим».

В рассказе Джавахишвили этот бездельник собирается создавать «колхатив». Автор умышленно пишет «колхатив» вместо «коллектив».

Что это, как не высмеивание нашей линии на коллективизацию села, совершенное незнание некоторыми грузинскими писателями новой, советской деревни? Почему, вместе того чтобы разгуливать по проспекту Руставели, этот Джавахишвили не удосужился посетить какое-нибудь село, побывать хотя

бы в коммуне в Самтависи. Там он увидел бы не своего Дампатиже, а настоящих творцов нового советского села.

Увлеченные «панибратством», арифийонцы не хотят понять новую жизнь. Такая литература нам не нужна. Нам не нужны воспевающие старое время, цепляющиеся за все замшелое. Мы не позволим Джавахишвили осмеивать наше созидательное строительство».

Геронтий Кикодзе:

«Разумеется, опубликование «Дампатиже» нельзя внести в политический актив М. Джавахишвили, который в глазах чрезвычайной комиссии и без того пользовался дурной репутацией из-за своего политического прошлого. Его рассказ был воспринят как злобная сатира на колхозное движение. Действительно, в «Дампатиже» очень остроумно раскритикованы слабые стороны колхозов. Кроме того, несомненно стараниями усердных доносчиков острые реплики М. Джавахишвили дошли до Берия, уши которого слышат все, даже шепот влюбленных, даже дружескую беседу за круглым столом».

Итак, на шею М. Джавахишвили уже накинули петлю и постепенно затягивали ее. Писателю всего 47 лет — пора зрелости и расцвета для беллетриста. И он действительно стал большим мастером, полным творческих замыслов. Именно тогда написал он стихотворение-реквием «Я еще не сказал свое слово», содержащее знаменательные строки: «Внезапно оборвался тонкий волосок, и рухнуло куда-то несделанное дело». «Горе твоему долготерпению, опоздавший родиться Джавахишвили», «Постойте, не хочу... рано уходить», «Помоги мне, Боже, не оставляй меня, много дел осталось мне сделать».

И наконец:

«Если вправду умирает моя родина, остановись, смерть, прежде убей меня».

В такое бурное и трудное время, когда ярость и скрежет зубовой официальных критиков достигли апогея и жизнь писателя в самом деле повисла на волоске, он совершил поступок, немыслимый для него в другое время и при других обстоятельствах. Он решил переделать «Дампатиже» в соответствии с пожеланиями официоза и критиков, вернее, по-новому осмыслить произведение, показать крах Окропира и победу колхозного движения. И он написал и опубликовал в газете «Коллективизация» «Смерть дворянина, или «Железное решето».

Отклики не заставили себя ждать.

«Это, безусловно, новое явление в творчестве М. Джава-

хишвили, большой шаг вперед. В художественной продукции, отражающей жизнь социалистической деревни, «Железное решето», несомненно, займет важное место. В колхозах коллективно читали рассказ и в своих отзывах признавались, что видят как в зеркале поступательное движение своего колхоза. М. Джавахишвили лично ознакомился с колхозным строительством и поэтому сравнительно верно отразил положение. В рассказе показано исправление извращенного курса в коллективе, разоблачение и осуждение паразита «Дампатиже» и поддержка угнетенного Тевдоре, который с помощью нового руководства коллектива стал его опорой и теперь считается стахановцем».

Это была тяжелая, пожалуй, непоправимая ошибка писателя!

Он отверг главное достоинство «Дампатиже», делающее его наглядным пособием, по которому (а не по «Заре Колхиды» К. Лордкипанидзе) дети в школе должны изучать историю колхозного движения, и создал вместо этого лживую модель действительности, не имеющую ничего общего с реальной обстановкой. Это был крах М. Джавахишвили как с художественной, так и с нравственной точки зрения. Более того, это был первый творческий компромисс, за которым логически неизбежно должны были последовать — и последовали! — другие.

Если помните, Кахиани призывал его посетить коммуны в Самтависи и своими глазами увидеть подлинных строителей советской деревни.

К. Джавахишвили:

«Отец решил написать о самтависской коммуне и с этой целью посетил Самтависи. Увиденное там не произвело на него большого впечатления. Все же он сделал над собой усилие и попытался создать произведение о жизни коммуны, даже начал его, но почувствовал, что получается вещь слабая, и, недовольный, порвал написанное со словами: «Что ж делать, ничего не выходит, не могу я писать по заказу».

К. Джавахишвили заключает:

Порой он бывал вынужден признавать или делать то, что противоречило его натуре, но другого выхода не было, этого требовали от него события, происходившие тогда. По одну сторону находились агрессивно настроенные критики, по другую — поклонники его таланта, многочисленные читатели, не чаявшие души в своем любимом писателе и жадно прислушивавшиеся к каждому его слову, не позволявшие ему никаких

компромиссов, но требовавшие от него твердости и выдержки, желавшие видеть его всегда принципиальным, не идущим ни на какие уступки. В это напряженное время один из читателей (фамилия не указана) прислал ему такое письмо:

«Сегодня утром в «Салитературо газети» я прочел, что в Кутаиси Вы сказали: «Гиви Шадури» не годится, «Дампатиже» плох, теория дистанции ошибочна и др. Не знаю, что произошло с Вами, никто не требует от Вас геройства, но умеренность — это второе божество—Вы должны сохранить, это Ваш долг, и долг потому, что есть лучшая часть грузинской молодежи (не дегенерат Бесо Жгенти и иже с ним), которая воспитывается на поступках десятка людей, и выглядит некрасиво, когда Вы даете им такой печальный пример. Почему поносите Вы Шадури и честного Иванэ из «Дампатиже»? Дампатиже несть числа в сегодняшней Грузии. Это плевелы, бездельники, паразиты (хотя бы тот же Бесо Жгенти и многие другие), жиреющие за счет честных людей. Вся наша действительность кишит такими Дампатиже, и я удивляюсь, зачем Вам понадобилось осуждать этот свой рассказ. В Грузии исстари повелось: страна рушится, но остаются немногие, которые растят и воспитывают следующие поколения. Быть вместе с народом, голодным, жаждущим, обиженным, бесправным народом — есть ли большее счастье? По моему убеждению, это — самое почетное. Думается, Вам не подобают реверансы... Поэтому я, молодой человек 30-ти лет, преклоняющийся перед мужеством, гражданственностью, культурой, перед нашей страной, советую Вам: не протягивайте руки дьяволу, а не то дьявол завладеет Вами целиком!».

Это письмо очень расстроило писателя. На оборотной стороне письма он сделал приписку:

«Коммунисты и их приспешники ввели в заблуждение многие тысячи читателей от моего имени. Я не говорил, что «Шадури» и «Дампатиже» фальшивы по существу. Но, не имея никакой возможности восстановить правду, вынужден молчать».

Процитированные выше документы далеко не исчерпывают безбрежного моря материалов (требующих неотложного изучения), относящихся к «Дампатиже». Правда, критики только сбрушивали на писателя брань с идеологических позиций, более доказывая свое невежество и отсутствие вкуса, нежели желание и способность вникнуть в существо дела. Писатель замечал по этому поводу:

«Писатели под предлогом поисков «идеологической пра-

вды» обильно поливали друг друга грязью. Это не критика, а взаимное поедание (вспомним: людоеды. — Т. М.) и осквернение литературы. Пусть критик будет беспощаден, но он должен найти соответствующий тон, относиться к нам хотя бы с минимальным уважением и осознать, что малейшая пристрастность искажает сознание читателя и душит творчество».

Правда, он утешал себя: «У человека моего возраста есть привитый временем духовный иммунитет, и критику нелегко поколебать его. Я считаюсь только с правдивой и искренней критикой. Однако М. Джавахишвили знал, как трудно приходится грузинскому народу, грузинской культуре, литературе, человеку...

Из записной книжки М. Джавахишвили:

«Современному грузинскому писателю не хватает веры, в этом истоки кризиса. Он говорит то, во что не верит, а во что верит, то не вправе писать. Когда надо плакать, он смеется, а когда ему смешно, плачет. Потому пафос его фальшив и легковесен. Сорвите замок с его уст, и он зарыдает так, что камни растают от жалости».

«Я, писатель, сегодня живу на кладбище. Кругом — горести и стенания. Мне говорят: напиши что-нибудь героическое. Если буду скорбеть вместе со всеми, меня огреют по голове, если попытаюсь изобразить радость — сгорю со стыда. Поэтому горюю молча».

«Сегодня надо иметь каменное сердце и железную душу».

«Пролетарская литература — ничтожество, и в руки ничтожества отдают гегемонию».

«Вся Грузия превратилась в психиатрическую больницу без врачей».

«В Грузии у десятков тысяч отняли все, кроме ненасытной жажды мщения».

«Сравнялись нищий и литератор, и кто не в состоянии побираться, бежит из литературы. Бегу и я».

Не убежал! И не смог бы! День ото дня он все глубже вступал в дремучие дебри литературы и, оглядываясь, сам дивился, как далеко позади осталась исходная тропа. После «Дампатиже» он безоговорочно убедился: если хочешь сохранить жизнь, надо прекратить бескомпромиссную борьбу с коммунистами, отступить и занять такую позицию, при которой и волки были бы сыты, и овцы целы. Надо создавать книги, в которых и патриотические чувства найдут выход, и официозу будет «брошена кость», т. е. будет по возможности выполнен «социальный заказ».

Так был написан «Арсен из Марабды» — роман об Арсене Одзелашвили, герое, воспетом в народной поэзии, наде- ленном огромной нравственной силой (иначе он не мог бы стать народным героем). М. Джавахишвили, не довольствуясь этим, сделал Арсена борцом за социальные и национальные идеалы. Социальный аспект, разумеется, был продиктован велением времени. Тогда ведь необходимость, неизбежность классовой, социальной борьбы утверждалась как единственная незыблемая истина.

Роман имел большой успех и принес автору популярность как в народе, так и, представьте, в партийных кругах. Но, несмотря на это, писатель-«попутчик» не был удостоен «титула», дававшего возможность нормально, спокойно жить и творить и избавлявшего от дикого преследования со стороны критиков. Это не удалось! Наоборот, на многочисленных диспутах, развернувшихся по поводу книги, господствовала точка зрения, что М. Джавахишвили создал националистический, реакционный роман.

Б. Буачидзе (1931 г.):

«Следует подчеркнуть, что, разрабатывая только материал прошлого, сегодня трудно стать попутчиком, союзником. Если Джавахишвили думает, что, написав «Арсена из Марабды», он исправил свои старые пути и сделался писателем-союзником, то очень ошибается. Может, для М. Джавахишвили это и большой шаг вперед, но сегодня невелика заслуга — осуждением крепостничества завоевать имя писателя-попутчика».

Отрывок из заключительного выступления М. Джавахишвили (1932 г.).

«Разумеется, не забыл меня и Бесо Жгенти. Он сказал: «Во-первых, «Арсен» — произведение националистическое, во-вторых, в нем не отражена современность». Я должен вообще заметить, что в головах некоторых перепутались два понятия — национальное и националистическое. Если изъять из прошлой эпохи национальные элементы, не останется ничего, кроме груды фактов. Та эпоха была пронизана национальной борьбой, национальными идеями, поэтому в романе эти элементы должны были найти отражение. Но националистического здесь ничего нет. Жгенти упрекнул меня в том, что события в романе не освещены с точки зрения современности. Сознаюсь, крепостничество в моем романе изображено мрачнее, чем оно было на самом деле. Думаю, тем самым я остро отразил современную точку зрения. По этому поводу некоторые друзья даже упрекнули меня в сгущении красок».

Б. Жгенти: Кто эти друзья?

М. Джавахишвили: Те, кто знают историю, кто более или менее знаком с той эпохой. Бесо Жгенти не заглядывал в нее так же, как, скажем, не бывал в Пекине. (Смех). Я как художник оправдываюсь тем, что некоторое преувеличение, умеренное, не выходящее за рамки художественности, допустимо. Меня упрекнули в том, что я отдалился от современности. Это правда, но несправедливо, будто я лишен эпохальности. Я и в «Арсене», относящемся к далекому прошлому, выразил нынешнюю эпоху. Десять-пятнадцать лет назад я написал бы роман совсем по-другому, а это значит, что я иду в ногу со временем и даже к событиям столетней давности подхожу с эпохальной точки зрения».

В приведенном отрывке интересны два момента.

Во-первых, писатель открыто признает, что роман конъюнктурен, написан в соответствии с требованиями времени, в другое время и при других обстоятельствах в основе его была бы другая концепция, что в отношении художественной правды является заслуживающим сожаления компромиссом, а в конечном итоге — неуклюжим реверансом в сторону большевиков. Это отступление началось с переработки, вернее, переделки «Дампатиже», так как в «Железном решетке» проблема трактовалась в угодном режиму духе. Компромисс продолжился в «Арсене» и завершился романом «Женская ноша». Проявился он также в ряде статей и выступлений, которые мы рассмотрим ниже.

Во-вторых, здесь было положено начало полемике М. Джавахишвили с Б. Жгенти, которая в дальнейшем переросла в неприкрытую вражду, сыгравшую немалую роль в дальнейшей судьбе писателя.

В связи с «Арсеном из Марабды» следует вспомнить одну немаловажную деталь.

Дочь писателя, К. Джавахишвили, рассказывает:

«В Москве Васо Эгнаташвили встретился со Сталиным (В. Эгнаташвили — друг детства Сталина. — Т. М.). Войдя в рабочий кабинет Сталина, он увидел на письменном столе «Арсена из Марабды». Васо спросил: «Читаешь эту книгу?» Сталин ответил: «Это моя настольная книга. Пусть учатся грузинские писатели, как надо писать! М. Джавахишвили пишет языком Ильи, продолжает его путь. Мне он нравится».

Писатель, оказывается, очень гордился этим.

Вообще по отношению к Сталину М. Джавахишвили испытывал то же, что и большинство людей его поколения: он

верил в Сталина, безгранично доверял ему. Более того: считал его выразителем могучей воли грузинского народа! По этому с большой симпатией изобразил его в романе «Женская ноша», позже написал ему личное письмо, а в 1937 году, находясь в заключении, умолял сообщить Сталину о своем аресте, твердо веря, что Сталин непременно вызволит его из беды.

Вот как наивен был М. Джавахишвили!

Через некоторое время Сталин приехал на море на отдых. Его встретила «наша делегация»: Берия, Чарквиани и другие. Во время беседы Сталин спросил: «Почему Джавахишвили ничего не пишет, совсем его не слышно?» Берия, опередив всех, ответил: «Он был врагом народа и наказан». Сталин не удивился, только покачал головой и сказал: «Почему вы это сделали, почему не позаботились об этом человеке, нельзя было так делать».

«Осталось неясным, знал Сталин о судьбе отца или нет. Думаю, знал», — заключает К. Джавахишвили. Я тоже думаю, что знал.

Сам писатель так объясняет идейный замысел «Арсена из Марабды»: «Весь мой роман — это история героя, родившегося не вовремя, для которого трагический исход жизни и начатого им дела неизбежен. Он направлялся в Турцию в надежде когда-нибудь вернуться и завершить дело освобождения крестьян».

Здесь хотелось бы высказать осторожное предположение: не навеян ли образ Арсена мыслями о нашем национальном герое Какуце Чолокашвили. В пользу такой версии говорит книга Александра Сулханишвили «Воспоминание об отряде побратимов», в которой подробно описывается самоотверженная борьба К. Чолокашвили и его «лесных братьев» против большевиков (читай: русских), их поражение и переход в Турцию. Тот, кто читал эту книгу, согласится со мной, что Какуца и Арсен (как он изображен в романе) очень похожи по своему характеру и этическому мировосприятию (М. Джавахишвили близко знал К. Чолокашвили, да и перипетии трагических событий 1924 года прошли на его глазах). Кроме того, о ком еще (наряду с Арсеном) можно сказать: «не вовремя родившийся герой». Воздержусь от развернутого суждения, но если мое предположение не лишено основания, тогда роман М. Джавахишвили откроется для нас новой, очень интересной гранью.

1932 год. Несмотря на то, что «Арсен из Марабды» хорошо принят читателями и заслужил одобрение официоза (сам

Берия сказал на какой-то конференции или съезде: «М. Джавахишвили написал неплохой роман», разнузданная травля писателя не прекращалась. От недругов не укрылось, что роман изобиловал антирусскими тенденциями, поэтому его окрестили «националистическим», «шовинистическим» и без конца склоняли и спрягали в этом аспекте. На каждом, даже самом рядовом собрании Союза писателей, на любом диспуте дело не обходилось без нападок на М. Джавахишвили и прямых доносов на него в адрес правительства. Первенствовал тут, как и следовало ожидать, Бесо Жгенти, но не отставали и К. Лордкипанидзе, Ш. Дадiani, Г. Натрошвили... Шумела, грохотала, работала на полную мощность машина доносительства, клеветы, зависти, невежества, шантажа и прочего злодейства.

(Ниже я привожу довольно подробные выписки из стенограмм различных дискуссий и пленумов. Материалы эти извлечены из книг К. Джавахишвили, я их только «смонтировал», кое-где сделав купюры).

Дискуссия на тему «Современность и союзничество».

Докладчик Шалва Радиани:

«Группа правых писателей во главе с М. Джавахишвили попыталась протащить явно идеалистические взгляды. По их мнению, мировоззрение не имеет значения для художественного творчества, главное — талант, дар художественного воссоздания, интуиция. Это определяет художественные достоинства писателя и его продукции, а не мировоззрение, идеологию. Так говорит М. Джавахишвили. Следовательно, объединять писателей по группам, исходя из их политического, идеологического мировоззрения неприемлемо? Следовательно, нельзя подразделять писателей на попутчиков, непопутчиков и союзников? Есть только талантливые и бездарные писатели? К счастью, замшелые, явно идеалистические взгляды М. Джавахишвили полностью опровергнуты выступившими в прениях писателями — попутчиками, союзниками и пролетписателями, доказавшими полную бессмысленность реакционных положений Джавахишвили и других».

Бесо Жгенти:

«По одну сторону находятся пролетарские писатели — передовые кадры нашей литературы, по другую сторону — чуждые, враждебные нам писатели, и если когда-нибудь мы станем говорить о Джавахишвили...

М. Джавахишвили: Спасибо, что не забываете меня!

Б. Жгенти: Я, тов. Михаил, всегда отношусь к вам со

вниманием и не забуду о вас. Джавахишвили, так же как и Гамсахурдиа, Ингороква и ряд писателей из «Академической группы» и «Ариффона», оказался на позициях враждебного класса. Мы говорим, что Джавахишвили не проявляет тенденции к сближению с революцией...

М. Джавахишвили: Постараюсь отплатить вам когда-нибудь за такое уважение!

Б. Жгенти: Задача нашей дискуссии, тов. Михаил, в том и заключается, чтобы оказать уважение друг другу. Когда мы говорим, что Джавахишвили — реакционный писатель, это очень плохо. Было бы гораздо лучше, если бы Джавахишвили делал нужное нам дело. Поэтому, если Джавахишвили вознамерится отплатить мне за «уважение», то это случится, когда он попытается правильно понять задачи революции, переоценить свою работу и встать на службу нам. Революционная тематика «Арсена из Марабды» не может оправдать вашу работу...

К. Лордкипанидзе: Да как его можно считать революционером? Какой он революционер?

Б. Жгенти: Раз он взялся за исторический материал, это было бы оправдано, если бы он смог раскрыть тему с сегодняшней точки зрения, в соответствии с методом и мировоззрением рабочего класса, но он подошел к раскрытию темы с националистической точки зрения, а не с позиций диалектического материализма, на которых должен твердо стоять советский писатель.

Г. Натрошвили: Некоторые думают, что творчество М. Джавахишвили отличается какими-то особыми художественными достоинствами. Это ложь! Джавахишвили пытается привлечь внимание читателя дешевыми приемами, сенсациями, случайными ситуациями. Творчество Джавахишвили — настоящая бульварщина.

Ф. Нароушвили: Джавахишвили — реакционный писатель, поэтому нельзя ставить вопрос о его перестройке. Ему не возбраняется написать революционное произведение, но продолжать в своем творчестве идти тем же путем, каким он идет сегодня, нельзя.

М. Чиковани: Язык Джавахишвили — это язык феодально-аристократического класса, поэтому Джавахишвили нельзя считать превосходным мастером языка, так как его язык не есть язык рабочего класса.

Б. Жгенти: По отношению к Джавахишвили я никогда не проявлял мягкости, напротив, я всегда сурово боролся с ним.

Но если Джавахишвили сумеет перестроить свое мировоззрение, если он придет к рабочему классу и включится в социалистическую практику, партия не отвергнет его. Разумеется, Джавахишвили — реакционный писатель! Мы боремся и будем бороться впредь с любыми реакционными тенденциями в литературе, но если он разоружится, перестроится, мы не оттолкнем его».

Все это говорилось ровно за пять лет до гибели М. Джавахишвили! За эти пять лет произошло много такого, что вы светило людей, события, предметы под необычным, неожиданным ракурсом, а главное, эти пять лет вызвали резкий перелом в душе М. Джавахишвили. Писатель оказался вынужден считаться с новой жизнью и подстраиваться под требования времени. Так родилась целая серия его статей, красноречиво озаглавленных: «Советские писатели в Кутаиси», «Великая эпоха», «Два месяца на Севере», «Пламенный привет грузинских советских писателей героям Арктики», «Советская литература выросла», «Встанем в первые ряды строителей социализма», «Первый съезд советских писателей», «Лагодехским коммунистам», «После последнего съезда Советов», «Множить ряды отличников», «У новых читателей» и много других, которые, думается, не добавили славы М. Джавахишвили как писателю. Были еще многочисленные выступления на встречах, пленумах, дискуссиях, где М. Джавахишвили усердно отстаивал творческие позиции советского писателя.

Все это особенно участилось после 1934 года, когда состоялся Первый всесоюзный съезд писателей, по словам самого М. Джавахишвили — «Самое важное и крупное событие во всей истории многонациональной советской литературы, в духовной жизни писателей».

На утреннем заседании 21 августа в прениях выступил и М. Джавахишвили. Его избрали и в президиум правления, и, представьте, он даже удостоился, вместе с группой грузинских писателей, сфотографироваться на память с Авелем Енукидзе. Потом писателей наградили деньгами. (Какой позор!).

«Из Москвы отец вернулся полный впечатлений и надежд на будущее. У него словно прибавилось энергии. Он был воодушевлен атмосферой, царившей на съезде, и долго еще по возвращении находился под влиянием этой атмосферы. Рассказывая, вспоминал мельчайшие подробности».

Что произошло? Неужели волки обратились в ягнят? Тронутые горькой участью писателей, решили освободить их от партийной кабалы? Живите, мол, как хотите, пишите, что

душе угодно? Нет, конечно же нет! Наоборот, создав Союз писателей, партия зажала в кулак всех писателей разом и подчинила их своему диктату. А для отвода глаз на время прикинулась демократичной, устроив в Кремле обильные банкеты, организовав песни, пляски, всеобщее ликование, чем окончательно пленила сердца писателей. Приманка было точно рассчитана. В самом деле, можно ли было желать большего демократизма, большей свободы? Писатели пируют за одним столом с членами правительства, дружески перешучиваются с ними... Живи и радуйся! Но ты ведь знаешь, товарищ писатель, что от тебя требуется взамен этих благ и милостей? Вооружившись методом социалистического реализма, отразить нашу героическую эпоху, великие стройки, революционное прошлое, и во всех этих деяниях «отец и учитель народов», разумеется, должен занимать главенствующее место.

Трудно ли обмануть писателя? Он ведь правдив, бесхитростен и доверчив. И писатели поддались на обман, забыв, что в этом грешном мире нет добрых дедов-морозов, раздающих дары, не требуя ничего взамен, тем более нельзя ждать этого от большевиков. «Получил — теперь послужи», — вот их простая, железная логика. Не сообразили писатели, что нечего им делать на правительственных банкетах, что не писатель «помощник», то есть слуга, правительства, а, наоборот, правительство должно служить писателю и всему народу. Но в коммунистической стране ведь все перевернуто с ног на голову!

Один из таких приемов, устроенных «родной партией и правительством», состоялся в 1936 году: ведь исполнялось 15 лет установления в Грузии советского режима. В Кремле прошла встреча с делегацией Грузии. Членам делегации вручили подарки: часы и патефон. Тогда патефоны были новинкой. М. Джавахишвили повесили на грудь орден Трудового Красного Знамени.

Сохранилась запись М. Джавахишвили:

«Кремль. Прием грузинской делегации. 11 часов вечера. Я тоже пожал руку всем членам Политбюро. Сталин и Орджоникидзе, слегка наклонившись в мою сторону, не отводили от меня взгляда в ожидании, что я скажу несколько слов. И я сказал: «Писать я начал с 1903 года, но настоящим писателем стал только при советской власти и написал в 20 раз больше, чем прежде. Все стахановцы и колхозники дали Вам слово в соревновании друг с другом превзойти свои дости-

жения. Я же в этом году дам читателям новый роман, который уже печатается».

Сталин: Тема?

Я: Революция 1905 года в Грузии. Само собой разумеется, я не мог обойти роль тов. Сталина. Он является действующим лицом романа. (Эх, Михаил Джавахишвили! — Т. М.).

Сталин: Как называется произведение?

Я: «Женская ноша».

Сталин: Не лучше ли было назвать его «Участь женщины?» (Почему лучше? — Т. М.).

Я: В романе я вывел двух женщин, взваливших на себя бремя революции. Одна донесла это бремя до конца, другая же свалилась под его тяжестью.

Сталин: Это уже другое дело.

Москва. 20.III.36 г.

М. Джавахишвили».

После награждения состоялся обильный ужин. Все — члены правительства и писатели — оказались немного под хмельком. Анастас Микоян позвал М. Джавахишвили танцевать. «Отец хорошо танцевал и смело вышел из-за стола», но Микоян все же поддел его:

— Михаил Саввич, пишете вы лучше, чем танцуете!

Писатель тотчас ответил:

— Вы же танцуете лучше, чем снабжаете нас! (Микоян тогда был комиссаром торговли. — Т. М.).

Громкий смех, аплодисменты, здравицы... Фотографии на память...

Можно по-разному комментировать эту запись, от чего я сейчас сознательно воздерживаюсь. Очень хотелось бы только знать: о чем думал после кремлевских фейерверков, оставшись наедине с собой, великий писатель и патриот? Неужто поверил большевикам, принял за чистую монету их уловки? Сомневаюсь! Уж он-то прекрасно знал их подлинное лицо. Неужели забыл он, как отчаянно рвался «уехать из этой проклятой страны», что революция была для него «страшной трагедией»? Уверен, ничего он не забыл. Тогда что же это было? Какая метаморфоза? После Москвы, оказывается, М. Джавахишвили постоянно выглядел удрученным. Знал великий писатель, что он проиграл, уступил, отдал нечто важное, чего не возвратит. Знал и страдал. Знакомый поздравил его с правительственной наградой и при этом спросил, отчего он не в духе.

— Как я могу быть в духе, дорогой, когда ранен мой ум! — ответил писатель.

Этим все сказано.

Написан роман «Женская ноша», опубликован в нескольких номерах журнала «Мнатоби» за 1936 год. Вот вам, пожалуйста, героическая эпопея революции 1905 года, семья Ахатнели, Кето, Марта, Зураб Гургенидзе по кличке «Джикки», большевики, разумеется, тверды и непреклонны, а меньшевики и прочие проявляют колебания. Вот и тов. Сталин появился в романе, как и обещал писатель «великому вождю». Значит, в этом плане все в порядке, и на этот раз свирепые критики останутся ни с чем, пикнуть не посмеют. (Будь Сталин скромнее, он, конечно, воспротивился бы намерению писателя сделать его одним из действующих лиц романа, но Сталин не обмолвился ни словом об этом, поинтересовавшись только заглавием романа.)

Справедливости ради следует сказать, что некоторые страницы романа — и таких страниц немало — достойны пера М. Джавахишвили, но «отец все же считал, что «Женская ноша» не является шагом вперед по сравнению с «Арсеном», он хорошо чувствовал это и признавал». Но при этом он сетовал, что «пролетписатели и футуристы настойчиво требуют описывать революцию, но сами не касаются этой темы. Пролетписатели — скопцы от рождения и пытаются и нас заставить замолчать. Если так будет продолжаться, лет через пять грузинская литература совершенно захиреет».

Но хотя в числе действующих лиц романа был сам Сталин, что, казалось, должно было обеспечить роману благоприятный прием, случилось наоборот: критики яростно набросились на роман и, как говорится, не оставили от него камня на камне. И знаете, за что? За то, что писатель не посвятил весь роман героической деятельности Сталина, не воспел большевиков еще больше.

Сохранилась стенографическая запись обсуждения романа в Союзе писателей. Критики налетели на писателя, как злобные псы, и безжалостно рвали его на части. Привожу отрывок:

«М. Джавахишвили: Второе замечание Б. Жгенти таково: поскольку автором 1905 года был Сталин (?!), безусловно следовало шире представить Сталина в романе. Разумеется, лучшей темы на сегодняшний день не существует (?!), но много ли произведений написано о 1905 годе?»

К. Лордкипанидзе: Идеи должны были быть целиком сталинские.

М. Джавахишвили: Нет, Б. Жгенти говорит не об идеях, а о самом Сталине. Идеи, разумеется, концентрируются вокруг Сталина, самого же его я изобразил в одном случае косвенно, а затем вскользь, и сделал это только потому, что меня предостерегли: вы можете не справиться с темой. Сколько среди нас писателей-коммунистов, почему никто не написал о нем?

Б. Жгенти: Поэты же написали.

М. Джавахишвили: Стихотворение сравниваете с романом?

Б. Жгенти: Демна Шенгелая написал.

М. Джавахишвили: Не читал. Писателей-коммунистов не менее двухсот, и никто не отважился написать о Сталине. Каждый должен писать о том, что лучше знает. Если бы я стал описывать жизнь рабочих, у меня бы не получилось, так как я ее знаю недостаточно...

С. Шаншиашвили: Как можно написать революционный роман, не зная рабочих, их жизнь?»

Одним словом, роман объявили чуть ли не антисоветской книгой. Теперь уж писатель действительно не знал, что писать, как писать и вообще как ему жить?

Ш. Апхаидзе вспоминает:

«Помню, во время обсуждения романа Михаил сидел печальный. Он редко отступал от своих позиций. Полемизировать ему не хотелось. Я и Тициан вышли вместе. Михаил попрощался с нами и ушел один. Через несколько дней он исчез».

Роман «Женская ноша» оказался поистине роковым для писателя. Дело в том, что на эту книгу обратил внимание Лаврентий Берия, «испытанный руководитель грузинских большевиков и талантливейший ученик великого Сталина». К тому времени им уже была присвоена и опубликована под своим именем лживая книжонка Эрика Бедиа «К истории большевистских организаций в Закавказье», а автор ее расстрелян. В этой работе была безмерно раздута роль Сталина в революции, почти все сделанное революционерами старшего поколения самым бесстыдным образом приписывалось Сталину, а не веривших этой версии Берия уничтожил физически. И вот М. Джавахишвили печатает роман, в котором Сталин изображен эпизодически, а освещение его «вклада, заслуг» не совпадает с бериевской «концепцией» о всемогущем Сталине. Если бы это сделал какой-нибудь второстепенный писатель, еще

куда ни шло, но М. Джавахишвили был очень популярен и его художественное слово имело большой вес. Что же получается? Берия в «своей» книге доказывает, что без Сталина революция — страшно подумать — не победила бы, а М. Джавахишвили отводит ему всего лишь эпизодическую роль. Нет, «испытанный» Лаврентий не мог потерпеть такое, ведь это могло помешать осуществлению глубоко обдуманного и далеко нацеленного плана, — льстя Сталину, в конце концов прорваться в Кремль и стать одним из главных подручных вождя.

Берия вызвал к себе М. Джавахишвили. Дочь писателя вспоминает:

«Он упрекнул писателя за то, что тот не счел нужным в период работы над этой книгой обратиться к нему, Берия, согласовать кое-что, узнать его мнение, получить указания, вообще выразил недовольство тем, что отец «стоит в стороне». Зная разнузданное самоуправство и честолюбие Берия, легко догадаться, что могло последовать за этой беседой. Словом, Берия хотел, чтобы роман «Женская ноша» писался по его указке, но писатель это не сделал, и поэтому мщения ему было не избежать».

Однако Берия, этот сатана-губитель грузинской интеллигенции, все же не решился арестовать прославленного писателя. Это могло вызвать толки, возмущение, поэтому осторожность не мешает. Самым удобным выходом могла бы стать так наз. «случайность», М. Джавахишвили должен был пасть от «случайной» пули. Так задумал Лаврентий, а исполнение возложил на Ило Мосашвили.

Ило Мосашвили... Был некогда такой «прославленный» поэт и драматург, лауреат Сталинской премии, депутат...

Я не собираюсь вдаваться в подробную характеристику его личности и творчества, пусть этим занимается другой, если пожелает, предоставляю ему это «удовольствие». Хочу только привести два факта, сообщенных Родионом Коркия в статье «События эпохи» (газ. «Сакартвело», 1991, № 16).

«Ило Мосашвили совершил большое злодейство в 1924 году. Он был агентом паритетного комитета меньшевиков в Кахети. Когда организованное меньшевиками восстание потерпело поражение, Ило арестовали. Он выдал чекистам список главарей восставших — всего четыреста человек. Их расстреляли. Ило спасся».

Не менее «интересен» второй факт:

«Ило Мосашвили было поручено убить М. Джавахишвили. Для этого специально организовали поездку в Кахети, в Хир-

су. Там, в винном погребе, во время застолья Ило, прикинувшись пьяным, хотя был совершенно трезв, выхватил револьвер, сперва выстрелил в потолок, потом, словно нечаянно пошатнувшись, выстрелил в Джавахишвили, но Паоло отвел его руку.

Джавахишвили обо всем догадался и воскликнул:

— Он хотел убить меня!

Не знаю, кто еще, кроме Ило, был посвящен в это... Дело замяли».

Что тут скажешь? Повернется ли язык делать комментарии? Ведь И. Мосашвили еще со времен «Арифioni» дружил с М. Джавахишвили, клялся ему в вечном братстве. Неужели дьявол так завладел душой автора нескольких неплохих стихов, что в нем не осталось ничего челевеческого?

Не знаю!

Все это, вероятно, не поддается обычному суждению и анализу. Как мог Мосашвили явиться к К. Джавахишвили и поздравить ее с реабилитацией отца? Как он посмел показаться ей на глаза? Что он говорил ей? Что ради наслаждения жизнью вступил в союз с людоедами?

Так или иначе, М. Джавахишвили и на этот раз избежал смерти, что, надо полагать, совершенно взбесило Лаврентия Павловича, и на каком-то партийном сборище он персонально раскритиковал писателя. Он ничего не сказал конкретно, но вскользь, намеками дал понять аудитории, что у М. Джавахишвили недостойное советского писателя прошлое (все же припомнили!), да и сейчас он не производит впечатления идеального советского писателя, поэтому его необходимо «проработать». (Эта «проработка» означала не что иное, как подготовку ареста.) После этого, разумеется, было срочно созвано заседание президиума Союза писателей, на котором М. Джавахишвили заставили выступить. Ему надлежало публично осудить свои «грехи», пересмотреть свое поведение, признать старые и новые «ошибки». Заседание напоминало подземелья инквизиции, М. Джавахишвили довели до такого состояния, что он не соображал, что говорит, а братья-писатели лязгали зубами, как стая голодных волков, им не терпелось наброситься на свою жертву и разорвать ее на куски.

Первенствовали и здесь Бесо Жгенти, Коциа Лордкипанидзе, Сандро Шаншиашвили, Сандро Эули и другие...

Именно о таких, как они, М. Джавахишвили сказал однажды:

«Знаю, зависть, жадным поросенком увязавшись за сла-
вой, жалобно повизгивает, при этом еще хрюкает о долге, но
ведь ясно, что порой сатана играет на струнах долга, а пись-
мена свои пишет колом, макая его в свою мамону, как в чер-
нильницу. Что делать! Иной читатель постоянно взвинчен, на-
строен агрессивно, а если к тому же зашумит, загалдит невеже-
ство, то его и громом не заглушить! Лучше посторониться и
отмолчаться».

Разумная мысль — посторониться и отмолчаться, но
«жадным поросенком увязавшаяся зависть» не отставала, не
оставляла в покое многострадального писателя. Наоборот,
воспользовавшись подходящим моментом, каждый завистник
рад был бросить в него камень и ком грязи.

«К. Лордкипанидзе: «Говори сейчас же, здесь же, какие
связи у тебя были с врагами народа!»

Начинается неслыханное самобичевание:

«М. Джавахишвили: Товарищи, руководитель нашей пар-
тии тов. Берия причислил меня к писателям, которые «долж-
ны пересмотреть свое поведение». Обвинение, даже не кон-
кретизированное, остается все же обвинением. Я понял, что
должен сам раскрыть его суть. Вы вправе сказать мне: тов.
Берия не упомянул бы вас, не имея на то оснований. Совер-
шенно верно, и я так думаю. Резкие слова вырываются у меня
не от вражды к существующей системе, а только и только от
стремления к лучшему, от желания способствовать улучшению
нашей социалистической действительности. День ото дня мое
критическое око постепенно закрывается, так как наша жизнь
становится все лучше, и я твердо надеюсь смыть с себя
оставшуюся еще на мне мещанскую грязь.

Я орденосец, высшей награды удостоили меня Сталин и
Берия. Эта награда — знак большого доверия, возлагающий
на меня почетные обязанности. По-моему, я не обманул это
доверие, но и не вполне оправдал его. Утешением служит мне
то, что я все окончательно искуплю в будущем своим твор-
чеством и своим гражданским поведением».

Затем выступил Бесо Жгенти, не упустив возможности
еще раз лягнуть упавшего:

«Товарищи, называя лиц, связанных с врагами, тов. Бе-
рия упомянул в их числе Джавахишвили, и, разумеется, у не-
го были на то основания. Джавахишвили не смог извлечь из
своей памяти ни одного факта, подтверждающего слова Бе-
рия, и не сообщил нам о своих поступках, несовместимых с

именем советского писателя. В то время, когда мы находимся в капиталистическом окружении, когда на нас нацелены вражеская разведка, агенты, недопустимо, чтобы советский писатель вел необдуманные разговоры, т. е. говорил так, как говорят наши враги. Вы часто говорите языком, который может быть использован нашими заклятыми врагами. Вообще мы должны поставить вопрос о поступках писателя, как они ведут себя общественно и политически. Это неотложный вопрос огромной важности. Слухи, распространяемые вокруг Джавахишвили, разумеется, не могут понравиться партии. Писатель, которому она дала орден, ходит и ведет совершенно неподобающие, недопустимые разговоры. Мы должны понять, что раз нас называют советскими писателями, то это нас ко многому обязывает в той напряженной обстановке, когда мы окружены капиталистическими, фашистскими бандитами. Недопустимы никакие колебания, ложь и фальшь, двурушничество, будем безгранично преданны линии, начертанной партией и советской властью.

Сандро Эули: Ошибки Джавахишвили, о которых он сам говорил, это дело непростое.

С. Шаншиашвили: Правильно!

М. Джавахишвили: Правда! Это так!

Д. Деметрадзе, председатель Союза писателей: Когда имя Джавахишвили упомянуто в том контексте, как это представлено Секретарем ЦК, это такой факт, который должен заставить его задуматься. Невозможно, чтоб он не знал нечто такое, что ему следовало здесь признать. Джавахишвили порой обнаруживает такие взгляды по тому или иному вопросу, какие не могут быть характерны для советского писателя. Тов. Берия дает формулу, что советский писатель должен быть прежде всего человеком, преданным советской власти, социалистическому отечеству, ленинско-сталинской партии, он должен любить советский народ, советскую Родину, глубоко верить в ее силу и могущество. Я со всей ответственностью должен заявить, что ваше имя названо в докладе секретаря ЦК. Это, безусловно, опирается на железные факты.

М. Джавахишвили: Здесь присутствует столько народу, и я спрашиваю всех: скажите, что вы знаете обо мне? В чем я провинился? Но если нужна жертва на заклятие, тогда другое дело.

Д. Деметрадзе: Никакой жертвы не требуется, бросьте эти разговоры.

Трудно комментировать эти выступления, где мерзкая ложь и тупость чувствуют себя вольготно, а правда и честность лишены возможности постоять за себя. Вскоре появится позорнейший документ нашей эпохи — «Слово и дело изменника». Этот «труд» с хрестоматийной наглядностью показывает отношение большевиков к писателям, их так называемую литературную политику, а его автор, хотя официально и не был членом партии, навсегда останется классическим типом продажного литератора. Ниже мы вернемся к этой статье, здесь же хотелось бы добавить красноречивую деталь к портрету известного критика.

К. Джавахишвили:

«Интересно, что в дни юбилейных торжеств, посвященных 80-летию со дня рождения отца, Бесо Жгенти тотчас изменил свое мнение об отце и опубликовал в прессе пространную статью, в которой на все лады расхваливал творчество писателя.

Когда мы с Ираклием Абашидзе, председателем юбилейной комиссии, обсуждали, кому на юбилейном вечере сделать основной доклад, Ираклий сказал мне:

— Кето, я вижу, Бесо очень хочется самому сделать доклад, как бы он не обиделся, если это поручить другому.

Это меня возмутило!

На протяжении многих лет Бесо всячески старался оправдаться передо мной. Я ни разу ни словом не обмолвилась о «Слове и деле изменника», его же, видимо, мучила совесть. Однажды он мне объяснил:

— Что я мог сделать, Берия вызвал меня и сказал: «Если не поступишь так, как нужно, и тебя арестую». Я испугался и написал эту статью, другого выхода у меня не было, я спасал себя».

В то самое время, когда вокруг имени М. Джавахишвили бушевала дикая свистопляска, он заносил в записную книжку отрывочные мысли, носящие исповедальный характер:

«Груз собственных бед — ад для писателя, но совершенно невыносимо, когда к ним добавляются несчастья страны... Хотя горе тому, кто не носит этих несчастий в своем сердце».

«В пламени любви к родине я сжег свою молодость, надежды, мечты и личное счастье».

«Человек, прошедший через столько страданий, сколько выпало на мою долю, никому ничего не должен».

Дальше события развивались так.

У «испытанного» руководителя Грузии Берия возникла

мысль снести красу и гордость грузинского зодчества — Метехский храм Пресвятой Богородицы, построенный царем Дмитрием Самопожертвователем, и на его месте установить памятник Шота Руставели. Близился 750-летний юбилей великого грузинского поэта. Его намеревались отметить с большой помпой, чтобы доказать всему миру, что «отец народов» Сталин — выходец не из какой-нибудь десятистепенной страны, а представитель народа — носителя древнейшей культуры. Это требовалось в интересах «большой политики», а вовсе не потому, что Берия был искренним почитателем Руставели.

Разумеется, никто не возражал против юбилея Руставели или памятника ему, но почему в жертву надо было принести Метехский храм? Даже мысль о посягательстве на эту святыню означала кощунство по отношению к грузинскому народу и всему культурному миру. Известие о готовящемся неслыханном вандализме страшно взволновало и возмутило грузинскую интеллигенцию, естественно, и Михаила Джавахишвили. «Он потерял покой» (К. Джавахишвили). Нетрудно догадаться, какое отвращение испытывал М. Джавахишвили к «испытанному коммунисту» Берия, как, ввиду крайне осложнившихся отношений, избегал всяких контактов с ним, но в такое время он не считал себя вправе бездействовать.

М. Джавахишвили горячо поддержали директор Метехского музея искусств Дмитрий Шеварднадзе, Шалва Дадиани, Павле Ингороква и другие.

Увидев явившихся к нему на прием известных представителей интеллигенции, Берия, мрачно усмехнувшись, бросил:

— Почему все вместе? Ультиматум мне хотите предъявить? Надо было прийти по одному!

Делегаты убедительно доказали, что снос Метехского храма был бы злодейством по отношению к грузинскому народу. Берия почувствовал, что его уличили в невежестве, причем сказали ему об этом прямо, без обиняков. И кто сказал? М. Джавахишвили, который давно застрял у него, как кость в горле... Делать нечего, ему пришлось отменить решение о сносе храма. Но было ясно, что Берия жестоко отомстит за свое вынужденное отступление.

Истинные патриоты на этот раз победили, отстаивали для потомства национальную святыню, но они знали, что тем самым положили голову на плаху.

Лучше других понимал это М. Джавахишвили.

Приводим выписку из протокола собрания Союза писателей, зафиксировавшего приговор писателю.

«Высказались: К. Лордкипанидзе, Б. Жгенти, П. Сакварелидзе, И. Мосашвили, К. Бобохидзе.

Они единодушно отметили, что М. Джавахишвили никогда не был советским писателем. Враги народа создали ему имя великого писателя, всем было известно его корыстолюбие, он отстаивал фашистские, расистские теории. М. Джавахишвили как враг народа, шпион и диверсант должен быть исключен из Союза писателей и стерт с лица земли.

Постановили: М. Джавахишвили как врага народа, шпиона и диверсанта исключить из Союза писателей и уничтожить физически».

Когда председательствующий Д. Деметрадзе спросил: «Кто за то, чтобы М. Джавахишвили уничтожить физически», — все единогласно подняли руки, только Геронтий Кикодзе встал и молча вышел.

Занавес опустился...

...Дверь открылась, и в камеру втокнули нового заключенного, избитого, истерзанного. Он беспомощно остановился, глаза его еще не привыкли к темноте. Кто-то из находившихся в камере узнал его и взволнованно воскликнул:

— Встаньте, это Михаил Джавахишвили!

Наступила мертвая тишина, все молча встали, скорбно глядели на измученного окровавленного писателя, с трудом державшегося на ногах. Потом как могли устроили его, уложили, укрыли изорванным одеялом.

Измощенный, грязный, он почти все время молился и, ежеминутно ожидая смерти, служил остальным заключенным примером истинного мужества. Наверное, здесь и сейчас он окончательно уверовал, что единственный путь, достойный человека, тем более человека творческого, это путь к Богу, а все остальное — суета сует, но, к сожалению, слишком поздно. По доносу надзирателя его подвергли очередной страшной пытке, во время которой он умер от разрыва сердца. На одном из допросов он гордо бросил в лицо своим палачам: «Я чист перед моим народом, на мне нет никакой вины, но если нужна жертва, я готов отдать жизнь за Грузию. Вы можете уничтожить меня физически, но я вырастил на родной земле такой могучий дуб, что вам его никогда не вырвать, сил у вас не хватит».

Слава не сдавшемуся перед лицом смерти!

Матерь Божия, будь великой заступницей мученической,

рыцарски благородной души писателя и хранительницей его затерянной, сиротливой могилы!

Сохранился малоизвестный снимок: Михаил Джавахишвили и Галактион Табидзе стоят, обнявшись. Крупная, мощная рука Галактиона лежит на плече Михаила, одетого во все белое. Крахмальную сорочку Галактиона украшает артистичный бант, взгляд у него задумчивый, невеселый.

Достаточно беглого взгляда, чтобы убедиться: этих великих художников объединяет большая духовная близость. Оба они были основоположниками грузинской литературы XX века. Жизнь обоих оборвалась трагически: обоих всю жизнь преследовал большевистский «красный бес».

Перевод Игоря КАЛАШЬЯНА и
Юрия ЧЕЙШВИЛИ

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

«Литературная Грузия» поздравляет с 60-летием своих авторов, писателей-шестидесятников Тариэла Чантуриа и Вахтанга Джавахадзе, Гурама Панджикидзе и Резо Чейшвили. В мае наша общественность отмечала также 70-летие Реваза Джапаридзе, участника Второй мировой войны, автора множества романов, рассказов, эссе, очерков, в том числе книги «Белые ночи Маруха», — о героических защитниках Марухского перевала в той войне. Редакция поздравляет всех наших дорогих юбиляров и желает им крепкого здоровья, большого счастья и дальнейших творческих успехов.

1. Из редакционной почты

ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ
тов. Р. МИМИНОШВИЛИ

Батоно Роман!

Обращаюсь лично к Вам с надеждой на получение удовлетворительного ответа.

В журнале «Литературная Грузия» (№ 8, 9, 10, 11 за 1988 год) были опубликованы мемуары Л. Бараташвили, К. Бараташвили «Мы месхи». Еще раз благодарим Вас за эти материалы. Большое Вам спасибо! Диди мадлоба!

Нас интересует, почему Вы не продолжаете публиковать материалы о месхах (грузинах-мусульманах)? Это же наша общая проблема.

До сих пор в центральных и республиканских газетах и журналах, по телевидению и радио называют нас несправедливо

Тяжелое наследие столетий, отягощенное советской эпохой, — так, пожалуй, можно охарактеризовать проблему, которую «Литературная Грузия» рискнула затронуть еще в 1978 году, опубликовав «Месхетскую эпопею» известного грузинского прозаика и публициста Реваза Джапаридзе («Л. Г.» № 3, 1978, с. 108). Публикация, в которой писатель осветил факты трагической истории Месхети XVI—XIX вв., повлекла целый поток писем. Их нельзя было читать без слез. Письма приходили на имя автора и на мое имя, так как я была переводчиком. Корреспонденты наши были те самые месхи, рассеянные по просторам среднеазиатских республик, Азербайджана и республик Северного Кавказа.

Десять лет спустя мы вновь вернулись к этой проблеме, опубликовав материал Л. и К. Бараташвили «Мы — месхи» в 8—11 №№ за 1988 г.

За те десять лет произошли глобальные изменения в Стране Советов и в мире, но проблема месхов не только не была разрешена, но еще более обострилась. В 1989 г. разразилась

«турками-месхетинцами». До каких пор это будет продолжаться? И до каких пор дети одних и тех же родителей будут относиться к различным национальностям?

Не секрет, что среди населения есть люди, которые, основываясь на религии и языке, считают себя турками. Но надо понять, что у них нет источников, а в центральной и республиканской (кроме грузинск.) печати не пишут историческую правду о месхах.

Бесспорно, что в Грузии в архивах имеются достаточные материалы о происхождении месхов. Просим Вас опубликовать материалы по этому поводу.

В журнале «Сабчота самартали» (на груз. языке, № 7 1989 года) был опубликован список грузинских фамилий проживавших в Ахалцихском районе грузин-мусульман. Это для нас очень много значит. Если бы такие материалы публиковались в популярном журнале «Литературная Грузия», было бы очень хорошо. Тогда все читатели убедились бы, кто такие месхи: «турки-месхетинцы» или отуреченные по языку и религии грузины?

Я уверен, что Вы не останетесь в стороне от нашего общеправового дела — воссоединения месхов с родным грузинским народом.

С уважением,

Ш. БЕКАДЗЕ

Фергана. А в Грузии с 1989 по 1991 г., в период возвышения Гамсахурдиа и месяцы его президентства, обернувшиеся трагедией для страны, на месхов начались гонения, инспирируемые им самим, бывшим диссидентом, правозащитником, ратовавшим за права человека, особенно — за права месхов-мусульман. Так, депортированные в 1944 г. месхи-мусульмане, бежавшие от погромов в Фергане и частично нашедшие приют на земле предков, в Грузии, в очередной раз оказались жертвами преступной политической игры горе-политиков и ура-патриотов, создавших «образ врага», необходимый им для утверждения собственного престижа. В результате разгоревшегося антимусульманского (и именно антимесхетинского) психоза в тот период подверглись погромам, преследованиям и были выселены около 170 семей месхов-мусульман. Причем большая часть их и по сей день считает себя грузинами-мусульманами, а не турками, и носит сохранившиеся у них грузинские фамилии.

В апреле 1993 г. Госсовет Республики Грузия, учитывая ост-

2. И снова о Месхах

Я месх. В последнее время мне часто приходится повторять эту фразу. И почти сразу, как правило, слышу в ответ: «Так вы турок или грузин?» На первый взгляд вопрос кажется смешным: все равно, что у кахетинца или гурийца спросить, турок ли он. Но это лишь на первый взгляд. В этом вопросе боль, беда грузинского народа. Это еще одна кровоточащая рана Грузии, которую мы еще не залечили.

Судьба месхов и Месхети беспокоит сегодня всех в Грузии. Поэтому средства массовой информации республики должны доводить до сведения населения все вопросы, связанные с проблемой месхов. Это необходимо еще и потому, что в российских средствах массовой информации в последние годы стали писать о месхах с явных антигрузинских позиций. Хватает путаницы в этом вопросе и у нас, в Грузии. Сплошь и рядом и в прессе, и в телевидении месхов (грузин-мусульман) называют «турками-месхами».

В результате всех этих телепередач и публикаций средний грузинский телезритель и читатель может подумать, что люди, высланные в 1944 году из Месхети, действительно были по национальности турками. И зачастую это так и происходит, потому что вера людей в печатное слово сильна, и с этим ни-

роту проблемы, ее значение для страны, включая и международный аспект, создал Комиссию по урегулированию проблем депортированных в 1944 г. из Южной Грузии, ставя целью восстановление незаконно поправанных прав месхов. Комиссия, хотя и была сильно ограничена в своей деятельности как тяжелым экономическим положением, так и психологическим климатом, все же предприняла определенные шаги в этом направлении. Одним из таких шагов было достигнутое в Краснодаре соглашение с руководителями казачества и администрацией края, благодаря чему месхи-мусульмане, нашедшие там приют после Ферганы и после изгнания из Грузии в 1989-91 гг., были спасены от грозивших им погромов и оставлены на временное проживание. При содействии Комиссии в Тбилиси было зарегистрировано основанное месхами (грузинами-мусульманами) общество «Хсна» («Спасение»), целью которого является возвращение месхов в лоно родной грузинской культуры, восстановление их прав и возвращение на родину — в Грузию. Заметим, что речь идет о возвращении

чего не поделаешь. Единственный верный путь — это писать правду. И разоблачать тех, кто пишет неправду.

Авторы всех подобных статей и телепередач говорят правду о том, что эти люди высланы из районов Месхети в ноябре 1944 года и высланы безвинно. А вот сообщая о том, что они по национальности «турки-месхи», все они говорят неправду.

Давайте поразмышляем по поводу этого надуманного термина. Некоторые из моих оппонентов, а их в Грузии немало, термин «турки-месхи» даже объясняют: «Это турки из Месхети», — говорят. А вот почему «турки»? Этим вопросом задаются немногие, а отвечают на него примерно так: «Месхи тоже грузины, просто были отуречены во время оккупации». Я знаю, что в Грузии разделяют это мнение. В таком случае я должен у них спросить, так все-таки «турки» или «отуреченные» грузины? Согласитесь, что это совершенно разные и взаимоисключающие друг друга понятия.

Одно дело, когда употребляют такие термины, как «месхи-мусульмане», «месхи-католики», «месхи-православные». И совершенно другое дело, когда употребляют термин «турки-месхи». Человек не может принадлежать одновременно двум этносам.

Тем не менее, этот злополучный термин широко шагает по газетам и журналам бывшего Союза ССР, повсеместно, где скитаются наши соплеменники.

В чем дело? Почему такая путаница в определении этни-

позапно, с учетом реальной экономической и социальной ситуации, о расселении в тех регионах, где это не вызовет каких-либо осложнений как для местного населения, так и для самих месхов.

После парламентских выборов в Комиссии парламента Республики Грузия по защите прав человека и делам национальных меньшинств была учреждена Подкомиссия по делам депортированных в 1944 г. грузин (месхов-мусульман). При Комитете по беженцам и расселению создан Отдел по репатриации, в который включены и представители общества «Хсна». В рамках Постановления Кабинета Министров Республики Грузия при Пединституте им. Сулхан-Саба Орбелиани организованы курсы по изучению грузинского языка и истории Грузии для молодежи депортированных месхов. Там учится 32 студента. Подкомиссия, как и Отдел по репатриации, ведут работу с представителями грузинской ориен-

ческой принадлежности коренного населения Месхети, доходящая порой до абсурда? Я думаю, дело в том, что история Месхети в советский период является, как говорится, «белым», а вернее — черным пятном.

Начнем с того, что этнические турки никогда не населяли Месхети. Люди же, которых сегодня называют «турки-месхи», на самом деле являются грузинами-мусульманами из племени месхов. Их в 1944 году выслали из 220 деревень Месхети в республики Средней Азии и в Казахстан. Население, проживавшее в упомянутых деревнях, зарегистрировано в переписи царской России в 1870 году однозначно — «грузины-сунниты» («Сборник материалов для описания Тифлисской губернии». Тифлис, 1870 г.).

Откуда у месхов мусульманская религия? Вопрос правомерный. От турков. Двести пятьдесят один год (1578—1829 гг.) месхи находились под турецким игом. Из официального обращения был изъят грузинский язык, введен турецкий, письменность которого основывалась на арабском алфавите. Месхи, хотя со временем и стали говорить на турецком языке, все же оставались безграмотными. Интересно, что в период турецкого господства еще долго турецкие слова писались грузинскими буквами.

Северная Месхети была отвоевана у Турции в результате русско-турецкой войны 1828-29 годов.

Несмотря на сильное турецкое давление, месхи-мусульмане стремились сохранить грузинское самосознание, в домаш-

тации, признающими себя грузинами-мусульманами, не исключая, однако, и диалога с той частью месхов, которая на основе религиозной принадлежности причисляет себя к туркам.

Окончательное разрешение этой запутанной, болезненной и столь важной для Грузии проблемы требует определенного участия России и тех республик, на территории которых проживали и проживают месхи-мусульмане.

Стремясь по возможности полнее осветить положение, сложившееся на сегодняшний день, предлагаем нашим читателям одно из писем месхов-мусульман, полученное года три назад (ситуация того времени сделала невозможной подобные публикации), статью Марата Латифшаховича Бараташвили и официальный документ — Распоряжение № 106 Главы Государства Республики Грузия г-на Эдуарда Шеварднадзе.

Камилла КОРИНТЭЛИ

нем быту стойко придерживались традиционных элементов грузинской культуры. Многим удалось до наших дней сохранить свои исконные грузинские фамилии, как, например, Абуладзе, Бараташвили, Гургенидзе, Двалидзе, Кикнадзе, Мамукадзе, Читадзе, Эристави...

А вот свидетельство 100-летней давности: «Все грузины-христиане говорят по-грузински (и большинство грузин-мусульман хорошо объясняется на родном языке... Я не встречал ни одного мусульманина-грузина, который считал бы для себя непонятной мою грузинскую речь. Типические черты лица грузина ясно и отчетливо сохранили мусульмане...» (А. Хаханов. «Месхи», Этнографический очерк, «Этнографическое обозрение», издание Этнографического Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. Москва, 1891, № 3, с. 5).

Во все века, чтобы легче было управлять народами, их разобщали. Не составила исключения и Грузия. Так, сванов и мегрелов во всех официальных документах царского правительства упоминали как отдельные народы, тогда как это — племена единой грузинской нации. А месхов, с легкой руки графа Паскевича, окрестили «татарами», открыли для них турецкие школы, мусульманские духовные школы «медресе» и внушали им таким образом, что они — турки. В 30-х годах прошлого века грузинским дворянам, принявшим ранее мусульманство, было отказано в возвращении в лоно христианства. Мало того, грузин-мусульман насильно переселяли в Турцию. Первый этап этого переселения относится к 1829 году, преимущественно из Джавахети (Ахалкалакский уезд). А в 1878 году только из Ардаганского округа в Турцию было переселено 22.743 грузина-мусульманина. Так разобщалась грузинская нация. На освободившиеся места в Месхети поселили армян. Грузинские князья и дворяне после взятия Ахалкалаки представили тогдашнему наместнику царя на Кавказе генералу Паскевичу жалованные грамоты грузинских царей, согласно которым они имели права на присоединение Самцхе-Джавахети, но Паскевич гневно отказал просителям. При этом каждому переселившемуся армянину оказывалась помощь в размере 25 рублей, и они освобождались от уплаты налогов в течение шести лет. Только в Ахалцихский и Ахалкалакский уезды (Самцхе-Джавахети) было переселено около 30.000 армян. Вот таким образом в Месхети появились армяне.

В результате этого официальные данные о националь-

ном составе Самцхе-Джаваheti 1916 года выглядели следующим образом. Всего жителей в Ахалцихском и Ахалкалакском уездах 172 000. Грузин-мусульман — 59 000, грузин-православных — 16 000, грузин-католиков — 13 000, всего грузин — 88 000; армян — 80 000, курдов — 3 000, таракама¹ — 1 000 (П. Ингороква. «О границах территории Грузии» (на груз. яз.). Константинополь, 1918, с. 12).

Следует подчеркнуть, что после переписи 1916 года не зафиксировано сколько-нибудь существенных миграций в крае.

Грузинское самосознание у месхов проявляется и в начале XX века. Один любопытный факт: на католической церкви, построенной в селе Удэ Адигенского района в начале XVII века, сохранилась надпись о том, что на ее строительство наряду с христианами сделали пожертвования и «мусульмане из грузинского племени».

С установлением Советской власти в Грузии для месхов наступили самые черные дни. Хочу обратить внимание читателей на парадоксальные действия советских властей. Проводя непримиримую борьбу с религией и религиозными институтами и объявив атеизм одной из основ своей идеологии, власть предержавшие при решении проблем месхов вдруг главным своим принципом объявили религиозный принцип. Так, в 1923 году на заседании Кавказского бюро РКП(б) было решено: присвоить суннитскому населению Месхети национальность «азербайджанец». Вновь нация разобщалась. На ключевые посты в местной администрации были назначены работники, направляемые из Баку. В культурном отношении Месхети, будучи этнически и географически частью Грузии, была подчинена другой республике — Азербайджану. Все делопроизводство велось на азербайджанском языке, издавались азербайджанские газеты, был создан азербайджанский театр, грузинские школы закрыли, открывали азербайджанские, хотя население требовало открыть им грузинские школы. В массовом порядке изменялись грузинские фамилии на азербайджанские. Во всех статистических отчетах месхи (грузины-мусульмане) записывались в графу «азербайджанцы». Графы «турки», применительно к населению Месхети, тогда еще не существовало. Этот ярлык был введен лишь незадолго до высылки, и в ноябре 1944 года с этим ярлыком месхи были высланы из своей собственной страны.

¹ То же, что «терекеминцы». (Ред.)

Почему был выдуман термин «турки» по отношению к месхам?

Инициаторы и организаторы этой варварской акции против грузинского народа очень тонко и грамотно рассчитали свои действия с тем, чтобы нанести наибольший ущерб интересам Грузии. Ведь могли же власти выслать месхов под ярлыком «азербайджанцы», то есть так, как они к тому времени и числились. Конечно, могли. Могли же они выслать месхов как грузин-мусульман, каковыми те на самом деле и являются. Конечно, могли, никто им не мешал и это сделать. Разве мало грузин группами и в индивидуальном порядке было репрессировано и выслано из Грузии? Могли по-всякому. Но нет. Они на месхов навесили именно этот ярлык, «турки», и с этим ярлыком выслали и без того многострадальное грузинское племя.

Выслав месхов из Месхети как турок, московские правители думали, что этим самым они навсегда решили национальный вопрос месхов, навсегда оторвали их от родного грузинского народа, от родной земли.

Посмотрите, что власти сделали дальше. Опустевшую пограничную территорию, каковой является Месхети, надо было кем-то заселять. Заселяли, причем также в принудительном порядке, в основном, имеретинами. Их дома в Имерети в некоторых случаях разрушали бульдозерами и экскаваторами перед глазами переселяющихся, чтобы те видели, что обратной дороги нет. И все-таки часть имеретин бежала из Месхети обратно к себе, где начинали жизнь с нуля. И тогда, чтобы как-то удержать переселенцев в Месхети, власти начали проводить пропагандистскую кампанию. Вся идеологическая машина была пущена для соответствующей обработки населения. В головы людей вбивали мысль о том, что из этих сел Месхети выселили предателей, освободили священную грузинскую землю от турок, которые ее оскверняли. И теперь патриотический долг каждого истинного грузина жить на этой земле, чтобы вновь ее облагородить и укрепить границу. Вот такими дьявольскими методами коммунистические правители продолжали раскалывать грузинскую нацию — одно племя грузин натравливалось на другое. Это как надо было ненавидеть грузинский народ, чтобы задумать и осуществить такое! После такой идеологической обработки переселенные имеретины готовы были трупам лечь, но не пустить обратно турок. Местное население, как коренное — месхи-католики, так и армяне, зна-

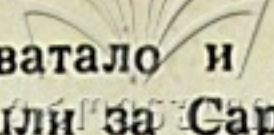
ло, что высланные — это грузины, мусульмане из племени месхов, являющиеся коренными обитателями этой земли.

До 1956 года месхи жили в местах высылки без права перемещения, под комендантским надзором. После этого им было предоставлено право избрать местом жительства любой населенный пункт СССР, кроме Грузии.

Необходимо отметить, что определенная часть грузинской интеллигенции хорошо осведомлена о грузинском происхождении месхов. Да воздастся должное тем, кто всячески старался помочь, помогал и помогает своим изгнанным соплеменникам. И хотя проблему это не решало, определенную позитивную роль они сыграли.

Многие годы месхи-ходоки обивали пороги разных высоких кабинетов в Тбилиси и Москве. Доказывали свою невиновность и грузинское происхождение, просили, требовали вернуть народ на родину. Все было бесполезно. Бюрократическая пирамида КПСС с завидным постоянством демонстрировала свою непробиваемость. Вот одна из отговорок чиновников: «Из Месхети мы высылали турок. Поэтому вы грузинами быть не можете».

Колесо истории невозможно было остановить. Приближалось то время, когда построенная на насилии советская империя должна была рухнуть. Наибольшее стремление к независимости, наряду с республиками Балтии, демонстрировала Грузия. Кремлю надо было что-то предпринять. Нельзя было просто так отпускать Грузию в свободное плавание по океану цивилизации, это было бы заразительным примером для других республик. И меры предпринимались. Акции разные, но схема одна: надо было грузинский народ отвлечь, чтобы он забыл думать о независимости. В ряду этих акций и 9 апреля 1989 года, и конфликт в Самачабло. В этом же ряду стоит и попытка очередной раз разыграть месхетинскую карту. И тут незаменимую услугу для Москвы оказал созданный КГБ образ мученика-борца Юсуфа Сарварова. Этот месх действительно обратился к соплеменникам с призывом, смысл которого примерно следующий: «Братья мусульмане, Грузия не хочет принять нас туда, откуда мы высланы. Объясняют это тем, что мы не грузины, а турки. Мы действительно турки, и я обещаю, что верну народ в Месхети как турок, как мы и были высланы. Поддержите меня и не слушайте тех предателей, которые заявляют, что мы грузины!» В результате соответствующей целенаправленной пропаганды центральных

средств массовой информации СССР (подпевал хватало и в Грузии) часть месхов действительно поверили и пошли за Сарваровым, считая себя турками. Министерством юстиции СССР было зарегистрировано Всесоюзное общество турок-месхетинцев «Ватан», и в Москве был выделен номер в гостинице «Восток-2» в качестве офиса. Стала издаваться газета этого общества. Были созданы передвижные пропагандистские группы, а также специальные группы, которые терроризируют в разных республиках месхов, считающих себя грузинами, собирают дань с месхов на содержание Сарварова и его приспешников.

В усилении позиций общества «Ватан» среди месхов в значительной степени повинны и бывшие правительства Грузии. Они проявляли большую заботу о проведении в жизнь имперских амбиций Москвы, чем о благе своего народа. Ведь объединение в единую семью грузин-христиан и грузин-мусульман — это несомненное благо для нации. Они не переселяли в республику месхов, считающих себя грузинами. В декабре 1987 года было принято постановление правительства Грузии № 600, по которому должно было переселиться 300 семей месхов, но оно не было претворено в жизнь. По какой причине — это другой разговор. Этот факт прекрасно использовали в своей пропаганде сарваровцы: если Грузия не принимает даже тех из нас, которые считают себя грузинами, значит, мы точно турки.

Так или иначе, темные силы добились большего, чем предполагали. Грузинский народ вновь разобщен. Более того, среди самих высланных месхов нет единого национального самосознания. Одна часть давно и стойко считает себя грузинами. Другие считают себя турками. Есть еще и третья часть, у которой нет какого бы то ни было самосознания. Это денационализированная масса. И все эти три группы месхов объединяет одно — страстное желание вернуться в Грузию.

Но всему приходит конец, пришел конец и такому монстру, как СССР. Наконец-то Грузия сама может решать свою судьбу и отстаивать свои национальные интересы. Судьба месхов неразрывно связана с судьбой нашей нации в целом, и защищать интересы месхов должна Грузия и только она, независимо от того, где месхи в настоящее время проживают. У месхов нет другой родины, кроме Грузии, и другой защитницы, кроме Грузии. И самой лучшей формой защиты интересов месхов было бы возвращение им права и возможности жить на родине, в Грузии.

Последнее мое предложение, видимо, «тронуло большой зуб» некоторых чиновников и «патриотов» нашей несчастной родины.

Это уже проверено. Когда идут исторические беседы общего характера, то практически любой партийный лидер или должностное лицо полны сочувствия и сострадания. Но как только разговор приобретает конкретный характер и заводится речь о переселении месхов, тут же приводятся доводы, этому препятствующие. Но доводы полны алогизма.

Вот самый современный довод. Говорят, что в настоящий момент невозможно заниматься переселением месхов, поскольку в Грузии идет война.

Отвечаю, мне 38 лет. Как я себя помню, так помню и то, что в Израиле все это время идет война. Но я не могу припомнить, чтобы хотя бы на время Израиль прекратил бы прием и размещение у себя соплеменников из других стран.

Еще один довод. Припоминают Сарварова с его компанией. Говорят, что да, они грузины, но это знаем только мы. Но они-то убеждены, что являются турками! А вдруг Сарваров вернется в Месхети и потребует турецкую автономию?

Отвечаю. Сарваров сделал свой выбор. И тем самым он отрезал себе дорогу в Грузию. Он — один из тех, кто заинтересован в вечных скитаниях месхов. Только при этом условии он «предводитель» и «борец за идею». Если месхи начнут возвращаться в Грузию, то Сарваров обречен на одиночество, ибо он знает, что после того, что он сделал, ему нет места в Грузии. Кстати, не следует относить к личности Сарварова переносить на всех месхов. Тем более, что он не столько выразитель чаяний протурецкого крыла месхов, сколько марионетка в руках антигрузинских сил.

А что касается автономии, то этот разговор не имеет под собой никакой реальной почвы — ни этнической, ни какой другой.

Некоторые «патриоты» Грузии приводят такой довод. Нет, в настоящее время переселение месхов в Грузию никак невозможно. Они должны сначала восстановить полностью грузинское самосознание, изучить грузинский язык, приобщиться к духовным и культурным ценностям Грузии, то есть стать такими же личностями, как и мы, настоящие грузины. А вот после этого мы их расселим по несколько семей в разные регионы Грузии.

Скажите, пожалуйста, господа, где это денационализи-

роvanная масса людей должна стать «настоящими грузинами»? В Узбекистане? В Азербайджане? А может быть, в России? Вы меня простите, но будь вы на месте месхов в тех условиях, в которых они живут, вы превратились бы в «настоящих азербайджанцев», «настоящих узбеков», «настоящих русских». Но никак не в «настоящих грузин». Неужели кому-то в Грузии надо объяснять, что истинно грузинское самосознание воспитывается не самоучителями и книгами по истории и географии, а самой средой обитания, кругом общения, школой, соседями, землей, водой, самим воздухом, наконец — всем этим в комплексе. А всем этим невозможно человека обеспечить ни в одном уголке мира, а только лишь в самой Грузии.

Подобные доводы и мои ответы на них можно было бы и продолжить. Но и в этом случае в рамках одной статьи невозможно изложить все, что хотелось бы. Конечно, я не утверждаю, что мои суждения всегда бесспорны. Но это мои суждения. Я был бы рад встретиться с заинтересованными людьми и обсудить эту проблему более подробно. Обмен мнениями в подобных вопросах идет только на пользу дела.

Самое главное, что лед тронулся. У нас есть, наконец-то, законно избранный парламент — наша надежда и опора. Министерство юстиции Грузии в 1992 году зарегистрировало общество «Хсна» («Спасение») грузин, в 1944 году высланных из Самцхе-Джавахети и их потомков. В парламентской комиссии по защите прав человека и делам национальных меньшинств работает Подкомиссия по вопросам депортированных грузин (месхов-мусульман). В Государственном комитете по защите прав человека и межнациональным отношениям создан специальный отдел, занимающийся вопросами депортированных месхов.

Все это говорит о том, что проблема месхов наконец-то будет рассматриваться на уровне государственной политики и решаться действительно цивилизованными методами на основе соответствующих международных норм по правам человека. По этому поводу существуют разные мнения, но я думаю, что все-таки парламент Грузии должен принять закон о реабилитации депортированного населения.

Марат БАРАТАШВИЛИ

საქართველო
საგარეო ურთიერთობების
მინისტრო

**РАСПОРЯЖЕНИЕ
ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА РЕСПУБЛИКИ ГРУЗИЯ**

№ 106

г. Тбилиси

18 мая 1993 года

**ОБ УРЕГУЛИРОВАНИИ НЕКОТОРЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
ДЕПОРТИРОВАННЫХ МЕСХОВ**

С целью неуклонного выполнения актов, принятых ООН и ЕС, для обеспечения защиты прав депортированных в 1944 г. из Грузии месхов:

1. Кабинету Министров Республики Грузия для урегулирования проблемы депортированных месхов путем консультаций и соглашений с правительствами заинтересованных государств выяснить масштабы, формы и обязательства Республики Грузия в решении этой проблемы и до конца текущего года представить соответствующую долгосрочную комплексную целевую программу.

2. Поручить Кабинету Министров Республики Грузия (А. Маргиани) в трехмесячный срок разработать и осуществить соответствующие мероприятия по возвращению в Грузию тех семей месхов, которые были незаконно и насильственно выселены из Грузии в 1989—1991 гг. и находятся в тяжелом положении, проживая в бывших республиках Советского Союза.

3. Поручить Комитету по делам беженцев и расселению (В. Вашакидзе) в трехмесячный срок разработать и представить программу по реализации Соглашения 1992 г. с Администрацией Краснодарского края.

4. Поручить Министерству просвещения Республики Грузия (Т. Квачантирадзе) обеспечить преобразование существующих при Государственном педагогическом институте им. Сулхан-Саба Орбелиани двухгодичных подготовительных курсов для молодежи депортированных месхов по изучению государственного языка и истории Грузии в двухгодичное подготовительное отделение; выделить пединституту им. Сулхан-Саба Орбелиани соответствующие штатные единицы.

— Министерству просвещения Республики Грузия рассмотреть и решить вопрос передачи находящегося на своем балансе 5-этажного здания общежития в студгородке Ваке Государственному педагогическому институту им. Сулхан-Саба Орбелиани для организации Адаптационного центра молодежи репатриированных месхов.

— Свободные места, имеющиеся в школах-интернатах, предложить для воспитания и обучения детей семей тех депортиро-

ванных месхов, которые являются либо беженцами, либо испытывают крайнюю материальную нужду; осуществить все соответствующие мероприятия для нормального приема детей.

5. Поручить Министерству по архитектуре и строительству Республики Грузия (Г. Мирианашвили) в месячный срок представить смету для выполнения ремонтных работ указанного в пункте 4 общежития.

6. Поручить Комитету по защите прав человека и международным отношениям Республики Грузия (А. Кавсадзе) в шестимесячный срок разработать программу социальной адаптации репатриированных месхов.

7. Руководителям Телерадиокорпорации республики и редакциям республиканских газет особое внимание обратить на планомерное и широкое освещение проблем депортированных месхов, их адаптации, органического слияния их интересов с интересами укрепления грузинской государственности.

8. Поручить Корпорации по полиграфии и издательскому делу Республики Грузия (В. Рцхиладзе) всячески содействовать Обществу депортированных месхов «Хсна» в издании периодической газеты; провести соответствующие мероприятия, чтобы научные учреждения и издательства расширяли издание научной и научно-популярной литературы на грузинском и иностранных языках по вопросам истории Грузии и, в частности, по истории Месхети.

9. Службе аппарата Главы Государства Грузия по координации международной гуманитарной помощи (Н. Узнадзе) оказывать систематическую помощь семьям репатриированных месхов.

10. Кабинету Министров Аджарской автономной республики, мэриям и правлениям районов республики в двухмесячный срок рассмотреть и представить свои соображения и конкретные предложения по выполнению настоящего распоряжения.

Э. ШЕВАРДНАДЗЕ

Лали АВАЛИАНИ

Галактион, Ромашов и Печорин

(ОБ ОДНОМ ЧАСТНОМ ПИСЬМЕ ГАЛАКТИОНА)

8 января 1915 года двадцатитрехлетний Галактион пишет из Кутаиси в Чиатура своей невесте — Оле Окуджава; пишет весело, как-то чрезмерно восторженно, с эдаким краснобайством, с самоиронией (почти с «черным юмором»), а в конечном итоге — весьма взбудораженно и нервно:

«Ололи!

Если б ты знала, какой сегодня замечательный день! Прямо не хочется сидеть дома, хочется прошвырнуться куда-нибудь, пойти с кем-нибудь туда, где постоянно царят веселье и счастье.

Сегодня я проснулся очень рано, выглянул из окна, и это утро напомнило мне прекрасное весеннее утро. Небольшой морозец, но небо было таким чистым, что я невольно, как Ромашов, повторил слова Лермонтова: [...]

Я проглотил свое какао, накинул пальто, нацепил шляпу и с тростью в руке важно направился за город. Должен сказать, на душе у меня было очень радостно, ну представь себе такой замечательный день — 8-го января, в середине зимы. Прочти я об этом в хронике XII века, ни за что бы не поверил. Но тут я был очевидцем.

Я шел по улице, где живут сумасшедшие и куда не однажды я хотел поместить тебя, моя Ололи! В окне стоял один сумасшедший, который, увидев меня, начал вовсю хохотать. Но я не обратил на него внимания и с гордой улыбкой

прошествовал мимо, подумав о себе: «И он усмехнулся горьким презрительным смехом».

Дорога привела меня в село Квитири. Оказывается, оно так близко от города, а я и не знал об этом. В дороге мне приходило в голову множество прекрасных мыслей, и я даже не помнил, куда иду. Я вошел во двор церкви и долго лежал на могильной плите, затем рассматривал надписи, познакомился со многими умершими, которые тепло встретили меня: «Пожалуйста, пожалуйста! — сказали они. — Не бойтесь нас. Когда-нибудь мы будем близкими друзьями либо в раю, либо в аду, скорее всего в аду». Еще они сказали, что большая часть квитирийцев и вообще земных жителей попадает в ад, ибо в рай ангелы с огненными мечами пускают не всех. Я узнал и то, что очутиться в аду вовсе не так страшно, как думают многие живые. Оказывается, смоляное море и огненный водоворот намного лучше бесчисленных унижений и лишений, выпадающих на долю человека на этом свете. Что живые! Мертвецы упорно убеждали меня в том, что среди них много таких, которые во всем превосходят живых. «Взять бы тебя, — сказал один мертвец. — Не обижайся, но если я и сейчас не лучше тебя, можешь переломать мне кости». Естественно, я не стал его трогать, поскольку он сказал истинную правду. Другой мертвец вытащил свои стихотворения и с пафосом стал читать их мне... Он оказался превосходным декламатором. Он сказал: «Ну-ка сравни их с твоими стихами, чьи лучше?» Оказывается, в обществе мертвых он считается гениальным поэтом... В общем же, моя Ололи, сегодня кладбище произвело на меня удручающее впечатление. Тот поэт донимал меня своим хвастовством, все время бряцал костями и приговаривал: «Таких, как я, больше нет!». Ну я не выдержал и начал хвалить себя, но мертвый поэт насмешливо улыбнулся и вытащил из кармана газету «Шадревани» со статьей Мих. Цулукидзе. Я покраснел от стыда и умолк.

Кроме шуток, я действительно думал о разных глупостях, пока лежал на могильной плите. Потом сам же стыдился своих мыслей, поскольку подумал о себе: «Он лежал на плите бледный, неподвижный и прочее... Потом вдруг вскочил, от всей души расхохотался и вернулся восвояси...»

Письмо не заканчивается на этом, но далее речь идет о весьма обычных, бытового характера событиях, не имеющих для нас в данном случае существенного значения. Для выяснения тогдашнего душевного состояния Галактиона нам может быть интересна разве что одна фраза из постскриптума, а

именно: «Я сейчас никуда не хожу и, слава Богу, ко мне тоже не ходят».

Естественно возникает вопрос — что взволновало юного поэта, лишило его покоя (хоть он и притворяется веселым и беззаботным), и несмотря на прекрасную погоду и дальнюю прогулку (село Квитири от Кутаиси в 7—8 километрах), он явно чем-то расстроен и удручен.

Дело в том, что в тбилисской газете «Шадревани» (5 января 1915 г., № 3) была опубликована довольно холодная рецензия Михаила Цулукидзе на первую книгу стихов Галактиона под названием «Стихи Галактиона Табидзе». Как видно, это письмо Галактиона (датированное 8 января) написано под горячую руку. Каково было для молодого поэта прочитать о своем детище, своем первом сборнике, следующую оценку: Галактион Табидзе «отошел от той почвы — истинно народного духа, чувств, устремлений — которая могла вывести его как поэта на определенную широкую дорогу.

...Нашего молодого поэта характеризуют безнадежность, пессимистический надрыв.

...Г. Табидзе находится в полном неведении относительно того, что ему делать, кого или что восхвалять, воспевать своей «печальной» лирой, и нужен ли он кому-либо.

...Такое направление лирики вовсе не подобает молодому поэту — Г. Табидзе, который считает себя сыном своего народа»... И тому подобное.

Таким образом, расстроенным чувствам Галактиона находится объяснение.

Трагикомично же то, что друг и доброжелатель поэта, издатель его первой книги Тутку Гварамиа еще до ее выхода в свет обратился к критику М. Цулукидзе с просьбой написать рецензию. В письме от 26 февраля 1914 года (книга вышла в конце июня 1914 года) критик писал Тутку Гварамиа: «...Вы задумали весьма хорошее дело — издание стихотворений молодого поэта Г. Табидзе. Я с удовольствием принимаю ваше предложение. Как можно быстрее пришлите мне рукопись. Постараюсь по мере возможности выполнить вашу просьбу. (Л. Нуцубидзе, «Галактион и Кутаиси», газ. «Кутаиси», 1973 год, № 37.) Тутку Гварамиа невольно оказал другу медвежьей услугу.

Как считает Реваз Тварадзе, 1908—1914 годы были для поэта годами литературного ученичества, хотя, по его же справедливому замечанию, «в сборнике стихов, изданном в 1914 году, уже присутствуют... зародыши новых форм, поиски но-

вых, доселе абсолютно неизвестных средств выражения». Именно поэтому в условиях кризиса тогдашней грузинской поэзии, благодаря первой же своей книге «Галактион Табидзе сразу же был признан избраннейшим среди избранных». И с официальной точки зрения, отраженной в некрологе Союза писателей и Академии наук Грузии, первый поэтический сборник Галактиона — выдающееся явление в истории грузинской литературы двадцатого века. (Газета «Комунисти», 1959, № 65.)

Что главное, на первую книгу молодого поэта сразу же восторженно откликнулись некоторые поэты и критики. На фоне всеобщего признания диссонансом прозвучала лишь статья Михаила Цулукидзе. Спустя недели две после публикации этой статьи в той же «Шадревани» (№ 5, 19 января) был напечатан «Желтый лист» Александра Абашели.

«Число истинных поэтов, несмотря на огромное количество расплодившихся стихотворцев, весьма невелико, их можно сосчитать по пальцам. «Многие призваны, но мало кто избран...» И среди этих избранных первое место должно принадлежать нашему молодому поэту Г. Табидзе».

Вернемся к письму Галактиона, которое впервые было опубликовано в двенадцатитомнике поэта (Сочинения, т. XII, Тбилиси, 1975). Автор «Примечаний и комментариев» Иосиф Лорткипанидзе снабжает его тремя пояснениями:

«Квитири — село неподалеку от Кутаиси.

«Шадревани» — литературно-политическая газета (1915 г.). Вышло всего 5 номеров*. В 3-м номере была напечатана рецензия Михаила Цулукидзе на 1 том сборника стихотворений Г. Табидзе.

Сергей Ромашов — русский актер, отец драматурга Бориса Ромашова (1895—1958), один из лучших декламаторов прозведений Лермонтова».

Что касается критической статьи в «Шадревани» — тут все ясно.

Внимание читателя безусловно привлекает фраза из письма Галактиона «...небо было таким чистым, что я невольно, как Ромашов, повторил слова Лермонтова» и следующая за ней купюра. О Ромашове даются вроде бы исчерпывающие сведения, но дотошного читателя наверно удивило, что комментатор указывает годы жизни и смерти сына-драматурга, в то время как речь как будто должна идти об отце.

* «Шадревани» выходила в 1914—1915 гг., вышло восемнадцать номеров газеты. — Л. А.

В поисках сведений о Ромашове-отце я перерыла справочную литературу, но, увы, ничего не нашла. Актер Ромашов не упоминается ни в универсальной, ни в театральной русских энциклопедиях и, что интересно, о Ромашове — «одном из лучших декламаторов произведений Лермонтова» — умалчивает вышедшая в 1981, году «Энциклопедия Лермонтова», в которой собраны результаты почти двадцатилетней исследовательской работы большой группы ученых. Для справки: фамилия Ромашов не встречается ни в алфавитной, ни в обзорной частях энциклопедий — «Театр и Лермонтов» и «Кинематография и Лермонтов».

Остается лишь предположить, что «Энциклопедия Лермонтова» — единственная в своем роде на сегодняшний день — не полная, потому что упустила из виду «лучшего декламатора» сочинений русского поэта. «Открытие» грузинского комментатора могло бы дополнить ее, если бы источник, откуда он черпал свои сведения, не был бы так доступен — это биографическая статья о драматурге Борисе Сергеевиче Ромашове (1895—1958), рожденном в семье актера (см. «Театральная энциклопедия», «Литературная энциклопедия», «Большая советская энциклопедия»). Разумеется, это недостаточно, чтобы отождествить отца драматурга с Ромашовым, упомянутым в письме Галактиона, и не задумываясь объявить его одним из лучших декламаторов произведений Лермонтова.

Впрочем, кто знает! В комментариях не принято указывать источники, и возможно наш комментатор был более осведомлен о «лучшем декламаторе» поэта, чем создатели «Энциклопедии Лермонтова».

Вернемся к «таинственной» и необъяснимой купюре, как говорит Галактион, к «словам Лермонтова». Для справки: в сборнике «Дневники Оли Окуджава и переписка с Галактионом» (составители-комментаторы Лейла Санадзе и Ламара Мегрелишвили, Тбилиси, 1987 г.) вышеупомянутое письмо Галактиона вместе с комментариями дается без изменений, отсутствует лишь обозначение купюры: «...небо было таким чистым, что я невольно, как Ромашов, повторил слова Лермонтова». Исчезновение купюры создало новое неудобство — предложение выглядит оборванным.

Заинтересовавшись «таинственной» купюрой, я отправилась в Литературный музей им. Георгия Леонидзе, где хранится фонд Галактиона. Очень скоро все прояснилось: прекрасное утро, чистое небо напомнили Галактиону фрагмент из лермонтовского «Мцыри»:

**...В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полет
Прилежный взор следить бы мог.**

Правда, в письме он передан не точно: «И небо было так сине, что ангела полет прилежный взор следить бы мог» — но опускать их в письме представляется мне совершенно неоправданным.

Исследователи творчества Галактиона отмечают, что именно вышеупомянутый фрагмент поэмы Лермонтова глубоко отпечатался в сознании юного поэта и даже нашел отражение в одном из его лучших стихотворений раннего периода.

На мой взгляд, тот факт, что эти слова всплыли в частном письме поэта, относящемся к началу 1915 года, безусловно, весьма значителен. Он указывает на одну особенность Галактиона — так переплавить в собственном поэтическом горниле запомнившийся образ из мира другого поэта, сделать его настолько «своим», что даже можно забыть о его происхождении. По моему глубокому убеждению, не будь это так, Галактиону должны были припомниться строки из стихотворения «Горы Гурии», опубликованного в 1914 году, а не их русский первоисточник.

**Небо такое безоблачное, небо такое светлое,
что и ангела увидит сторожащий взгляд.**

(Подстрочный перевод).

Исследователи психологии творчества, психологи легко найдут объяснение этому свойству поэта (поэта вообще, а не только Галактиона), долг литературоведа отметить осознанное или неосознанное отражение в творчестве того или иного поэта другого художественного мира, а не предавать творца анафеме.

Комментаторы академического издания не отметили вышеупомянутого совпадения.

Расшифровка купюры приблизила нас к актеру Ромашову: видимо, прочитанный им «Мцыри» оказал на юного Галактиона неизгладимое впечатление. Примечательно и то, что поэт мог слышать его либо в Тбилиси, либо в Кутаиси.

Комментаторы обошли вниманием и две русские фразы в письме, а ведь именно в этих неожиданных вставках мелькает образ второго Ромашова (видимо, как результат сложного ассоциативного мышления Галактиона).

Вспомним: важно идущий Галактион не обратил внимания на смех сумасшедшего, с гордой улыбкой проществовал мимо, подумав о себе по-русски: «И он усмехнулся горьким презрительным смехом». В другом месте, на церковном кладбище в Квители, лежа на могильной плите, поэт думает о разном (...«я думал о разных глупостях»...), а потом — «потом сам же устыдился своих мыслей, поскольку подумал о себе: «Он лежал на плите бледный, неподвижный... и прочее».

Бесспорно, в этих фразах звучит самоирония, которая основывается на контрасте существующего и воображаемого.

Эти русские фразы в письме показались мне как будто знакомыми, но если бы не упомянутый в начале письма Ромашов, я вряд ли так легко набрела бы на их первоисточник — весьма популярную повесть Александра Куприна «Поединок» (впервые опубликованную в 1905 году, а к 1915 году уже не раз издававшуюся отдельными книгами. На грузинский она была переведена в 1958 году) и главного ее героя Георгия Ромашова.

Подпоручик Ромашов — печальный мечтатель, чистый, добрый и доверчивый молодой человек — случайное лицо в русской армии. Его мучает несоответствие мечты и реальности, желаемого и действительного, мучает собственная застенчивость, растерянность, нерасторопность, неприспособленность. Вокруг же царят жестокость и невежество, пьянство и безнравственность. Вместе с тем юному подпоручику отнюдь не безразлично, как он выглядит в глазах других: свою внешность и поведение он оценивает «извне», «со стороны», оценивает субъективно и всегда неверно. Резкий контраст между желаемым и действительным создает комические ситуации. Куприн прямо указывает на эту странную, смешную манеру Ромашова: «У Ромашова была немножко смешная, немножко наивная привычка, часто свойственная очень молодым людям, думать о самом себе в третьем лице, словами шаблонных романов..»

А вот и эти смешные «оценки»:

Ромашов в грязных калошах, старой шинели, в поисках развлечений отправляется на железнодорожную станцию, там он замечает красивую женщину, стоящую у окна курьерского поезда, которая так же внимательно рассматривает его. Обнадеженный юноша думает про себя: «Глаза прекрасной незнакомки с удовольствием остановились на стройной, худощавой фигуре молодого офицера», но вскоре эта красивая фраза вызовет у него чувство невыносимого стыда, поскольку прекрасная дама рассмеется ему вслед.

Вот Ромашов принимает какое-то важное решение и при себе отмечает — «Его выразительные черные глаза сверкали решимостью и презрением! Хотя глаза у него были вовсе не черные, а самые обыкновенные — желтоватые, с зеленым ободком».

Но вернемся к Галактиону (в час душевной грусти «Ромашов... успел по своей привычке картинно подумать о себе в третьем лице: «И он рассмеялся горьким презрительным смехом») и вспомним его фразу: «И он усмехнулся горьким презрительным смехом».

Лежа на могильной плите в Квители, Галактион думает о себе: «Он лежал на плите бледный, неподвижный...» Сравним эту мысль с картиной, представшей Ромашову: «А Ромашов лежит в гробу, неподвижный, холодный...»

Думается, эти совпадения отнюдь не случайны. Несомненно и то, что своими русскими фразами Галактион пародирует по-детски наивную и в то же время комичную манеру Ромашова. Надо отметить и то, что никому другому Галактион так не написал бы — воспитанная же на русский манер Оля Окуджава, блестяще знающая русскую литературу (к сожалению, того же нельзя сказать о ее знании грузинской поэзии, что подтверждают ее дневники и личные письма), несомненно поняла бы его самоиронию и догадалась бы о ее первоисточках.

Часто великий писатель не воспринимается нами без «хрестоматийного глянца», мы забываем, что за тем или иным стихотворением или письмом стоит оригинально мыслящий, но живой, «обыкновенный» человек, что его, как и нас, мучает тысяча разных проблем, одолевают обыкновенные человеческие страсти. Зачастую не принимается во внимание и возраст поэта.

Внимательное прочтение письма Галактиона к Оле Окуджава, с учетом возраста поэта, позволило нам сделать следующий вывод: свое душевное состояние поэт способен «разделить» лишь со своими ровесниками — литературными героями (вспомните приписку к письму — «Я сейчас никуда не хожу, и, слава Богу, ко мне тоже не ходят»); двадцатитрехлетний поэт высказывает свои сокровенные мысли, прямо или косвенно используя речь юных персонажей. Это — лермонтовский Мцыри и двадцатиоднолетний купринский герой Ромашов. Не случайно и «сосуществование» в письме Галактиона Лермонтова и Куприна. Дело в том, что «Поединок» Куприна безусловно имеет некую связь с «Героем нашего времени» Лермонтова. Юный Галактион интуитивно, благодаря совершенно естест-

венной (может даже подсознательной) ассоциации, каким-то образом устанавливает связь между Лермонтовым и Куприным. Эта сложная ассоциация и помогла мне заметить то, что до сих пор не заметили русские исследователи Лермонтова и Куприна. Во всяком случае, в самых последних и точнейших источниках — монографиях, комментариях академических изданий и в самой «Энциклопедии Лермонтова» нет и следа связи между Ромашовым и Печориным.

В этом последнем издании отмечается влияние Лермонтова на русских прозаиков второй половины XIX века вообще, в том числе на Куприна, кроме того, Куприну посвящена отдельная статья. Между прочим, замечена близость персонажа Куприна Василия Акинтиевича (рассказ «Армейский прапорщик») к Максиму Максимычу из «Героя нашего времени», но о связи «Поединка» и «Героя нашего времени» не говорится ни слова.

Ромашов — антитеза Печорина, но если вдуматься, герой нашего времени — его идеал; не столько по своему внутреннему миру, внутренней сущности, сколько по чисто внешнему, поверхностному выражению этой личности. Именно это в герое Лермонтова покоряет Ромашова. И его комичная манера — бесконечные самохарактеристики — больше подходят «демоническому» Печорину, нежели простодушному, доброму и слабавольному Ромашову: — «Мрачное раздумье бороздило его чело...», «Ироническая горькая улыбка показалась на его тонких губах...», «Лицо его стало непроницаемо, как маска...», «На его лице лежала несокрушимая решимость...»

Как-то перед дуэлью, заглянув в зеркало, Печорин с удовлетворением отметил: «...Глаза блистали гордо и неумолимо».

Можно найти параллель и между купринским Ромашовым и вторым героем Лермонтова, его ровесником Грушницким. Его самохарактеристики, сентиментализм имеют много общего с позерством и неестественной манерой поведения Грушницкого.

Грушницкий глазами Печорина: «Говорит он скоро и вычурно: он из тех людей, которые на все случаи жизни имеют готовые пышные фразы (Куприн об одной из самохарактеристик Ромашова: «Мелькает у него в голове пышная фраза...»), которые важно драпируются в необыкновенные чувства, возвышенные страсти и исключительные страдания. Производить эффект — их наслаждение...»

Ромашова сближают с Грушницким подобные «эффект-

ные» фразы: «Его сердце было жестоко разбито...», «Его красивое лицо было подернуто облаком скорби...»

Ромашов о себе: «Его мысли были серы, как солдатское сукно...» Печорин (с насмешкой) о Грушницком: «... Под этой толстой серой шинелью билось сердце страстное и благородное...» Ромашов о себе: «Его добрые, выразительные глаза подернулись облаком грусти...» Печорин о Грушницком: «Выразительное лицо его и в самом деле изображало страдание...»

Если к вышесказанному добавить то, что в «Поединке» так же как и в «Герое нашего времени» любовь и смерть часто неотделимы друг от друга, что параллелизм дуэлей Печорин — Грушницкий и Ромашов — Николаев несомненен (в обоих случаях и Печорин, и Ромашов бессовестно обмануты), связь между этими двумя произведениями станет очевидной.

Если бы не интуитивная находка юного Галактиона, проявившаяся в его письме, я никогда не заинтересовалась бы связью между этими двумя произведениями русских писателей. Не исключено и то, что Галактион, может, ошибается и строки из «Мцыри» приписывает не «актеру» Ромашову, а персонажу Куприна.

Но оставим в покое подтексты. В общем же, за редким исключением, в частных письмах обычно все поддается объяснению, если, конечно, комментатор, обладающий соответствующей подготовкой и эрудицией, наряду с любознательностью исследователя проявит жажду исканий и своего рода способности детектива.

Письмо Галактиона впервые увидело свет в 1975 году, второй раз, без изменений, — в 1987 году («Дневники Оли Окуджава и переписка с Галактионом»). О том, какой «скачок» сделан за это время исследователями эпистолярного наследия Галактиона, пусть судит читатель.

В заключение прошу читателя не обвинять меня в пренебрежении вкладом, сделанным Иосифом Лорткипанидзе и другими составителями и комментаторами «Переписки». С моей стороны это было бы черной неблагодарностью, поскольку, подобно многим исследователям, и я часто пользовалась лорткипанидзевскими библиографией по Галактиону или «Хроникой жизни Галактиона Табидзе», которые на сегодняшний день являются единственными трудами такого рода в нашем литературоведении.

Отметить и осветить отдельные недоработки никому не возбраняется, а указывать на ошибки обязательно и полезно.

Паола УРУШАДЗЕ

О провидческом смысле шекспировских спектаклей Роберта Стуруа

Как это ни парадоксально, но наше время придает провидческий смысл многим спектаклям прошлого. Одним из самых правдивых на сегодняшний день мне представляется поставленный двадцать лет назад и показанный в последний раз 15 мая 1991 года «Кавказский меловой круг», с его доведенным до отчаяния нищим народом, с политическими играми власть имущих, со зловещим рефреном пьяного попа: «Война окончена, бойтесь мира, люди!».

Все, что тогда казалось лишь порождением причудливой фантазии режиссера, было сказочным, фарсовым, притчевым, вдруг выступило на передний план в своей трагической сути. Со спектакля точно сошел глянец, яркое оперение театрального праздника, и оказалось, что это довольно мрачное и безысходное сценическое действие, и стержневая его мысль не в том, что добро в конце концов побеждает зло, а в одиночестве и беззащитности добра, в том, что главными препонами на его пути являются не столько те, кто рвется к власти, сколько бедность, страх и отчаяние, которые подобно ржавчине разъедают человеческие души, вытравливают из них даже малейшие остатки жалости и любви к ближнему.

Свисающие с потолка лохмотья предельно достоверны в своей ветхости. Они в той же мере свидетельства крайней степени нищеты, разорения и распада, как и одежда действующих лиц. Достаточно вспомнить семенящую вереницу женщин, в облике которых выражены все «стадии» человеческой

униженности. Как точно продумана здесь каждая деталь, — вот бедность неприкрытая, вот бедность опрятная, а вот бедность, пытающаяся скрыть себя знаками бывшего достатка, но от этого кажущаяся еще более жалкой и беспомощной. А как четко проступили вдруг образы — примеры душевной деградации человека, порожденной тяготами жизни, страхом перед будущим!

Свекровь Груше (Л. Дзиграшвили) — самый, пожалуй, трагический образ сегодняшнего «Кавказского мелового круга». В ней и неподдельное горе, а вместе с тем и животный страх перед полным обнищанием, движущий всеми ее помыслами и поступками, заставляющий ее быть безжалостной к тем, кто еще более сир и обездолен. Муж Груше (В. Гогитидзе) — жалкий в своей ничтожности и одновременно страшный сознанием полнейшей безнаказанности... Вечно пьяный священник (Г. Сагарадзе), готовый ради денег на любой подлог и подлость... Мнимо благодушный Лаврентий (Д. Гаганидзе), подстраивающий свой мышиный страх под ритм национального танца.

Никто из них не совершает добра ради самого добра. Каждый движет корысть, желание любыми способами выжить, перетерпеть «смутное время».

Песня Аздака с ее душераздирающей правдой о том, что «битва проиграна», «канцелярии переполнены», «реки выходят из берегов и опустошают поля...» теперь еще более, чем когда-либо «остранена» от места действия, более чем когда-либо воспринимается вводной интерлюдией, исполненной и прочувствованной актером. А сам Аздак Рамаза Чхиквадзе с его позерством, с его мнимоглубокомысленными сентенциями местечкового краснобая, взошедшего на кресло деревенского судьи благодаря весьма сомнительной заслуге, как-то странно лишился в моих глазах своей былой значительности, своей былой, принимаемой мной на веру, миссии защитника интересов и чаяний простого народа. От всех остальных потерявших стыд и совесть бедняков спектакля его теперь отличает лишь то, что где-то на дне его души все-таки осталась малая толика справедливости. Вызванная к жизни гневом Груше, она и стала причиной ее победы, — крохотная, случайно уцелевшая молекула добра, сохранившаяся в человеке, по воле случая оказавшемся вершителем ее судьбы. А это единственное, на что ей еще можно надеяться.

Но то, что всегда определяло духовную и эмоциональную значимость этого спектакля, со временем зазвучало сильнее и

отчетливее, чем даже тогда, в его лучшие годы. Это линия самой Груше (И. Гигошвили), это ее одинокий крестный путь с ребенком за спиной. Это идея действенного добра, самопожертвования ради единственно стоящей того цели — сохранения человеческой жизни. Это — добро, которое не рассуждает. Ему чужды мысли о том, что благородство, гостеприимство и терпимость должны быть регламентированы, ибо в избытке они могут погубить «дающего». Это — добро-инстинкт, подчиняющееся только одному импульсу — «надо!»

И, может, сегодня это единственный спектакль на грузинской сцене, напоминающий нам о том, что человек все-таки «венец творения». Действительность, в которой мы сегодня существуем, все чаще и чаще пытается доказать нам обратное, доказать, как сильна еще в человеке его биологическая, животная сущность, как шатки его моральные устои, стоит лишь ему соприкоснуться с лишениями, с потерей элементарных жизненных благ и привычек; как легко его обмануть тогда, пробудить в нем агрессию, желание воспользоваться правом сильного, жажду первенства и в итоге превратить его жизнь лишь в жестокую борьбу за существование.

А театр словно знал об этом. Погибший «Кваркваре», поставленный Р. Стуруа за год до «Кавказского мелового круга», обладал столь мощной оптической силой, что оказался способным отразить в себе не только прошлое, но и современную нам событийность. Из канувшей в вечность «Антигоны», поставленной Михаилом Туманишвили в 1968 году, на фоне четких силуэтов ее главных действующих лиц с галографической объемностью отчетливо выступила на переднем плане фигура мальчика (М. Джанашиа), неразлучного спутника Креона. На его плече, как бы охраняя и направляя его, лежит рука наставника, но взгляд его устремлен на Антигону, взгляд, в котором сострадание, желание помочь всем — и правым и виноватым, и словно понимание того, что сам он будет иным и иным будет мир, в котором ему предстоит жить, в котором не будет места ни мудрому соглашательству, ни крайней человеческой нетерпимости, неизбежно несущей за собой горе и смерть. Этот мальчик не перешагнул пределов спектакля. Он навеки сохранился в нем, оставив в нас грусть по полуребенку с чутким, всепроникающим взглядом, сумевшем сделать свой собственный выбор в мире непримиримого противостояния взрослых, — любовь к ближнему.

Среди спектаклей-провозвестников сегодня уместно вспомнить и «Судный день», поставленный Р. Стуруа в 1985 году,

в котором теперь гораздо четче вырисовываются аналогии с более поздним временем. В отличие от своих сценических предшественников главный герой этого спектакля полностью узнаваем. В этом спектакле, созданном на основе документального материала, ясно читается и то будущее, в котором имени Гитлера все чаще будет придаваться функция некоего политического «масштаба» для характеристики тех сил, которые стали прямыми наследниками его бредовых идей мирового господства. С этой позиции и предложил нам режиссер проследить еще один «тернистый путь» к вершинам власти, чтобы вновь наглядно доказать осуществимость самых жестоких, абсурдных и бессмысленных авантюр в условиях, когда, говоря словами Гете (они звучат в спектакле), «народ подчиняется любому проходимцу, играющему на его изменных инстинктах, а в патриотизме видит лишь разбой и бесчеловечную жестокость».

Заостряя до максимума все наиболее карикатурное и уродливое в политическом «анабасисе» Гитлера и его приспешников, Стуруа создавал наглядную модель движения «избранника народа» к единовластию. В этом движении весьма красноречива и роль самого народа, точнее — толпы, — той благоприятной питательной почвы, на которой столь свободно проросло древо фашизма. Зараженный сознанием превосходства, проникнутый идеей возрождения национального духа, он в спектакле, еще до появления Гитлера, предстает определенным образом сплоченной массой, готовой воспламениться от малейшего упоминания о былом величии Германии. Здесь он с самого же начала отождествлен со своим кумиром, сумевшим отчетливее и активнее других выразить и воплотить его самые сокровенные чаяния и надежды.

Сопровождаемые саркастическими комментариями «летописца» (А. Махарадзе), перед зрителями выстраиваются наиболее ключевые этапы биографии, своего рода «хождения по мукам» будущего «мессии» Германии. Разыгрывая пародию на жизнеописание пророка, Стуруа создает целую вереницу необычайно ярких по своей пластической, образной и смысловой выразительности сцен, в которых подлинная суть общеизвестных событий и фактов выявляется с помощью их предельного художественного «искажения», воссоздающего на сцене фантазмагорический облик той реальности, которая только и могла допустить существование Адольфа Гитлера. В этой реальности вполне уместны и Гинденбург (К. Кавсадзе), одряхлевшее верховное божество, из безучастного и невнятного напева ко-

торого вдруг отчетливо прорывается победная патетика фашистского марша; и Германская республика, олицетворяемая порхающим под мелодию Крейслера полицейским (Г. Хидашели), — символ той силы, которая первая обеспечила «явление» Гитлера народу; и человек-свастика Антон Дрекслер (М. Джинория) — лидер рабочей партии, истинной колыбели Гитлера; и, наконец, сам Гитлер (Рамаз Чхиквадзе), со злобным упорством примеряющийся к крутизне и высоте тех ступеней, которые в скором будущем он сумеет преодолеть с той же исключительной напористостью, с какой до него «возносились» к вершинам власти Кваркваре и Ричард. Все сказанное происходит в спектакле соответственно логике агиографического сказа: Мюнхенский путч и следующее вслед за ним тюремное заключение предстают здесь именно тем этапом, который в конце концов и придал Гитлеру необходимый ореол мученичества. Как раз после указанных событий возникает сцена «чуда» — магического воздействия Гитлера на его слушателей: на наших глазах разношерстная толпа превращается в единую, однородную субстанцию, движение которой находится в полной зависимости от одной воли, одного разума. Ее последующее образное воплощение — до предела обезличенная, превосходно ритмизированная масса.

В осмыслении образа Гитлера и его времени режиссер как бы отталкивается и от той народно-зрелищной традиции, которая издавна превратила насмешку, пародию, фарс, шарж в средство символического уничтожения всего, что само по себе чревато горем, разрушением, смертью. Наиболее ярко это смеховое начало спектакля проявилось в исполнительском мастерстве Рамаза Чхиквадзе, в самом отношении актера к изображаемому им персонажу, который он как бы выставляет на всеобщее обозрение и осмеяние со всеми его канонизированными историей, литературой, изобразительным искусством и кинематографом, жестами, повадками, нечеловеческими страстями и устремлениями.

Стуруа и Чхиквадзе стремились показать неповторимость гитлеровского феномена, а вместе с тем всю его вневременную изнанку, по которой он органически вписывается в когорту «великих» честолюбцев прошлого.

И чтобы убедить зрителя в этом, в данном режиссерском опусе Р. Стуруа уже нет необходимости в наполеоновских параллелях. Проглядывающие в Гитлере-Чхиквадзе Кваркваре и Ричард в полной мере несут в себе ту же образно-сравнительную функцию.

Особенно четко подобная аналогия дает о себе знать в финальных сценах «Судного дня», где Гитлер как бы внезапно возникает из небытия для того, чтобы снова напомнить о реальных возможностях своего «второго пришествия». В его устах цитата из Библии — «божественное оправдание» потоп — звучит как магическая формула, способная в любой момент явить его миру в новом и неизмеримо более смертоносном воплощении.

Апокалипсический финал «Короля Лира» завершил эпопею о судьбах мира, отданного во власть честолюбцев. Комедия П. Какабадзе, политический фарс «Судный день» и две наиболее «кровавые» шекспировские трагедии наглядно продемонстрировали антигуманную сущность человеческих устремлений к единовластию, показали, сколь многолико зло, как сильна и изобретательна ненависть. В этих спектаклях добро ни разу не торжествовало на сцене. Кваркваре вылезал из мусорной ямы, для того чтобы вновь явиться миру в своем новом облики. Гитлер оживал в своих победителях, Ричард — в своем верном ученике — Ричмонде. И вот, наконец, в ужасающем грохоте и громе, вздымая клубы пыли и дыма, погибало королевство Лира — модель мира, сосредоточивающего в себе все пороки человечества.

На этом завершил свое существование и грузинский политический театр Шекспира — театр иносказаний и намеков, театр предупреждений и пророчеств, даривший нам ни с чем не сравнимую радость причастности к искусству, не желавшему мириться с порабощением человеческой личности. Такой театр был предтечей, своего рода театральным Откровением, предвосхитившим те реальные политические, социально-нравственные и стихийные катаклизмы, которые внесли разлад в наши души, превратили нас в участников и очевидцев настоящих человеческих трагедий и политических фарсов.

Образы шекспировских трагедий в спектаклях Р. Стуруа все эти годы менее всего воспринимались в их традиционно-сценическом значении, как те вершины, те «недостигаемые образцы», до которых надо сперва дойти, а затем покорить их силой таланта и вдохновения. В роли «вершин» выступали глобальные общественно-нравственные проблемы текущего времени, художественная оценка и обобщение которых были возможны лишь на столь монументальном материале, с его использованием как своего рода «урока истории», как «звеньев» в неразрывной цепи мирового зла.

Спектакли «Ричард III» и «Король Лир» (1979 и 1987) неразрывно связаны друг с другом единым мифологическим временем. Действие «Ричарда» происходит после вселенского взрыва, словно вынесшего на поверхность самые глубинные пласты прошлого, смешавшего воедино эпохи и народы. Поэтому и смысловая начинка каждого образа сгущена до предела, и каждый из них «пропущен» не только сквозь свое время, но и «времена», неся в себе нравственный груз деяний Ричардов всех родов и званий.

Режиссер словно не дает себе права остановиться, сосредоточиться на одном лишь шекспировском герое, ибо в его руках образ, диктующий возможность обобщения, кодирования в нем знаков и примет временщиков и честолюбцев всех времен — прошлого, настоящего и будущего. То же можно сказать и о других действующих лицах спектакля, равно как и о народе, чья роль в восхождении политических проходимцев XX столетия также требует крайне нелицеприятного идейно-художественного анализа и оценки.

Поэтому и нет в этих спектаклях конкретных личностей, а есть вынесенная на поверхность всего идейно-образного строя мысль о том, что в мире на протяжении многих веков мало что изменилось: борьба за власть всегда была и остается главной движущей силой истории, а красота, которой надлежало спасти мир, ни на йоту не смогла остановить ее разрушительного действия. «Аве Мария» Баха и ария Неморинд служат в обоих спектаклях не только контрастом, антитезой всему низменному, но и настойчивым напоминанием о трагическом парадоксе человеческого бытия — сосуществования в людях божественного и звериного начал, о вечном вопросе: что есть человек — венец творения, или же всего лишь двуногое животное? — И наконец, о вполне конкретном реальном образе людей, вступающих в последний круг созданного на земле ада под сенью библейского изречения: «Каждому — свое».

В то же время «Ричард» и «Лир» полностью «в плену у своего рождения». Они результат времени, когда у правды на театре был свой собственный эзопов язык. Нарочитое смешение реалий различных времен ставило перед собой не только задачу очертить огромное временное пространство...

Чем более неопределенным представало на сцене время действия, тем четче все происходящее на этом якобы нейтральном фоне увязывалось в нашем воображении с нашей же соб.

ственной несвободой, с шаткостью нашего собственного бытия, основанного на пропитанной ложью почве.

И еще никогда, быть может, грузинский театр Шекспира и его актеры не держали зеркала столь близко к природе — той «природе», перед которой преклоняется Эдмунд, олицетворяющей не красоту и гармонию, а целенаправленную борьбу за существование, борьбу, в которой побеждает тот, кто сильнее, жестче, коварнее, в ком полностью отсутствует способность к рефлексии, умение «осечься» на минуту и задуматься над содеянным.

Движение человекоподобных существ на сцене происходит как бы по логике Волка Ларсена, по логике «дрожжевого брожения», когда большие куски закваски всасывают и растворяют в себе куски менее жизнестойкие, менее способные к сопротивляемости. К их числу относится и Ричард, гибнущий под ударами меча его выученика и преемника. Той же логике подчиняется и судьба Лира, опрометчиво скинувшего с себя защитные регалии и атрибуты власти, и таким образом оставшегося безоружным перед «молодыми волками», слишком рьяно усвоившими им же самим преподанные уроки. Да и по сути дела «Ричард» и «Лир» являют собой как бы один спектакль — разделяющие их годы не более чем многозначительная пауза, после которой следует дальнейшее развитие сюжета.

Вся философская подоплека «Лира», в котором «хождение по мукам» главного героя трагедии ведет его к познанию истинных человеческих ценностей жизни, к осознанию собственной вины перед «нагими и горемыками», — весь тот сложный и чудотворный процесс «рождения человека» в тиране и собственнике хоть и подразумевается в произносимом на сцене шекспировском тексте, но не получает своего дальнейшего развития ни в сценическом действии, ни в трактовке образа главного героя и его окружения. Главная тема спектакля — тема возмездия, но возмездия не Лиру, а миру. Тому миру, в котором на фоне великолепных дворцов и соборов, при существовании Библии и ее десяти спасительных заповедей, так и не нашлось сдерживающей силы для неизменных и разрушительных человеческих инстинктов.

Режиссер устанавливает слишком высокую смотровую вышку для восприятия разворачивающихся в пьесе событий, равно как и ее персонажей. И тем самым лишает каждого из них своей человеческой исключительности, того главного, что столь свойственно шекспировским героям, — человеческой

трагедии. Ричард с его мрачной и страшной душой у Шекспира — человек, наделенный титанической волей, остро ощущающий свое интеллектуальное превосходство над окружающими людьми, свою способность повелевать не только ими, но и судьбами целого государства. Увы, все эти незаурядные человеческие качества, огромный мыслительный потенциал был растрачен на достижение низкой и бесчеловечной по самой своей сути цели. Именно об этом заставлял зрителя задуматься Акакий Васадзе, играя Ричарда на сцене Кутаисского театра им. Л. Месхишвили. В его исполнении по-своему «оживал» и неосуществленный замысел К. Марджанишвили — воплотить на сцене трагедию человека, охваченного манией власти и в конечном счете обрекшего себя на полное одиночество, на судьбу изгоя¹.

...«Добрый Лир» — таким играл его, по преданию, Ричард Бербедж, что, по всей вероятности, соответствовало взгляду самого Шекспира. К. Марджанишвили склонялся именно к такому пониманию образа Лира², наставляя Ак. Хорава следовать по пути не только нравственного перерождения, а прежде всего действительного постижения жизни, что должно было утверждать мысль о беспредельности человеческого прозрения, полного «очеловечения» деспотической природы³.

Можно вспомнить и Лира А. Имедашвили, С. Закариадзе, Ак. Васадзе. При всех отличительных чертах исполнительской интерпретации этого образа, их объединяет стремление показать трагедию властолюбивого и самоуверенного человека, осознавшего крушение всех своих былых представлений о жизни и ее ценностях, обретшего, однако, взамен, уже на пороге смерти, драгоценный дар любви к человеку.

Глобальные масштабы шекспировского поиска Р. Стуруа, его стремление потрясти души зрителей ужасающими картинами мира, полностью утратившего нравственные опоры, заставляют режиссера видеть в шекспировских произведениях своего рода заповедник зла, один за другим выпускающий на сцену великолепные экземпляры чудовищ в человеческом облике. Выведенная им на основе шекспировских героев порода

¹ Т. Вахвахишвили. Шесть спектаклей Котэ Марджанишвили. Тб., 1968, с. 160 (на груз. яз.).

² Т. Цулукидзе. Всего одна жизнь. Тбилиси, 1983, с. 157, 158.

³ Э. Тугушвили. Котэ Марджанишвили, М., 1979, с. 292.

нелюдей явно не имеет аналога во всей истории мирового театра. Их нечеловеческая сущность подчеркивается и сценографией спектаклей (художник М. Швелидзе), ибо предлагаемые им обстоятельства места и времени представляют собой образ того распада, который может быть достигнут лишь благодаря «деяниям» оборотней, наделенных человеческим обликом и повадками. Внутренняя сущность каждого из них от начала до конца «заявлена» уже в их первых демонстративных, почти эстрадных «антре». Вся последующая, тщательно отработанная интонационная и пластическая партитура служит доказательством многообразия ее чисто внешних манифестаций. Ту же функцию несет в себе «значащая» природа костюмов, а их перемена каждый раз знаменует переломный момент в движении героев к намеченной цели: скромный серый френч Ричарда в первых сценах спектакля, литой вороной плащ, четко выделяющий его среди окружающих, — в последующих; костюмы Риган, Гонерильи и Эдмунда, вдруг обретших свой собственный «стиль», полностью гармонирующий с лелеемым ими чувством полнейшей вседозволенности; карнавальное королевское одеяние Глостера, невольно «выдающего» тем самым тщательно скрываемые им мечты о всевластии, и т. д.

В «Лире» находят свое продолжение и фактическое завершение почти все основные идейные линии «Ричарда», но при этом он тесно связан с социально-нравственной проблематикой «Судного дня» — спектакля, моделирующего ту общественно-историческую ситуацию, которая с предельной наглядностью продемонстрировала весь масштаб катастрофы, создаваемой людьми с атрофированной совестью, опустошенной душой, но охваченных твердой уверенностью, что им уготована миссия «навеять человечеству сон золотой». Король Лир Стуруа — из той же породы. Ведь исполняет эту роль актер, творческая природа которого менее всего отвечает жанровой специфике шекспировского образа, — выдающийся мастер театрального шутовства и гротеска. Это в первую очередь играет на понижение трагического звучания образа. Зато создается возможность показать предельно выразительный в своей внешней характерности обобщенный образ тирана, самозабвенно глумящегося над подвластными ему людьми. Рамаз Чхиквадзе отнюдь не «очеловечивает» своего героя, хотя и стремится к этому, — «очеловечить» можно взбалмошного старика, ослепленного властью, но не отвратительного монстра, одержимого злобой и ненавистью. Страдания никак не облагораживают его, поскольку каждый раз, когда, по Шекс-

пиру, в нем готов проснуться человек, следуя режиссерской трактовке образа, актер ошеломляет очередным проявлением его звериного естества (убийство Шута, глумление над слепым Глостером, неубывающее в нем желание свести счеты с дочерьми, лишившими его власти и т. д.). Даже в финальной сцене, когда Р. Чхиквадзе как будто удается остаться один на один с Шекспиром и стать наконец-то Лиром-отцом, преисполненным любовью и нежностью, это лирическое отступление беспощадно разбивает вызывающая содрогание, глубоко символическая по смыслу сцена, в которой среди обломков и дыма возникает фигура обезумевшего старика, волочащего на веревке погибшую по его же вине дочь. Лир, каким представил его себе режиссер, несовместим с шекспировским Лиром, бережно несущим мертвую Корделию. Он именно волочит ее за собой, как поломанную игрушку.

В то же время, если в «Ричарде» откровенно ироническое отношение актера к своему герою оголено до предела, то, играя Лира, он искренне верит в то, что воплощает именно шекспировский образ, и режиссер не разубеждает его в этом.

И возникает уникальный сценический эффект. В образе, создаваемом Р. Чхиквадзе, одновременно, но не пересекаясь друг с другом, сосуществуют и Лир — олицетворение насилия над людьми, и Лир — жертва, Лир «от автора». Последний предстает на сцене в облике явно переигрывающего трагика, с трогательной серьезностью играющего вверенную ему роль. Именно в его уста вложены те монологи, те неожиданные прозрения Лира, в которых, по словам Эдгара, «безумие перемешалось с мудростью». По сути же дела создается очередное обобщение, смысл которого легче всего расшифровать, прибегнув к одной из главных истин, открывшихся подлинному Лиру, — «пришли мы плача в этот мир, узнав, что мы актеры в шутковском театре».

Здесь мы имеем дело со сценическим образом, многозначность которого уже никак не определима. Так как это и мы, и те, кто жили до нас, и те, кому предстоит нас пережить. Это человечество, с упоением играющее свою роль в трагедии, исход которой, вероятно, заранее предрешен неведомым автором.

Продолжая разговор о родстве шекспировских спектаклей Р. Стуруа, надо отметить, что оно не только в коллизиях непримиримой и ожесточенной борьбы за власть, но и в самих стяжателях этой власти старшего и молодого поколения, одинаково мыслящих и действующих в дурмане честолюбия. Именно

но в таком качестве Ричмонд (А. Хидашели) «оживает» в Эдмунде, менее удачливом, но в той же мере восприимчивом послушнике Лира, в первой сцене — сцене раздела государства. — предпочитающем не слишком бросаться в глаза, одев на себя личину покорного исполнителя; Бакингом (Г. Гегечкори) и Хастингс (К. Кавсадзе) продолжают в Глостере (А. Махарадзе), обуреваемом той же страстью воспользоваться смутой и овладеть короной.

Но, пожалуй, четче всего эта связь прослеживается в поведении главных героев — в их упоении властью, в их настойчивом стремлении, подобно Калигуле Камю, «превратить невозможное в возможное», изменить существующий порядок вещей и тем самым утвердить свое свободное волеизъявление, которое, по Сапозку, всегда существует «за счет кого-либо другого». Это люди-творцы, «созидающие», т. е. искажающие окружающий мир по своему образу и подобию. И самое опасное в них то, что каждый из них действительно способен изменить существующий порядок вещей.

Герои шекспировских спектаклей Р. Стуруа, действующие на фоне вселенского хаоса, катапультированные из шекспировского сюжета в необъятные пределы времени и пространства, волею режиссера получают во владение не Англию (Ричард и Ричмонд), не Британию (Лир), а весь мир, право направлять ход событий, распоряжаться миллионами человеческих судеб. Вслед за Мейерхольдом и тут вполне уместно заметить: «на фоне глупого «топотанья» входит Ужас». Вместе с Шекспиром на сцену театра Руставели четкой поступью вошел Ужас — ужас мировой истории, а олицетворением его стал человек, охваченный страстью топтать и унижать человеческое достоинство — античеловек, «безумец на троне».

В отличие от шекспировских героев, у которых, как у художественного явления, нет равных в мировой литературе, это — человек с тысячью лиц, и его значение в рамках шекспировского текста определяется прежде всего богатством семантического ряда, выстраивающегося в сознании зрителя. Эта «неуникальность» героев выявляется и в самих спектаклях. В Ричарде это носит целенаправленный характер. Все его окружение наделено его же чертами. Бакингом, Хастингс, умирающий Эдуард IV (А. Махарадзе), королева Элизабет (С. Канчели) — смысловая наполненность каждого из них близка к целям и пристрастиям главного героя. Вспомнив же о Ричмонде, уместно вспомнить и о других духовных двойниках в спектаклях Р. Стуруа — брехтовского Артуро Уи, возникающего

рядом с Кваркваре, Гитлера, сосуществующего на сцене в соседстве с памятником Сталина, своей политической ипостасью. Иногда же герои попросту «дробятся», расслаиваются, как это происходит в «Судном дне», где оживает «зеркальное» отражение Гитлера, или же в «Синих конях», где Ленин несколько раз «повторяется» в различных человеческих обликах, тем самым как бы демонстрируя в данной исторической ситуации неизбежность самого явления, лишь по воле случая материализованного в облике невысокого человека с картавой речью.

В Лире «повторяемость» задана в самой пьесе. Но здесь это (в случае Глостера) повторяемость судьбы, доказательство справедливости его монолога о смешении нравственных ценностей жизни. Глостер в пьесе не лишает сам образ Лиры своей исключительности, т. к. мотивы выпавших на их долю страданий отличны друг от друга — каждый из них идет собственным путем к прозрению. В пьесе Лир «повторяется» и в собственных дочерях, но это повторение олицетворяет многогранность его внутреннего мира — его амбивалентность, переплетение в нем доброго и злого начал. В спектаклях Р. Стурюа Лир и Глостер во многом уравниваются друг с другом. Оба они воплощение зла и насилия, оба с предельной наглядностью повторяются в своих детях и оба терпят поражение лишь от того, что пришедшие им на смену люди оказались гораздо более жестокими и циничными.

По определению известного польского критика Яна Котта, «трагедия как катарсис появляется лишь там, где есть твердая религия, боги, рок, моральные принципы или законы природы, которым человек может противостоять и с позиции которых его можно судить. Там, где этих абсолютов не существует, место трагедии занимает гротеск. Он не приносит с собой утешения. Трагедия, — говорит Котт, — это театр жрецов, гротеск — это театр шутов»¹.

Эти слова во многом приложимы к шекспировскому поиску Р. Стурюа, к его концептуальному подходу к раскрытию проблемы «Шекспир — наш современник» — не в традиционной трагедийной форме, а посредством гротескового преувеличения и заострения, в результате чего у зрителей рождается ощущение отчужденного, враждебного человеку мира «перманентного зла», вызывающее, говоря словами Ш. Бодлера, «бесконечную душевную боль и обмирание сердца».

¹ Кеннет Тайнен. На сцене и в кино: трагедия и гротеск, М., 1969, с. 143.

До Р. Стуруа понятие «Шекспир — наш современник» в грузинском театре определялось прежде всего непреходящей актуальностью поднятых в его произведениях проблем. При этом бережно охранялась «экстерриториальность», неприкосновенность жанровых границ. Трагедии Шекспира воспринимались своего рода заповедным храмом, в который могли войти лишь избранные, да и они, священнодействуя в нем, были преисполнены сознания его неисчерпаемых богатств, беря на себя смелость высветить лишь их отдельные грани. Но самое, пожалуй, главное, что тут стойко соблюдался шекспировский принцип неизбежной наказуемости зла¹. В этом отношении Шекспир на грузинской сцене нес миссию «Великого утешителя». И только два режиссера осмелились однажды нарушить привычную традицию. Первая попытка связана с неосуществленным замыслом К. Марджанишвили, когда в конце спектакля луч света должен был придать кровавый отсвет изображенному на занавеси гербу Тюдоров², вторая же — со спектаклем Г. Кавтарадзе «Ромео и Джульетта», в финале которого разыгрывалась сцена, предвещавшая новый, быть может, еще более смертоносный этап в распре между двумя враждующими семействами.

Р. Стуруа уже полностью порывает с этой традицией.

Известно изречение Г. Гейне о том, что «мир раскололся, и трещина его прошла через сердце поэта». Вехи в театре также определяли люди, охваченные именно этой «высокой болезнью», ощущением прервавшейся связи времен и своего бессилия восстановить ее. Отсюда возникает феномен трагического актера — человека театра, наполняющего создаваемые им образы вселенской тревогой и болью. Трагическая режиссура Р. Стуруа явление того же порядка. Создатель искрометной «Ханумы» и изысканно-жовиальной «Соломенной шляпки» уже тогда, в сравнительно благополучной атмосфере шестидесятых годов, явственно почувствовал сладковатый запах тлена. С какой отчетливостью звучала в его «Сейлемском процессе» тема мракобесия, исказившего истинную идею Бога, превратившего религию в орудие давления на человека и его помыслы. Уже тогда в творчестве Р. Стуруа возникают

¹ По словам А. А. Аникста: «Единственный случай ненаказанного произвола тирании и преступной несправедливости у Шекспира — Генри VIII. А сколько таких было в истории уже в его время». — «Теория драмы от Гегеля до Маркса». М., с. 25.

² Т. Вахвахишвили. Указ. кн., с. 183.

бредтианские боги, суетливо и поспешно покидающие землю... на которой, по словам Шен-те, «слишком много нужды», «слишком много отчаяния», с ужасом осознающие несовместимость проповедуемых ими истин с той жизнью, которую наперекор им создали сами люди. Этим спектаклем грузинский театр заставлял своего зрителя глубоко задуматься о несовершенстве человеческого бытия, об огромном удельном весе воцарившегося в мире зла, о его фатальной переплетенности с добром, о взаимоопределяемости и взаимодействии этих полярно противоположных по замыслу Божьему понятий, разорвать роковую связь которых можно, наверное, лишь создав иных богов и иной мир. Последнее в этом спектакле прозвучит пока только вопросом и вряд ли кто-либо, да и сам режиссер, мог тогда предполагать, каким будет ответ на него почти двадцать лет спустя в финале «Короля Лира» с его беспощадной развязкой.

В 1983 году, задумав осуществить постановку «Короля Лира», Р. Стуруа следующим образом характеризовал свой режиссерский замысел: «Это будет спектакль о жизни напрасной и пустой, о том, что мы ежечасно уничтожаем наши лучшие помыслы и надежды... и заходим в омут зла легче, чем к добру, будто что-то невидимое манит нас ко злу»¹. Но прежде чем забить в шекспировский набат, режиссер будет неоднократно обращаться к этой теме, и на этом пути все отчетливее будет определяться его отношение к жизни и человеческой истории, как к трагическому фарсу, каждый эпизод которого представляет собой повторение не раз пройденного, все более приближаясь к парадоксальному шекспировскому изречению о том, что «жизнь — это не что иное, как сказка, рассказанная дураком». Правда, попутно будут возникать и образы тех, кто мог бы взять на себя миссию «спасителя человечества», например Ланселот («Дракон», 1976 г.), доктор Штокман (1972 г.), Старик («Музыка для живых», 1986 г.), но они так и не станут ведущими героями позднего периода творчества режиссера. Его внимание все настойчивее будет привлекать к себе явление диаметрально противоположное по своей социальной и нравственной значимости — победительное зло, которое будет существовать на сцене безо всякой альтернативы, постепенно убивая в человеке даже малейшую надежду на спасение.

¹ Современная драматургия. — Р. Стуруа. Автопортрет в театральном интерьере, 1983, № 4, сс. 254—255.

Беспощадность к современникам художника, несущего своим творчеством «не мир, а меч», в полной мере проявилась в шекспировских спектаклях Р. Стуруа. Этому способствовало и виртуозное исполнительское мастерство актеров. Сугубо представленческая природа их игры, скрупулезная отработанность каждого движения и жеста, четкая интонационная окраска произносимого ими со сцены шекспировского текста, скульптурная завершенность мизансцен, в которых каждый исполнитель представлял как неотъемлемая часть многофигурного целого, — все это «работало» здесь не на воплощение «человеческого духа роли», а на предельно четкое выявление идейно-смысловой сути спектакля. Из посредника между автором и публикой актер превращался в посредника между режиссером и зрителем, беря на себя как бы роль медиума, выражающего всеми предложенными ему игровыми приемами чисто режиссерское «видение» сценической жизни шекспировских характеров.

Именно благодаря этому уникальному, со стороны актеров, истинно жертвенному сотворчеству с режиссером ни в одной из других постановок Р. Стуруа, если, конечно, не считать «Кавказского мелового круга», не утверждалась столь очевидно самоценность его художественной личности, не реализовывалось так ясно и конкретно его отношение к теряющему твердые устои миру, а главное — его способность вовлечь зрителя в круг своих собственных мыслей и оценок, вызвать в нем острое восприятие своей неразрывной связи с цепью времен, историей, человечеством. И на сегодняшний день эти спектакли не утратили значения своего рода классического образца неиссякаемой фантазии художника, призывающего на помощь Шекспира, магию театра для того, чтобы ужасая — уберечь, разрушая — оградить, спасти нас от «омута зла».

Ираклий АБАШИДЗЕ

Колокола тридцатых...

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эти страницы поначалу были посвящены одной теме — трагической кончине поэта Паоло Яшвили. Впрочем, мои воспоминания и сейчас заканчиваются тем роковым выстрелом в Союзе писателей... Ибо даже в те нелегкие годы в общественном сознании отголосок случившегося был необычно глубоким и волнующим. Однако, перо мое по ходу рассказа стало отклоняться в сторону, касаясь и других событий тех дней, и даже других времен. Правда, я старался сдерживать свое разбежавшееся воображение от слишком больших отклонений, чтобы своевольная память не увела окончательно рассказ от главной его цели.

Кто помнит в наши бурные, захватывающие дни те далекие двадцатые, тридцатые годы? Они ушли, исчезли без следа... Грусть о минувшем в поэтическом слове высказалась так:

Хожу я,
как литературное наследство,
года
и ритмы
враждовавших школ...
Теперь моя отрада —
мирное соседство
снов памяти моей,
их поздний произвол.

Так выразил свои чувства и мысли я, ныне уже — грузинский поэт старшего поколения.

Я думаю, а сегодня просто не сомневаюсь, что Господь Бог даровал мне долгие годы жизни еще и для того, чтобы донести до дня сегодняшнего кое-какие мало кому известные свидетельства тех времен; именно — кое-какие, не все подряд; то, что сохранила и сберегла по сей день память, и что, думается, оказалось бы для современного читателя не менее интересно, чем для очевидцев тех событий. О многом я, в силу различных соображений, предпочел умолчать. Как убедится читатель, эти воспоминания имеют свои конкретные цели и свои задачи: снять с некоторых тогдашних, издавна любимых мною грузинских писателей или представителей интеллигенции несправедливые обвинения, а порою даже безжалостные приговоры, вынесенные задним числом; встать с ними рядом и не только от своего собственного, но и от их имени (право это ими неоднократно предоставлялось мне) вынести на суд современности кое-что из общей нашей правды, общих размышлений и переживаний; передать потомкам, пока Бог дает такую возможность, унесенный ими с собой в мир иной голос сердца — так, как смогу, в меру моих возможностей и убеждений.

Когда в политической жизни страны происходят коренные перемены, одним росчерком маленького черного карандаша разом может быть перечеркнута вся предшествовавшая эпоха, все пережитое. Мое поколение, в пору своей юности, тоже пере-

АВТОПОРТРЕТ ПОЭТА В ДВОЙНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

...Лета к суровой прозе клонят.

Поэтическая строка, ставшая расхожим афоризмом, имеет в виду возраст человека. С годами поэты обращаются к иным, прозаическим жанрам, стремясь полнее воплотить и выразить свой жизненный опыт, нажитую человеческую мудрость.

Однако, вдумавшись, можно преположить приведенным словам и иное прочтение: в истории страны, народа, человека бывают годы, когда само время диктует писателю обращение к прозе, и не просто к прозе — суровой прозе. Если это предположение небеспочвенно, остается лишь удивляться тому, что в последние десятилетия поэзия у нас еще жива, не ушла вся в прозу.

жило противоборство этих двух цветов — черного и белого. Но ведь природа в своем богатом спектре имеет и иные краски.

Многих из нас на протяжении всей жизни вдохновлял и воодушевлял один лозунг, который пусть не провозглашался вслух на многолюдных собраниях и массовых митингах, но хранился в самой глубине сердца: в любых условиях, при любой возможности и словом, и на практике, всеми средствами, делать Грузинское дело! Даже само «создание нового общества» — главный наш лозунг тех лет — для многих из нас связано было с категорией «Грузинского дела». Ради нашей родины стремились мы к достижению совершенной, идеальной модели нового общества, и в кошмарном сне не представляя того плачевного итога, который по злой воле амбициозных и безжалостных деятелей воцарился в реальности у нас на глазах. Что и говорить, мы совершили немало ошибок, особенно делая первые шаги, но всеми силами, всеми помыслами служили Грузинскому делу. (Не станем здесь углубляться в то, кто, как и в каких масштабах представлял себе суть этого дела).

«Грузинское дело». Так назвал свою статью один наш видный партийный и государственный деятель (после выхода из партии, разумеется), напечатанную в московской газете в августе 1991 года. Он признался: «Чтобы иметь возможность де-

Такие времена.

И еще одно. Возможно, самая «суровая», самая беспощадная и бескомпромиссная проза — это и есть мемуары, воспоминания, попытка, оглянувшись вспять, понять и осмыслить прошлое, пережитое. Есть, правда, и такие мемуаристы, которые все внимание концентрируют на своей персоне, на собственной исторической роли в жизни народа и государства, любят, если перефразировать известную максиму Станиславского, себя в истории, а не историю в себе.

Книга воспоминаний Ираклия Абашидзе, волею судьбы ставшая последней в его долгой и плодотворной литературной биографии, является, на мой взгляд, замечательным примером именно такого обращения к истории, когда читателя привлекает не круг знаменитых знакомых автора и список исторических событий, а попытка честно, объективно, без скидок себе и другим разобраться во времени, в котором довелось жить.

лать по-своему хоть что-то, на протяжении многих лет я был вынужден говорить так же, как говорили все остальные».

Как своевременно и мудро прозвучали слова, возглашенные в Пасхальной эпистоле 1990 года католикосом-патриархом всея Грузии, святейшим и блаженнейшим Илией Вторым:

«Настало время возведения еще невиданной хулы на старшее поколение под тем предлогом, будто бы оно привело к гибели Грузию... Но надо задать вопрос, а были бы мы на их месте лучше? Выдержали бы все тяготы тех лет?..»

Автор настоящих воспоминаний рассказывает читателю только о тех событиях, которые запомнились ему из тридцатых годов и которые представляются характерными и типичными для тех, да, пожалуй, не только для тех лет, но и для всей семидесятилетней нашей истории, и истоки их зарождения видятся ему именно там, в тридцатых... Тогда впервые все и повсюду стали говорить о фундаменте, заложенном для будущего возрождения страны, о первых достижениях, которые стоили любых жертв, любой цены. Автор потому и сосредоточил подчеркнуто свое внимание именно на тех тридцатых годах.

Это воспоминания писателя и только о писателях и людях искусства той поры. Первоначально настоящие заметки должны были ограничиться лишь трагическим концом Паоло Яшвили, поэта безмерно любившего жизнь во всех ее про-

**Полвека за спиною ты оставил,
Полвека день за днем перелистал,
Ты не был исключением из правил:
И радости, и горе испытал.**

Жизнь полюбил

и объяснялся с нею

Всегда без недомолвок — напрямик.

Так что тебе понравилось сильнее:

Миг или вечность?

Вечность или миг?

Так спрашивал он себя еще в 1954 году. Всевышний даровал ему после этого еще почти четыре десятилетия — и каких!..

В воспоминаниях мы встречаемся с жизнью двадцатых — тридцатых годов, с коллективизацией и разгромом НЭПа, с войной и послевоенными катаклизмами, сотрясавшими страну, видим,

явлениях. Но и здесь читатель сможет заметить, что повествование нередко отклоняется и к другим действующим лицам описываемой эпохи. Это, по всей вероятности, закономерно. Но не имея возможности хоть одним глазом взглянуть на засекреченные архивы тех лет, автор все же стремился ограничить себя лишь рамками поставленной цели. Сегодня, в условиях гласности, о тех годах еще будет немало написано, в том числе и серьезных научных работ; подобный груз превосходит не только физические силы поэта, но и духовные, эмоциональные возможности непосредственного очевидца и участника описываемых событий.

ТРИ ПРИПИСКИ К ПРЕДИСЛОВИЮ

Давным-давно, в те самые тридцатые годы, когда я, молодой, беззаботный холостяк в течение восьми лет проживал в маленькой коробке, именовавшейся жилой комнатой, в одну прекрасную ночь во сне привиделась мне одна фраза, принадлежавшая явно не Руставели: если сердце диктует тебе одно, разум — другое, а опыт — третье, доверься... третьему. В ту пору я увлеченно читал и перечитывал Эккермана, и, возможно, именно в такую формулу в моем сне преобразилось какое-нибудь из мудрых гетевских высказываний.

как насаждался культ личности и как его разоблачали, как создавался Союз ССР и как он пришел к распаду...

В наши дни неожиданную актуальность приобретает тематический пласт мемуаров И. Абашидзе, повествующий о подготовке и проведении Первого Всесоюзного съезда писателей СССР, о политической подоплеке связанных с ним событий и реальных плодах, принесенных им литературе.

Автор мемуаров не пытается щадить ни себя, ни других. Минувшее есть минувшее, и его не нужно ни перекраивать, ни приукрашивать. Нужно осмыслить его уроки и постараться сделать выводы на будущее. А ведь Ираклий Абашидзе за свою жизнь в литературе прошел через все: через обязательные дежурные стихотворные славословия и подлинные поэтические взлеты, как, например, замечательный цикл «Палестина, Палестина!», через неизбежные для литературного функционера тех лет нравственные компромиссы и истинно гражданские поступки, равносильные

Эта фраза сопровождала меня на протяжении всей моей жизни, выпавшей на самую сложную и трудную для всех нас эпоху.

Исходя из опыта моего поколения, источником всех несчастий мира является отрыв сынов человеческих от современной действительности и безоглядная, романтическая устремленность вперед, к светлому заветному будущему, или, с другой стороны, столь же безоглядная преданность романтике минувшего. И то, и другое ведет и мир, и человека к «неотвратимому возмездию».

Фамильярные заигрывания людей с историей неизбежно приводят к результатам крайне комичным или откровенно трагичным. Те же, кто осмеливался вызвать историю на единоборство, оказывались в положении смешнее смешного; история на борцовском ковре никогда не выступает в той же весовой категории, что и мы. Только эпоха вправе бросать вызов эпохам.

1

В трагедии тридцатых годов нашего поколения, сравнимой по силе страстей с трагедиями Шекспира, люди моего поколения, еще незрелая в ту пору молодежь, принимали участие, разве что, в массовках. Главные роли в спектаклях исполнялись в основном представителями дореволюционных поколений и, согласно драматургическим канонам великого английского писателя, именно они чаще всего оказывались в финаль-

подвигам, как борьба за реабилитацию незаконно репрессированных грузинских писателей еще до XX съезда.

«Колокола тридцатых...» — автопортрет большого писателя в интерьере эпохи. Но при чтении книги непременно нужно иметь в виду и вторую перспективу: Ираклий Абашидзе взвалил на себя тяжкое ярмо мемуариста не только под влиянием возраста, но, прежде всего, побуждаемый событиями, сотрясавшими в это время его родную Грузию и весь бывший Советский Союз. Он работал над книгой о минувшем в то время, когда в Грузии к власти пришел Звиад Гамсахурдиа, и оказалось, что надежды на победу сил демократии и разума не оправдались, что новый лидер стал насаждать новый тоталитаризм, что государственная машина и в руках новой власти сеяла ненависть и вражду между людьми, подавляла любую свободную мысль.

ном действии в числе жертв. Занавес шекспировского спектакля опускался для них преждевременно и бесповоротно.

Стрелка барометра бурных двадцатых годов в Грузии как будто бы робко и неуверенно, но все же стала предсказывать улучшение погоды. Эпопея бурных и безжалостных первых лет советизации страны осталась позади; ушло в прошлое и трагическое лето двадцать четвертого года; отжил свое и был снят с повестки грозивший неисчислимыми бедами семьям многих из нас лозунг: «Доведем до нуля число грузинского дворянства» (Как знаком был для нас потом новый призыв властей «уничтожить кулачество как класс!»). Впереди нас ожидали новые задачи и лозунги, многие из которых застали меня еще в последних классах средней школы, за партой, — «За сотрудничество с новой властью!» — «Да здравствует деловая Грузия!». Нашумевшая в те годы передовица журнала «Кавкасион» провозглашала: «Мы вновь призываем широкие круги грузинских писателей на основе искреннего и активного сотрудничества с советской властью послужить делу возрождения грузинской литературы и культуры»... «Встанем же там, где гремят ураганы, и ангел кровавый являет свой лик»...

Сейчас может показаться, что эти призывы имели единственную цель — отвлечь общественность от драмы Грузии, у которой отняли независимость и свободу. Но ведь многие тогда верили в них искренне!

Может быть, ни одна эпоха за всю историю человечества не нуждается поэтому в таком строго историческом, таком объективном и нелицеприятном подходе и анализе, как наше

И тогда поэт посчитал своим долгом — долгом! — взять в руки перо, чтобы поведать о горьком опыте, который был нажит им вместе с родной страной. «Колокола тридцатых...» — это не только увлекательное и поучительное чтение, это, прежде всего, книга-предостережение, книга-сигнал тревоги, и потому в ней так подробно и страстно осмысливается именно все, связанное с утверждением в жизни и сознании людей единомыслия, идолопоклонства, культа личности.

Грузинские события конца 90-х годов — это и есть вторая перспектива, не учитывая которую мы получим односторонний и искаженный автопортрет автора. «Двойная перспектива» не просто гениальное открытие художников-авангардистов XX века, это — примета времени, его знак.

недавнее прошлое, наш вчерашний день, вчерашний день взбурдаженной России двадцатого столетия и присоединенных к ней народов.

Именно в эти годы прошли мое отрочество и юность, которые, даже несмотря на далеко не роскошную обстановку обедневшей имеретинской дворянской семьи, вспоминаются сейчас как золотая пора. В горниле этих лозунгов выковался, можно сказать, фундамент моей сознательной жизни.

...Стрелка барометра показывала улучшение погоды. НЭП переживал годы расцвета. В коммунистической России впервые после Февральской революции, после октябрьского переворота, после голода, доводившего нередко потерявших человеческий облик людей до каннибализма, страна перестала испытывать недостаток в продуктах питания. Появились в обращении твердые денежные знаки «червонцы». Крестьянину пока еще не перерезали пуповину, соединявшую его со своей землей. Опытные профессионалы и руководители возвращались в торговлю и промышленность. А теперь... Как писал не так давно академик Амосов: «Так легко было отобрать заводы в 1917 году, а землю в 29-м, но так же трудно, оказывается, раздать все обратно».

Не только грузинская столица, где мне тогда еще не довелось побывать, но и маленькие провинциальные городки поистине расцвели и засверкали. На их центральных улицах и площадях открывались все новые лавки и магазины с прилавками, полными товаров, точно так, как сегодня в развитых европейских странах. Каждая из этих провинциальных торговых точек имела право устанавливать самостоятельно коммер-

...В первых числах января 1992 года на тбилисских улицах стало несколько спокойнее, перестрелки между сторонниками и противниками Звиада Гамсахурдиа поутихли, и я решил посмотреть, что стало с моей рабочей комнатой на проспекте Руставели, в самом центре братоубийственной войны между земляками. Оказалось, что помещение на пятом этаже пригосудилось в качестве боевого пункта для снайперов — хоть я до сих пор, честно говоря, не знаю, какой из сторон, — и потому кабинет встретил меня распахнутыми дверями, разбитыми стеклами, разоренными книжными полками, весь пол был усеян стреляными гильзами и моими рабочими бумагами. По листочкам собирал я рукопись.

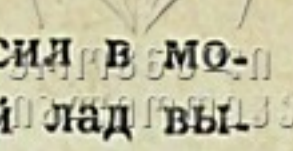
ческие связи с деловыми кругами России и других ближних и дальних стран. Вовсю шла оживленная торговля: «Кто же нынче верит в долг, — куш на бочку — будет толк!» — распевали мальчишки на улицах. Каждый маленький городок имел свою собственную интеллигенцию и вовсе не столь уж провинциальную и второстепенную, как может показаться, а некоторые наши заштатные городки дали стране интеллигентов, прославившихся далеко за пределами своего края. (Пройдет еще совсем немного времени и через год-другой, в период коллективизации, эти города превратятся в обычные «заготовительные пункты»).

Еще сохранились в обществе какие-то остатки «свободы слова». Создавались и публиковались такие произведения, как «Друзья, если где-то в лощине сложим головы мы на беду» и «Хизаны Джако». По проспекту Руставели футуристы в желтых кофтах фланировали взад-вперед, шокируя обывателей, и Паоло Яшвили стоял с протянутой рукой, собирая подаяние для нищих. Здесь, на Руставели, можно было повстречать Владимира Маяковского и Василия Каменского. Грузинские символисты клялись в братстве Сергею Есенину, после чего на дружеской пирушке в загородном духане Чопурашвили «пьяный Паоло варил свою кепку...» (Хотя «пьяный Паоло», надо сказать, был явлением весьма редким!). В «Солейле», «Арфасто» и «Миньоне» с аншлагами крутили первые грузинские киноленты, в которых образы романтических героев воплощали Нато Вачнадзе, Дмитрий Кипиани и Котэ Микаберидзе. «Эльдорадо», «Райские сады» и другие тбилисские рестораны с завлекательными названиями ежевечерне заполняли кутилы:

своего перевода книги воспоминаний Ираклия Абашидзе, над которой работал до начала событий. Восстановив все, что было возможно, я сообщил Ираклию Виссарионовичу: книга сохранилась! Может быть, это была последняя радостная новость в его жизни. Скоро его не стало.

Продолжения воспоминаний, увы, не будет. Но из тридцатых годов, благодаря Ираклию Абашидзе, до нас дошел вечный отзвук живых колоколов минувшего. Так в тумане, когда огонь маяка не в силах побороть тьму, звук колокола предупреждающе и неумолчно напоминает: осторожно, люди, помните об опасности!

Эдуард ЕЛИГУЛАШВИЛИ

и поэты. «Лучше я тебя бы вовсе не встречал, сбросил в море с лодки — и пропал», — протяжно на восточный лад выводил Иетим Гурджи...

НЭП, ставший по сути дела попыткой реанимировать прошлое, а не создать что-то новое, сыграл в спасении советской государственной системы огромнейшую роль. Он, можно сказать, вытащил ее из омута на всей территории Союза, и тем более в Грузии. Всего за несколько месяцев осуществился переход на «рыночную экономику». Буквально на глазах заполнялись прилавки и стойки магазинов и рынков, амбары и кладовки, винные подвалы и погреба крестьян. Расширились контакты с зарубежьем. Вышли из подполья «деловые люди» и коммерсанты. Иностранцам стали раздавать концессии. Вновь забила ключом жизнь в Батуми и Чиатура. После трагедии двадцать четвертого года правительство срочно развернуло строительство гидроэлектростанций и промышленных предприятий. Тогда в народе это называли «Бурсоцстрой» — бурное социалистическое строительство.

По существу, именно НЭП predetermined поворот грузинского народа к новой власти, которую, естественно, поначалу встретил как узурпаторскую. Значительная часть нашей интеллигенции, до того настроенная оппозиционно, перешла на советские позиции, наши ученые, писатели и деятели искусства вновь получили возможность проявить свой творческий потенциал. Мое внимание — молодого человека, заболевшего на всю жизнь поэтическим словом, — обращено было именно к этой интеллигенции, к этим поэтам, писателям, актерам.

Под влиянием мирового и российского модернизма и авангардизма повели борьбу за право на существование в новых условиях грузинская литература и искусство двадцатого столетия. На трибунах не стихали острейшие дискуссии между «голубороговцами», «Левизной», «Академической школой» и независимыми литераторами. Обнажив сабли наголо против своих литературных противников, на трибуне Союза писателей сменяли друг друга Константинэ Гамсахурдиа и Михаил Джавахишвили, Тициан Табидзе и Паоло Яшвили, Бесарион Жгенти и Симон Чиковани, Бенито Буачидзе и Шалва Дадиани, Константин Лордкипанидзе и Геронтий Кикодзе. Хотя надо сказать, что среди спорщиков и полемистов редко можно было увидеть Галактиона Табидзе и Нико Лордкипанидзе, Шалву Дадиани и Василия Барнова, Геронтия Кикодзе и Лео Киачели.

Литература и искусство прокладывали новые пути в су-

мятице социальных и политических бурь той эпохи, искали новые формы и средства выразительности, боролись за свою свободу и независимость, чтобы и в этих условиях служить своему народу.

Новое шествовало по жизни шумно, крикливо, провозглашая новые лозунги, отвергая прошлое, вздымая ввысь красные знамена.

Как видно, у истории не бывает альтернативы... Лишь то, что случилось в действительности, является историей. Да, наверное не исключено, что одна и та же причина может породить не только один-единственный результат, но два, а порой и больше различных следствий. Но историей является исключительно то, что произошло в действительности. Нам, простым смертным, только этот результат предлагается в качестве факта истории.

Конец двадцатых — начало тридцатых годов, отступление и ликвидация НЭПа стали для всех нас сигналом, возвестившим начало еще неопределенного и неосмысленного нового периода «Великого перелома». Тогда все единодушно вкладывали, увы, в этот термин лишь позитивный смысл.

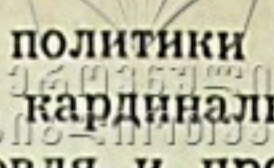
НЭП приказал долго жить...

Началось и в годы коллективизации завершилось окончательное разорение и уничтожение традиционных (и отнюдь не только кулацких) хозяйств в районах и городах Грузии. В Кутаиси, Батуми, Чиатура, в Картли и Кахети, в других грузинских провинциях интеллигенция, в прежние годы составлявшая мощные очаги национальной культуры, снялась с насиженных мест и устремилась в Тбилиси. Население столицы стало расти с устрашающей быстротой. Хотя здесь же следует сказать (нет худа без добра), что в те годы начал увеличиваться в Тбилиси и удельный вес грузинского населения.

Если за семьсот лет — со времен царицы Тамар и вплоть до конца XIX века — народонаселение Тбилиси выросло лишь вдвое, с 80 тысяч до 160 тысяч человек (см. Грузинскую энциклопедию), то за семьдесят лет советской власти оно увеличилось многократно и достигло цифры полтора миллиона человек. Рост этот происходил за счет районов Грузии, особенно западных регионов.

Да, после ликвидации НЭПа, в годы индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства рост Тбилиси привел к значительному увеличению коренного населения. Процесс этот сложен и неоднозначен.

В годы так называемого «развернутого социалистического

строительства» и отказа от Новой экономической политики в социальной структуре нашего общества произошли кардинальные перемены. Была ликвидирована частная торговля и промышленность. А та и другая в Тбилиси на протяжении веков находились по преимуществу в руках негрузин. Известно, что у нас издревле коренное население проживало главным образом в деревнях. Тбилиси находился на пересечении торговых дорог, представляя собой своего рода перевалочный пункт из Закавказья в Переднюю Азию. Он по праву считался одним из крупнейших торговых центров Востока. Здесь на протяжении многих веков обитало множество чужеземных купцов и коммерсантов, переселившихся из ближних и дальних стран. Особенно много среди них было персов и армян. Их торговые связи простирались до самой Индии. История коммерции в нашей стране сохранила лишь несколько грузинских фамилий среди промышленников и торговцев. В XIX—XX веке я могу припомнить Сараджишвили, Хоштария... Кто еще? Скажем, можно добавить к ним еще Сашу Джакели. Он, как и Хоштария, представлял собой тот тип коммерсантов-купцов, которые одновременно занимались и производством, и продажей ковров. Крупным, по-настоящему серьезным промышленником был в наше время, пожалуй, один Сараджишвили. Когда вместе с НЭПом у нас в стране положили конец и торговле, и производству, крупные негоцианты предпочли уехать из Тбилиси. Люди моего поколения помнят, как в конце двадцатых—начале тридцатых годов из Тбилиси массово поднялись и снялись с мест подданные иностранных государств, державшие прежде в Тбилиси торговые дома, как одна за другой закрывались двери лавок и магазинов, торговавших тканями и галантереей, рыбой и колониальным товаром...

Снова, как в 1921-м году, покидали фамильные дома в Тбилиси Земмели, Оттены, Арамянцы, Филипповы, Зингеры, Миловы, Волохи, Мелик-Казарянцы, Гомеры, Сегалы и др.

В моей памяти еще жив и никогда не умрет старый Тбилиси двадцатых годов. Он из последних сил пытался держаться и в первой половине следующего десятилетия. (Вспомним замечательное стихотворение Иосифа Гришашвили «Прощание со старым Тбилиси»).

Но исторический процесс беспощаден и необратим. Доля инонационального населения в составе Тбилиси неуклонно уменьшалась. А взамен в Тбилиси двинулись люди из районов Грузии, сорванные с насиженных мест коллективизацией. Тысячи и тысячи новоселов пополняли своими рабочими руками

контингент фабрик и заводов города. Кроме того, пропорциональный рост грузинского населения в столице Грузии происходил за счет молодежи, жаждавшей получить высшее образование. И это понятно: без профессиональной подготовки, без вузовского диплома для молодого человека оказывались перекрыты многие жизненные высоты.

Говорят, нет худа без добра. В тридцатые годы, в результате индустриализации и коллективизации, в результате отмены НЭПа и тяги к высшему образованию, Тбилиси стал столицей Грузии и по составу населения. «Один из значительнейших торгово-культурных центров Востока», «Закавказские ворота на перекрестке торговых дорог», тысячапятистолетняя столица Грузии утратила свой пестрый национальный колорит и стала по-настоящему грузинским городом.

Кто скажет, что ждет наш многократно выросший город, когда все повернулось таким образом, что Грузия стоит на пороге единого мирового социально-экономического сообщества, когда у нас, как и повсюду, предстоит приватизация, когда уже никто не сможет противостоять новой волне частного предпринимательства и торговли, наоборот, этот процесс будет всячески поощряться и поддерживаться?..

Ответы на эти вопросы предстоит давать нашим детям и внукам. Но одна из непеременимых их задач — вернуть, непременно вернуть нашему городу его прежнюю традиционную роль и значение на карте восточного полушария нашей планеты.

Сверкающим, переливающимся витринам на проспекте Руставели и Пушкинской улице, на Эриванской площади и Дворцовой пришел конец. Не стало больше популярных духанов «Над Курой» и «Эльдорадо» возле Воронцовского моста, «Райского сада» на Мцхетской дороге... Опустели парки на Плехановском проспекте. Все кончилось, ушло в прошлое, исчезло...

Ликвидировали НЭП, изжили «авангардизм» в литературе и искусстве, положили конец свободе мысли и слова... Все кончилось... В России следом за Сергеем Есениным покончил жизнь самоубийством Владимир Маяковский. Во всеуслышание с высокой трибуны был провозглашен лозунг об усилении в стране классовой борьбы и обострении подрывной деятельности международной реакции.

Минут эти драматичнейшие, тяжелейшие полвека с лишним перед глазами таких же, как я, «осчастливленных» представителей старшего поколения, и весь мир убедится, что на-

вязанный большевиками путь оказался для нашей страны ложным и противоестественным, бесплодным и бесперспективным, что он вел только в пропасть и никуда больше, что люди наотрез отказывались следовать ему. В экономической и социальной жизни произошел коренной поворот, обозначенный не прежним «поэтическим» именем «НЭП», а более прозаическим и торгашеским сегодняшним термином: «Переход к рыночной экономике». Люди получили возможность перевести дух — ложный и губительный путь наконец-то был отвергнут и осужден. Только столетние старички, может быть, в наши дни еще вспоминают, что некогда, во времена НЭПа существовали «нэпманы» — жадные и корыстолюбивые людишки, а до них — Гобсеки, Вассы Железновы и Соломон Исакичи Меджгануашвили, герои эпохи первоначального накопления капитала. Ну и что? Как вспомнится, так и забудется, ведь такие герои лучшего не заслуживают.

И эти столетние старички снова загрустят и огорчатся из-за того, что нет на свете, оказывается, **третьего пути**, а если он, этот — третий—путь и существует, то во всяком случае панацеей не является. Сейчас выясняется окончательно, что люди на протяжении веков отнюдь не мечтали о социальном равенстве, которое на деле является не более чем блефом, и для доказательства этого нашим современникам и соотечественникам пришлось пережить невиданные муки и страдания на протяжении семи десятков лет.

Из всего сказанного я собираюсь сделать лишь один-единственный «оригинальный» вывод: человек, тем более наделенный умом и совестью, родился на свет вовсе не для счастья.

Эпохи не похожи одна на другую? Возможно, в каждом конкретном случае и проявлении это действительно так, но в общем, конечно же, они похожи и даже очень. Так же, как похожи друг на друга люди: у всех по две руки, по две ноги и одна голова венчает туловище, голова, которая вертит человеком как ей заблагорассудится и, в конце концов, приносит ему по большей части одни лишь несчастья. Так же и эпохи...

Ушел НЭП, на смену ему пришла эпоха, окрещенная впоследствии десятком разнообразных романтических имен, разных на различных этапах, но в действительности означающих одно и то же. И осталась эта эпоха в истории под названием, присвоенным ей уже в наше время: административно-командная! Государство наложило руки на экономику всех респуб-

лик, формально признаваемых независимыми. Судьбами миллионов людей в городе и деревне, при помощи невидимых проводных ремней, распоряжался государственный аппарат. Руководящая партийная верхушка повелевала всей страной. Наступила эпоха строительства социализма в «отдельно взятой» стране, эпоха культа личности.

Несмотря на то, что я, только что окончивший тогда Тбилисский университет молодой поэт, был избран делегатом на Съезд писателей Грузии в 1932 году, а затем участвовал в работе I Съезда писателей СССР в 1934 году, не могу утверждать, что играл тогда какую-нибудь более или менее важную роль в грузинской литературной и общественной жизни.

Правда, мне посчастливилось довольно близко дружить со своим земляком, представителем сравнительно молодого поколения так называемых «беспартийных писателей» Александром Кутатели, который, хотя и был старше меня лет на десять, но тоже еще не обременен семьей, являясь, как и я, вольным гражданином. Он тогда уже считался известным писателем с именем, имея на своем счету роман «Хрисский змей», а также пьесу «После полуночи», которую в двадцатые годы в своем театре поставил Котэ Марджанишвили. Котэ вообще старался поддерживать национальную драматургию и ставил пьесы грузинских авторов — «Кваркварэ Тутабери» Поликарпе Какабадзе, «Белогвардейцы» Демны Шенгелая, «Как?» Карло Каладзе. Александр Кутатели считался в Тбилисском университете одним из лучших учеников профессора Григола Церетели, и именно общение с этим замечательным педагогом побудило его при создании своего первого произведения обратиться к греческой мифологии. Григол Церетели — всемирно известный грузинский эллинист, один из основоположников в мире науки папирологии, член-корреспондент Российской академии, от заведования кафедрами классической филологии в Петербургском и Юрьевском университетах перешедший на такую же кафедру в Тбилисский университет в 1918 году, с первого же дня его основания даже собирался оставить его в университете на преподавательской работе, но ученик предпочел писательскую карьеру. Хотя впоследствии Александр Кутатели нередко высказывал мне сожаление по поводу этого своего выбора.

Среднее образование он получил в Тбилисской классической гимназии на русском языке. Отличный знаток грузинской литературы, он, в то же время, любил и русскую классику, особенно Федора Михайловича Достоевского, которым в

то время увлекалась русская молодежь, читатели всей страны, в том числе, разумеется, и Грузии. В гимназии он считался отличным гимнастом, дружил с Георгием Николадзе и Дата Джавришвили. Внешне, всей своей осанкой, манерой одеваться выглядел он чопорным европейцем, но в душе и в жизни был истинным представителем богемной молодежи.

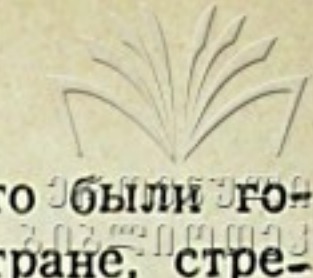
В высшей степени эрудированный и образованный литератор, он особенно сблизился и подружился с «голубороговцами» Паоло Яшвили, Тицианом Табидзе, Георгием Леонидзе.

Не имевший ни кола ни двора, ничем не стесненный в своих поступках и мечтах, я подружился с ним, может, потому, что он был таким же нищим, свободным и мечтательным.

Было у меня, разумеется, немало других приятелей. Особенно любил я ежедневные посещения Союза писателей, проходившие там горячие дискуссии, многолюдные литературные вечера. На жизнь же я зарабатывал, сотрудничая в газетах и журналах. Позднее меня взяли на должность консультанта отделения поэзии Союза писателей, в то время, когда у драматургов консультантом был Шалва Дадиани, а у прозаиков Лео Киачели. А в 1938 году я был назначен редактором молодежного журнала «Чвени таоба» — «Наше поколение» (предшественник нынешнего «Цискари»). Мой выход на широкую общественно-литературную арену приходится на 1932 год, когда на II съезде писателей Грузии при голосовании не получили необходимого количества голосов тогдашние руководители Союза писателей, и пленум новоизбранного правления совершенно неожиданно назвал первым секретарем меня. В моей жизни наступила череда сложнейших лет — повседневной практической работы и ответственности. Этот отрезок моей биографии совпал с годами Второй мировой или Великой Отечественной войны. Впрочем, это уже сороковые годы, о которых речь впереди.

Пока же я рассказываю о годах, когда в наших журналах и газетах стали появляться мои первые юношеские стихи, некоторые из которых тогда же получили одобрение читателей, в том числе и известных наших литературных мэтров. Некоторые из своих стихов тех лет я до сих пор люблю и с удовольствием включаю в сборники. Я охотно участвовал в поэтических вечерах вместе с нашими известными мастерами, и не только в Тбилиси, но и по всей Грузии, а впоследствии также в Москве и в Ленинграде...

Коллективизация сельского хозяйства не ограничивалась

тем, что крестьян насильно сгоняли в колхозы. Это были годы тотального «обобществления» людей по всей стране, стремление государства всячески уничтожить личность, превратить человека в «члена коллектива», в винтик государственной машины. (Многие художники тогда же разглядели опасность тотального обезличивания человека, и среди них, в первую очередь, автор «Доктора Живаго»). В винтик, составную частичку, а не самостоятельную свободную личность! Подобно древнейшей легенде о хлебной ниве, где выросшему выше остальных колоску уготована судьба лишиться головки, переросшей своих собратьев. «Не высываться» — думаю, этот лозунг обывательской мудрости, выживания впервые прозвучал в ту эпоху. Колокол прозвонил в начале тридцатых годов в первый раз.

Коллективизация сельского хозяйства, как форма решения продовольственной проблемы, впервые применена была, конечно же, не в Грузии, где 80% земли приходится на горы. Она была изобретена для необъятных российских просторов. Подобная форма для многих районов России вполне приемлема и целесообразна. Не случайно даже в эпоху «перестройки» целый ряд областей не желают распускать колхозы, и правительство, исходя из этого, вынуждено признать принцип многоукладности форм собственности в сельском хозяйстве.

То, что Грузия страна, не приспособленная для коллективного способа хозяйствования, вынужден был признать, насколько мне известно, сам Никита Сергеевич Хрущев, когда во время своего пребывания здесь в пятидесятые годы еще раз увидел наши земли — сплошные лощины и косогоры.

Хрущев признал — в то время как Сталин...

...Двадцатые годы.

В книге Льва Троцкого «Сталин» (II том) мне встретилось такое место: на второй же день после смерти Ленина, — пишет раздраженный автор, — Сталин попытался передать крестьянам в долгосрочное владение национализированные земли в виде личных участков: «Сталин пытается первый опыт денационализации провести в Грузии. По секретной инструкции Сталина грузинский Нарком земледелия подготовил проект передачи земли в подворное владение крестьян. Только протесты Зиновьева, который оказался в курсе заговора, и тревога, поднятая проектом в партийных кругах, заставили Сталина, еще не чувствовавшего себя твердо на ногах, отка-

заться от своего замысла. Козлом отпущения оказался ра-
зумеется, злополучный грузинский Нарком».

Я не знаю, что имеется в виду, и привел эту выписку в своих настоящих воспоминаниях лишь для того, чтобы показать: сам Сталин, по всей вероятности, в душе не считал Грузию подходящей для коллективизации страной. И тем не менее...

Коллективизация сельского хозяйства в Грузии проходила поистине в весьма сложной, тяжелой обстановке, порой сопровождалась трагическими событиями, память о которых досих пор жива в нашем крестьянстве. Так было по всей стране, но грузинский селянин издревле был приверженцем частной собственности на землю. Свой маленький надел, нещадно дарованный ему Всевышним, он обхаживал как ребенка, холил и ласкал, тщательно огородив его изгородью и не спуская никому даже попытку отнять у него маленького поросенка. А коллективизация отняла все и разом! В грузинских деревнях воцарился настоящий траур, о котором тогда никто не мог даже упоминать, тем более — в печати.

Я, совсем еще молодой человек, при содействии одного своего влиятельного родственника устроился на работу внештатным корреспондентом одной из тбилисских газет. И той же весной, не дав, как говорится, оглядеться вокруг, меня командировали от этой газеты в Кахетию, в Телавский район (или уезд). Я поставлял оттуда своей редакции информации об организации колхозов. По сей день не могу забыть, какая сложная обстановка сложилась в ходе кампании коллективизации в Панкисском ущелье. Районными активистами был смертельно ранен хозяин большой овечьей отары по кличке «Гота». Нехитро обыгрывая эту кличку, тогда распустили в народе издевательский стишок: «Тебя-то мы, Гота, убрали, взяться за ум другим не пора ли?!».

Я, конечно, добросовестно описывал все это в газете.

Затем меня отправили в Мегрелию, в Абашский и Цаленджихский районы, где тогда впервые стали готовить землю под чайные плантации, без всякой техники, вручную корчуя вековые деревья.

Малоземелье в Западной Грузии ощущалось острее, чем на востоке, скажем, в Ширакской долине. Поэтому и расставание со своей землей здесь происходило еще трагичнее и больнее.

Грузинская литература в некоторых своих произведениях, как известно, довольно подробно отразила драматизм жизни

нашего села тех лет. В целом же следует сказать, что отношение наших писателей к этой подкосившей под корень сельское хозяйство кампании в основном, к сожалению, оказалось положительным. Оно, это отношение, как бы от имени нас всех высказано было в строках: «Все в колхозы, дружно, в рай! Ну-ка, хей, ну-ка, хай...» Несмотря на все тяготы и испытания, выпавшие на долю народа, грузинская литература, по существу, поверила в то, что путь коллективизации для крестьянства Грузии был единственным и неизбежным.

Поверить-то поверила, но художественно осмыслить, художественно воспеть этот путь — и это надо заявить со всей определенностью — не сумела. Как видно, от внешнего признания до глубинной веры все же далеко.

Этим, в частности, можно объяснить и появление, под влиянием русской «Левизны», в грузинской литературе тех лет нового увлечения — это был художественный очерк, как будто документальное повествование могло подменить собой жанр романа, как, скажем, в поэзии так называемая «поэзия факта», сознательно лишенная какой бы то ни было «метафизики» и «поэтических украшений», — истинную высокую лирику. Именно этим можно объяснить, что в те годы родились на свет такие стихотворения, как «Плечом к плечу», «Орпирский комсомолец в Кремле», «Переселение евреев в Колхиду», «Моим облигациям», «Герой и стихотворцы» и множество других — об их направленности можно судить по одним только названиям. Некоторые из подобных творений тогда были оценены как подлинные шедевры!

В начале 1934 года в Союзе писателей даже прошла большая дискуссия об очерке. В феврале того же года в нашей «Литературной газете» был опубликован отчет об этой дискуссии, где Михаил Джавахишвили без обиняков прямо заявил, что очерк нельзя признать полноценным литературным жанром, поскольку он отражает лишь преходящие явления и к нему обращаются, по преимуществу, в тех случаях, когда необходимо эти явления выразить в художественной форме.

Поскольку мастера-литераторы из-за слабого знания реальной действительности не могли совладать с «актуальной тематикой», было принято постановление о мобилизации в литературу авторов от станка и сохи, а профессиональных литераторов, наоборот, закрепляли за предприятиями. Помню, к коллективу Тбилисского паровозо-вагоноремонтного завода были тогда вместе со мной «прикреплены» Валериан Гапринда-

швили, Симон Чиковани и др. Мы организовывали литкружки, помогали выпускать стенгазету, в которой постоянно публиковались сочинения рабочих-писателей.

Снова наступили годы голода, вновь ввели в стране продуктовые карточки.

Сейчас о великом голоде и многих других бедствиях того времени наконец-то можно говорить вслух, не опасаясь последствий. Особенно тяжелое положение было на Украине и в Поволжье. В Грузии трагедия до такой крайности не доходила, и поэтому к нам хлынула с Севера волна беженцев из голодающих районов.

Однако... Прошло совсем немного времени и, как несколькими годами раньше Бернард Шоу, теперь уже другой очевидец происходивших в нашей стране событий Лион Фейхтвангер в своей книге «Москва, 1937» свидетельствовал: «Голодные годы остались позади. Сейчас уже у них есть много чего такого, о чем еще пару лет назад они могли лишь мечтать». Я здесь привожу эти слова Лиона Фейхтвангера не в подтверждение своих впечатлений, наоборот, я сам подтверждаю его свидетельство. В те годы грузинская деревня, или, как бы мы сказали тогда, колхозная тематика, была воплощена в целой серии романов, повестей, стихотворений и поэм, пьес и кинофильмов, художественных полотен, песен и ораторий. Думаю, моему читателю нет необходимости перечислять их.

Вспомним здесь еще одно место из той же книги Лиона Фейхтвангера: «Нет никакого сомнения, что все эти чрезмерные восхваления в большинстве своем искренни». И здесь я вновь прибегаю к Фейхтвангеру не за подтверждением, а сам подтверждаю его слова. Сейчас, в наши дни, многим эта искренность кажется странной, необъяснимой, но так было.

О происходивших в 1937 году в Советском Союзе драматических событиях западный мир узнал из этой книги Лиона Фейхтвангера, переведенной на русский язык сразу же после издания на родине. Впрочем, что говорить о людях на Западе, когда и мы сами, находившиеся в самой гуще трагедии, тоже многое открыли в ней для себя, поскольку тогда о происшедшем в Москве мы узнавали только из официальных сообщений в газетах. Возможно, сегодня, когда многое стало явным и очевидным, книга эта кое у кого вызовет снисходительную улыбку из-за ее наивности, незнания многих реальных обстоятельств тогдашних событий. Но мы ею зачитывались, пе-

редавали из рук в руки, узнавали из нее многие тайны нашего повседневного житья-бытья под прессом вакханалии террора.

Но объектом повествования книги Фейхтвангера была только одна Москва, Россия, и мир по-прежнему пребывал в неведении относительно происходившего на местах, в республиках. На местах же — «агентами империализма оказались все без исключения главы трех десятков советских республик», — эти слова заимствованы мною уже из свидетельства другого очевидца тех дней, ставшего к тому же одним из главных обвиняемых, который и сам еще не был до конца посвящен в то, что на самом деле происходило в наших республиках, где лишали жизни и свободы, кроме руководителей, еще и тысячи тысяч других «агентов империализма».

Андрэ Жид приезжал в Грузию ровно за год до этого, в июле 1936 года. Тогда для Тбилиси это была подлинная сенсация. Иностранцы вообще у нас появлялись в кои веки раз, а тут вдруг сразу — Андрэ Жид, виднейший представитель художественной культуры Запада. Надо ли говорить, что по поручению правительства его хозяевами и гидами были выделены Паоло Яшвили и Тициан Табидзе. И они уж показали гостю всю Грузию! Помню, об этом их путешествии тогда в Тбилиси было много разговоров. При этом упоминались и некоторые комические детали. Например, рассказывали, как поразился заморский гость, когда в телавской гостинице не смог заснуть всю ночь из-за каких-то красноватых по цвету неведомых ему насекомых. Он даже утром изловил несколько экземпляров и тщательно упаковал в бумагу, намереваясь отвезти их с собой во Францию для научного исследования.

Дневниковые записи Андрэ Жида о его поездке в Советский Союз скоро появились в одном из парижских изданий. Путешественник не счел нужным скрывать в них и свои критические замечания. Надо ли говорить, что эта книга тогда не могла дойти до нас и я не могу ничего сказать здесь с ней. Отмечу лишь, что гость Грузии, не пожелавшей умолчать о недостатках и теневых сторонах виденного им в ходе поездки, был немедленно подвергнут суровому осуждению и критике.

Что же касается его гостеприимных хозяев и заботливых гидов, на чьи свидетельства Андрэ Жид неоднократно ссылался в своих дневниках, то не прошло и года, как судьбы и Паоло Яшвили, и Тициана Табидзе повернулись самым трагическим образом.

А в моей маленькой тбилисской квартирке — «коробоч-

ке» на Пикрис-гора, во втором переулке Душетской улицы, никто не мешал мне самым тесным образом общаться со всем литературным миром. Из-за границы до Москвы, а следом за нею и до Тбилиси доносились имена новых звезд, заблеставших на литературном небосклоне уже после Первой мировой войны, в двадцатые и тридцатые годы, имена, незнакомые до тех времен не только читающему миру, но даже знатокам литературы, во всяком случае, в Советском Союзе и, разумеется, в том числе, и в Грузии.

Правда, по ее трагическим последствиям и жертвам Первую мировую войну никак нельзя сравнивать со Второй мировой, но и она принесла человечеству огромные, невиданные прежде несчастья и испытания. Говорят, великую литературу и великое искусство рождают великие мировые катаклизмы. Те трагические годы и в самом деле сопровождались мощным литературным взрывом. Мы буквально вырывали друг у друга, передавали из рук в руки книги новоявленных литературных кумиров: «На западном фронте без перемен» Ремарка, «Прощай, оружие!» Хемингуэя, «Большая отара» Жийона, «Путешествие на край ночи» Селина, «Огонь» Барбюса, а заодно с ними в большом ходу у молодых любителей художественной словесности были и книги, ставшие отголосками русской революции, — «Конармия» Бабеля, «Тихий Дон» Шолохова, «Хождение по мукам» Алексея Толстого, произведения Пильняка, Федина, Фурманова, Серафимовича, Фадеева, Гладкова... (Со многими из них впоследствии мне довелось встретиться и подружиться на писательских путях и перепутьях, на всякого рода литературных форумах и съездах, в практической или общественной деятельности).

Мы тогда захлеб зачитывались и мемуарами видных государственных или военных деятелей, такими, как «Европа без мира» и «Европа у края пропасти» тогдашнего итальянского лидера Нитти, «Восстание в пустыне» и «Английский шпион в Германии» англичанина Лоуренса. Но особенным успехом в те годы пользовались мемуары Шульгина «Дни», «20-й год» и «Три столицы», описывавшие бурные события гражданской войны. Правда, все они вышли вполне официально и запрету не подвергались, и, тем не менее, почему-то распространяли их тайком, почти что нелегально, так же как и книгу «Независимость Грузии» Зураба Авалишвили, появившуюся на нашем горизонте в те же двадцатые годы.

Я мог бы представить, что жизнь столкнет меня с кем угодно, но и во сне не привиделось бы, что когда-нибудь встре-

чусь с Шульгиным! Верный слуга Российской монархии, человек в дни Октябрьского переворота особо приближенный к царскому двору, он после революции оказался в эмиграции. Правда, в дни гражданской войны он не раз проникал нелегально в Совдепию, как он ее называл, в том числе даже и в армию грозы белогвардейцев Котовского, но все же, в конечном счете, провел за кордоном более сорока лет.

И вот, в 60-е годы, в Москве, на одном крупном форуме, в котором довелось участвовать и мне, мой украинский друг и коллега Микола Бажан неожиданно предложил: — Хочешь посмотреть на Шульгина? Честно говоря, я даже не думал, что он еще жив. Но Н. С. Хрущев пригласил его в Советский Союз, и, как оказалось, он присутствовал на нашем форуме в качестве гостя. В Кремлевском дворце съездов я увидел человека преклонных лет и ростом даже выше меня. Через такие расстояния (и не столько географические, а скорее хронологические, ведь прошло столько лет) он вновь был в Москве, и я сидел неподалеку от этого человека, который олицетворял собой живую историю!

После «20-го года», где он предстал даровитым писателем со своим неповторимым стилем и манерой, он спустя четыре десятилетия вновь оказался в орбите нашего внимания, совсем как тогда, когда мы, молодежь, зачитывались его мемуарами.

И в конце концов, несмотря ни на что, именно земля России приняла прах своего блудного сына, автора замечательных мемуаров, верного защитника монархии и самодержавия Василия Витальевича Шульгина.

Разумеется, тогда еще никто из нас не имел представления о том, что должно было произойти завтра, какое будущее ожидало компанию коллективизации. Решение было принято, так постановил «Сам», следовательно, все именно так и должно быть, причем, по всей стране без исключения, на Севере и Юге, в долинах и на горных склонах. Сейчас для нас задача заключалась лишь в том, как все это наиболее привлекательно и достойно отобразить в художественном, поэтическом слове. И пошло-поехало... Начались своего рода литературные гонки... Кто — кого!

Будущее Колхиды всем нам представлялось абсолютно ясным, и это будущее на наших глазах воплощалось в жизнь. Сейчас трудно даже представить, какой была Колхида в прежние годы, это помним только мы, люди старшего поколения.

Никакая картина, никакое описание, какими бы подробными и выразительными они ни были, не могут дать сейчас представления о том, что представляла собой Колхида в недавнем прошлом, — со своими бесплодными болотами и топями, лихорадкой и малярией, невыносимым зноем и полчищами комаров. Я, старый человек, видевший перемены, произошедшие в этом крае, могу назвать случившееся «Колхидским чудом». Чудом по-грузински.

Вспомним начало «Рион-порта» Тициана Табидзе:

В омытой Фазисом стране проклятой
От засухи и ливней все мертво.
Там что ни день, то ливень хлещет снова,
Там люди в дебрях сумрака лесного
На сваях строят жалкое жильё,
Долбят из сосен челноки и лодки,
Ведут существование свое
В затопленном от века околотке.
Пьют воду из стоячих луж они...

Так писал Гиппократ, древний грек, — добавлял Тициан Табидзе.

Здесь со всей определенностью надо сказать, что наша литература и искусство не только не перебрали в эйфорическом восхвалении людей, преобразовавших Колхиду, но, наоборот, при всем старании не смогли более или менее достойно отобразить их.

А в Тбилиси в то время бушевали яростные бои в науке, литературе и искусстве. Не только театральные деятели, но вся грузинская творческая интеллигенция разделилась на два фронта — сторонников Марджанишвили и единомышленников Ахметели. Громы и молнии разносились в стенах Дворца писателей и в Тбилисском университете, направленные против «буржуазных писак» и «престарелой профессуры». Все эти, сегодня уже широко известные события для человека той эпохи звучат отголоском бурь и потрясений конца двадцатых — начала тридцатых годов.

Я тогда был молодым поэтом, которого по возрасту не допускали вмешиваться во все эти дела. Для меня весь мир ограничивался еще лишь песней и стихом, днями и ночами, проведенными в разговорах и спорах с друзьями-поэтами, зачастую такими же нищими и голодными, как я сам.

Как-то мне в руки попала книга, давно ставшая библиографической редкостью: это переведенный на русский язык и изданный в 1902 году в Санкт-Петербурге труд французского ученого Мориса Мюрера «Еврейский ум», в предисловии которого автор писал: «В умственной жизни современного европейского общества с каждым годом все яснее и яснее проступает одна характерная черта: вымирание критической способности и рост слепой доверчивости к господствующим тенденциям». Если учесть, что вряд ли эта книга была переведена на русский сразу же после издания на родном языке, можем подсчитать, когда еще подметил европейский ученый эту «странность», впоследствии, уже в наше время достигшую своего зенита эту тенденцию, вселявшую страх и опасение и повлекшую за собой в середине нашего столетия величайшую мировую трагедию.

Известно, что в длинной череде веков порой случаются периоды некоего всеобщего помутнения разума. Заболевание, эпидемия умственной чумы поначалу неприметно зарождается бог знает где и затем разрастается, захватывая огромные пространства земного шара. В отличие от эпидемий, поражающих организм человека, умственная чума в своих начальных формах кажется совершенно безвредной, и если даже кто-то подметит ее, все равно не обратит внимания на сигнал тревоги. А широкие массы обычно ни во что не ставят предупреждения прорицателей. Эта чума вначале напоминает маленький и безобидный снежный ком, который в процессе стремительной эскалации превращается во всеразрушающую лавину. Тогда уже поздно предпринимать что-либо, чтобы противостоять лавине. (Когда еще подметил способность подобной инфекции много-мудрый флорентийский канцлер).

Примеры этого дает и наше столетие. Такие эпидемии в своих начальных формах нередко даже вызывают большие симпатии у людей, чающих найти в них избавление от своих забот. Тем более, если окружающая общественная жизнь сложна и противоречива. Историк напоминает: «Без сомнения, обострение экономической ситуации на Западе, «Великая депрессия» 1929 года, наступление фашизма, с одной стороны, и провозглашенный во всеуслышание курс 1-й пятилетки в СССР вызывают повсеместно на Западе новый, естественный прилив интереса к Советской стране: не там ли выход, спасение Европы, человечества?» «Именно здесь, в России, — восклицал Бернад Шоу, — я убедился, что новая коммунистическая си-

стема способна вывести человека из нынешнего кризиса и спасти его от политической анархии и разрушения».

Бернард Шоу увидел в России рай, писали впоследствии его современники за рубежом. Но вспомним и то, что, когда его спросили: почему же вы сами не остались в этом раю? — Шоу со свойственным ему сарказмом ответил: — Господь осудил меня на пребывание в аду!

Обратимся вновь к вопросу, который звучит среди нас и сегодня (да и в 30-е годы его ставили перед собой отдельные мыслящие люди): — А была ли готова Россия для демократии? Тогда на этот вопрос многие (про себя, разумеется, не вслух!) отвечали так: исторический опыт подготовил в России почву не для демократии, а наоборот, для диктатуры в самых различных формах — Ивана Грозного, Петра Великого. К палке и розге романовская Россия была постоянно готова. Но как же быть тогда с Россией XIX века — Россией Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Чернышевского, Белинского, Добролюбова, Герцена? Как забыть, что на протяжении почти целого столетия с этих необъятных просторов раздавались вдохновенные призывы к свободе и демократии?!

И вот, в конечном счете в этой самой России уже в начале нашего века победила революция. И что же? Под лозунгами свободы и демократии были отвергнуты демократические завоевания Февраля, а руководство страной оказалось узурпировано сначала одним, а затем, после его смерти, и вторым диктатором.

Как известно, в дореволюционной России было много толстовцев, у которых не то что в отношении диктатуры и диктаторов, но даже и к самому Богу были собственные претензии; к тому самому Господу Богу, которому служит церковь, которого возвеличивают и славят верующие. «Для чего эти восхваления, это идолопоклонство нужно Всевышнему? Неужели всемогущий Господь не должен отвергнуть эти восславления?! Тем более, что на нашей грешной земле, как учил Лев Толстой, самим Богом заведено: «Не сотвори себе кумира!» Всевышнему угодны лишь благие дела.

И вот в этой самой России, можно сказать, на следующий же день после смерти Толстого, к власти приходят люди, требовавшие своего возвеличения и восславления. Они добились, что их стали обожествлять в прямом смысле слова, причем, люди разных убеждений и верований, разных наций и профессий. Даже те, кто обладал беспощадным аналитическим умом и жизненным опытом, не смогли остаться в стороне.

Читал ли, интересно, Лев Толстой вышеупомянутую книгу французского ученого? И мог ли хоть на мгновение представить себе то, что вскоре после его смерти произошло во всей Российской империи и о чем, как явствует из недавней публикации журнала «Литературное обозрение», еще в 1918 году предупреждал Максим Горький в своем журнале «Новая жизнь»: «Я знаю, что они производят жесточайший научный опыт над живым телом России». (Эти слова увидели свет только в 1988 году, спустя семь десятков лет!).

Не стоит говорить, что смирившаяся с новой действительностью в период НЭПа, вселившего в общество определенные иллюзии во второй половине 20-х годов, грузинская интеллигенция лишь по инерции продолжала оставаться на своих просоветских позициях и в новом десятилетии. Каким бы удивительным это ни казалось сейчас, тогда, в тридцатые годы, наша интеллигенция выступала в основном под советскими знаменами. Среди основных лозунгов на них значился и такой: «Слава новой Грузии, слава созиданию!» Даже самые непримиримые стояли в рядах строителей новой действительности, несмотря на то, что уже тогда во многих областях нашей общественной жизни ясно и недвусмысленно проявился административно-командный характер новой власти, ее методов руководства экономической и культурной жизнью. Многие правительственные мероприятия нередко порождали драматические коллизии, но интеллигенция Грузии все еще пыталась сохранить веру в новый строй. В подобной ориентации, как это неоднократно отмечалось, несомненно сыграло свою роль и то, что грузином по происхождению был И. В. Сталин. Сын маленькой Грузии стоит у кормила шестой части земного шара — это для многих, даже из тех, кто хорошо знал его и не строил иллюзий относительно его политики, служило источником гордости.

В пятидесятые годы, после смерти Сталина, как известно, многие утверждали, будто культ личности Сталина проник в Россию из Грузии. Скажу с полной ответственностью, что, хотя и мы в этом деле не отставали от других, все же культ пришел к нам оттуда, сверху, из Москвы.

Тогдашние настроения грузинской и, конечно, не только грузинской интеллигенции во многом определялись ростом авторитета сталинского имени в странах мира, восхищением и преклонением перед Сталиным со стороны многих выдающихся зарубежных деятелей. Именно в те годы Бернард Шоу, после

путешествия по Советской России, сравнил Сталина с Гамильтоном, а Ленина с Джефферсоном. Ромен Роллан провел параллель между вождем Советской России и римским императором Августом. А Анри Барбюс, как известно, сказал: «Сталин — это Ленин сегодня».

Столь же глубокое впечатление на всех нас, и не только в Грузии, но и по всей стране, произвел факт окончательного возвращения в Россию Максима Горького, который после Октябрьской революции находился в решительной оппозиции к Октябрьскому перевороту и самому Ленину. А теперь — смотрите, смотрите! — он фотографируется со Сталиным. В речи на I съезде писателей СССР Горький на весь мир заявил: «В стране... неутомимо и чудодейственно работает железная воля Иосифа Сталина».

После смерти Сталина лидер итальянской социалистической партии Пьетро Ненни сказал, что закончилась эпоха величайшей мистификации в мире. Хотя по инерции эта мистификация продолжалась и, кажется, продолжается до сих пор.

Это, как выяснилось в эпоху гласности, глобальное насилие над разумом и чувством всего народа, подобно наркотику внедрилось в кровь и плоть целых поколений. И пусть никто сегодня не думает, что служение эпохе со стороны целых поколений, отравленных этим наркотиком, диктовалось исключительно страхом или корыстью, пренебрежением чаяниями родного народа или профессиональных интересов.

Очень не хочу, чтобы мои слова сегодня показались кому-то попыткой задним числом оправдаться за все поколение в целом, или хотя бы за одного себя. Просто стремление судить о прошлом с позиций сегодняшнего дня, когда многое скрытое стало явным, прежние кумиры свергнуты со своих пьедесталов, а идеи, безраздельно владевшие массами, объявлены не просто ошибочными, а вредными и враждебными для народа, — будет несправедливым и необъективным, если не учесть этого искреннего настроения всех нас.

С начала тридцатых годов в Союзе ССР особое внимание стало уделяться военным приготовлениям. По всей вероятности, уже к этому времени на высочайшем уровне руководства был решен вопрос о том, кто должен стать Главнокомандующим в грядущей войне. Надо ли называть единственную кандидатуру, которая могла иметься в виду!

Литература же и искусство имели один «социальный заказ» — узаконить и канонизировать этот всенародный энту-

зназм. Согласен с А. Авторхановым, что обожествление имени вождя не могло распространиться сразу, но в литературе и искусстве именно так, сразу, это и случилось.

Мне уже довелось как-то рассказывать об этом своему читателю.

Насколько помню, где-то в начале 1933 года в Союз писателей явился представитель партийного руководства и на специально созванном собрании объявил, что отныне не только желательно, но даже необходимо создавать художественные произведения о великом вожде народов товарище Иосифе Виссарионовиче Сталине, и что все ранее существовавшие на сей счет запреты отменены. Эти слова оказали на писателей эффект... «разорвавшейся бомбы!» — очевидно, ждет от меня читатель, но чувства большинства скорее заставляли вспомнить иное слово: амнистия! Понимаю неуместность иронии, но именно после этой «амнистии» был дан старт подлинному литературному марафону. Кто — кого!

«Сталинская тема» единодушно воспринималась как патриотический, моральный долг каждого писателя. В Грузии во главе этой компании оказались, как ни странно, скорее «голубороговцы», а не так называемые пролетарские писатели, которые, конечно, тоже старались не отстать от всех, но их авторитет у читателей уже в значительной мере был утрачен.

Среди виднейших грузинских писателей началось своего рода соревнование в освещении сталинской темы, ею вдохновлялись такие произведения, как, скажем, «Детство и отрочество» Георгия Леонидзе. Перечитывая сегодня эту поэму, созданную подлинно патриотическим пером мастера, видишь, что главный герой в ней не Сталин, а прежде всего Грузия, ее великая история, замечательная природа, древние традиции.

Вряд ли кто-нибудь сможет назвать хотя бы одного мало-мальски известного писателя не только в Грузии, но и во всем Советском Союзе, чье имя имело вес и значение в обществе, кто бы не внес своего вклада в антологию стихотворений о Сталине. Не только литература и искусство, музыка, живопись, театр — даже в естественных науках никто не мог, поднявшись на трибуну, обойтись без мудрых сталинских цитат.

Разумеется, быстрее всех отозвалась на «социальный заказ» поэзия. Спешно был составлен первый грузинский поэтический сборник, посвященный вождю. Следом за ним последовали рассказы, романы, ставились пьесы и кинофильмы...

В начале 30-х годов в Тбилисском университете, где я числился аспирантом, развернулись (как я мимоходом упоминал выше) ожесточенные баталии, направленные против старой профессуры, особенно в области общественных наук. Главный огонь тогда оказался сконцентрированным на фигуре профессора Шалвы Нуцубидзе.

Даже события, связанные с профессором Иванэ Джавахишвили, как бы отошли на второй план, тем более после того, как его, по существу, отстранили от научной деятельности в Тбилисском университете. Для того, чтобы публично возвысить против него голос — письменно или устно, — возможным его оппонентам недостаточно было нигилистически отвергать научный авторитет и научные заслуги выдающегося ученого, они должны были обладать углубленными познаниями в области истории Грузии, свободно оперировать бесчисленными историческими источниками, иметь соответствующую общую эрудицию и научные способности.

А таких ученых у нас тогда можно было пересчитать на пальцах одной руки. Да еще добавим и этическую сторону. В общем плане публично провозгласили, что профессор Иванэ Джавахишвили принадлежит к числу ученых-идеалистов, на основании чего и были сделаны соответствующие административные выводы. На этом дело посчитали законченным. Никто не дал себе труда противопоставить теории маститого ученого хоть мало-мальски серьезный труд с анализом его научного творчества. А на все попытки втянуть его в устную полемику Иванэ Джавахишвили отмалчивался, зная, к чему это может привести. С выдержкой, особенно характерной для уроженцев Карталинии, он вообще старался не обращать внимания на любую суету вокруг своего имени, уповая на вековой опыт, гласящий, что правых и виноватых рассудит время.

Думая о приговоре современников тем или иным деятелям, — будь то государственные мужи или работники сферы науки, литературы и искусства, — я частенько вспоминаю неопытного и неудачливого преподавателя, который выставляет ученику оценку исходя не из его знаний и способностей, а только из суетного желания свести с ним счеты за проявленное непослушание.

Что же касается Шалвы Нуцубидзе, он был в совершенно ином положении. Тогда, как, впрочем, и во все времена, в Грузии многие увлекались философией (занятие, справедливо сравниваемое с ловлей черной кошки в темной комнате), претендуя на научный вес и авторитет в этой области. Особенно

отличились молодые ученые, некоторые из которых вернулись из-за рубежа, из Германии, куда были посланы на учебу, а также выпускники научных центров нашей страны. Естественно, что посчитав себя крупными специалистами в области марксистской философии, некоторые из них проявляли агрессивность в отношении старых философов — «идеалистов». Кто же должен был оказаться самой удобной мишенью для них в тогдашней Грузии? Разумеется, в первую очередь Шалва Нуцубидзе.

Словно виртуоз-фехтовальщик, отбивался он от ударов и справа и слева. Его огромная эрудиция, разящий юмор, талант оратора-полемиста помогали ему в этой борьбе на два фронта — против своих оппонентов из «классической» философии и против новоявленных вульгаризаторов — «красных профессоров». Он никогда не избегал дискуссий, наоборот, создавалось впечатление, что он сам рвался в бой, чтобы в атмосфере спора и битв утвердить свои взгляды.

Постоянная боевая форма неизменно помогала ему выходить победителем в полемике со многими научными и ненаучными противниками. Десятки его разящих шуток и острых словечек носились в то время в воздухе нашего города, вызывая гомерический смех у слушателей.

В таком же осадном положении оказались тогда и такие крупные ученые, вытесняемые с научных постов и страниц ученых изданий, как Серги Данелия и Константин Капанели, хотя следует отметить, что и между ними самими нередко были научные разногласия. Так, Шалва Нуцубидзе именовал исповедуемую Константином Капанели натур-философию не иначе, как «Чантур-философией» (настоящая фамилия Капанели была Чантурия).

В конце концов недоброжелателям удалось отстранить Шалву Исаковича Нуцубидзе от научной деятельности на кафедре философии Тбилисского университета, «перекинув» его на чтение лекций по зарубежной литературе — это было равносильно тому, как, к примеру, гроссмейстера высоких урожаев перевести в хлебопеки!

Ко всему, что уже достаточно хорошо известно о приезде в Грузию группы русских писателей в 1933 году, хочу добавить здесь еще кое-что. Широко известные, можно сказать, ведущие русские писатели, такие, как Борис Пастернак, Николай Тихонов и другие, с удовольствием приехали в Грузию — не только потому, что их путешествие повторяло маршруты

Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Толстого, Горького, но и потому, что это была родина Сталина, и, опять-таки, если судить исторически, ничего постыдного в этом не было.

Официальной целью приезда упомянутой группы было, как это и утверждается в истории нашей литературы, провести подготовительную работу к всесоюзному съезду писателей, назначенному на 1934 год, а также перевод на русский язык лучших образцов грузинской классической и современной литературы. Но сейчас уже можно сказать и то, что для поэтов, входивших в эту творческую группу, особенно для Бориса Пастернака и Николая Тихонова, новым источником вдохновения должны были стать впечатления, полученные на родине Сталина и сам его образ (как это на деле и произошло). Насколько помню, этого не скрывали тогда и сами поэты, письменно и устно выражавшие благодарность судьбе, которая привела их в этот край и помогла осуществить давнюю мечту.

В новогоднем номере газеты «Известия» за 1936 год было опубликовано посвященное Сталину стихотворение Бориса Пастернака. Вот несколько строк из этого стихотворения:

А в те же дни на расстояньи,
За древне-каменной стеной
Живет не человек — деянье:
Поступок ростом с шар земной.
Судьба дала ему уделом
Предшествующего пробел.
Он — то, что снилось самым смелым,
Но до него никто не смел...

Помню, стихотворение это произвело тогда впечатление разорвавшегося фугаса. Пастернак посвятил стихотворение вождю!.. (Как известно, сам Пастернак считал это стихотворение одной из искреннейших и сильных вещей в своем творчестве, и все, кто знал Пастернака, не могут усомниться в этом). Разумеется, стихотворение написано честно и искренне, а не по конъюнктурным соображениям. В те годы я часто встречался с Борисом Леонидовичем и прекрасно помню, как он от души восхищался феноменом Сталина, особенно в застолье, в тостах. Поэтому и я, так же, как другие грузинские поэты, никогда не ставил под сомнение искренность его пера.

Молодой, но уже завоевавший авторитет грузинский ученый Тамаз Натрошвили в статье, не так давно опубликованной на страницах газеты «Литературули Сакартвело», под назва-

нием «Прерванный диалог», справедливо отмечает: «Таким образом, начало «Сталинианы» в современной русской поэзии положил Борис Пастернак, признанный «совестью» той же русской поэзии. Да, самое примечательное то, что он считался поэтом, чья жизненная и творческая искренность была признанной повсеместно. (Безукоризненная личность, как называл его Григол Робакидзе). Этим и объясняется воздействие пастернаковского стиха на литературный процесс. Между прочим, считают, что именно это стихотворение подтолкнуло Булгакова на создание пьесы о Сталине («Батум»).

Не только Булгакова, добавим мы от себя... Это было больше, чем творческий толчок; пример Пастернака как бы снял преграды на этом пути для многих русских писателей и их собратьев по перу из других национальных литератур.

Даже Григол Робакидзе, мыслитель огромного таланта и эрудиции, как мне кажется, только обеспечив себе определенную территориальную дистанцию и гарантированную безопасность, смог создать «Гороскоп» Сталина. Его социально-психологический анализ — истинный шедевр глубинного проникновения в душу человека-тирана. В условиях советской действительности даже подумать было нельзя, чтобы кто-то осмелился высказать что-либо подобное. Не станем здесь обращаться непременно к стихотворению Осипа Мандельштама, которому Пастернак тогда же выставил неудовлетворительную оценку: «То, что вы мне прочитали, не имеет ничего общего с литературой, поэзией». Хотя, если угодно, можно сказать и так, что это стихотворение стало единственным проявлением гражданского мужества на протяжении многих десятилетий.

II

Почти четыре десятилетия назад, в 1954 году, московская «Литературная газета» напечатала мою статью, тогда же вызвавшую одобрительную заинтересованность русской интеллигенции. Скажу без ложной скромности, что это была во всем тогдашнем Советском Союзе первая, начиная с тридцатых годов, попытка сказать доброе слово о безвинно пострадавших в годы беззакония и культа личности писателях. Для многих тогда еще трудно было представить себе, что что-либо подобное вообще возможно опубликовать в «советской» прессе. В редакции «Литературной газеты» мне рассказали, какой шквал звонков поднялся в те дни. Звонили, писали из самых даль-

них уголков страны, а не только из Москвы. Тогда статья эта стала настоящей сенсацией. (Надеюсь, меня не обвинят в само-рекламе, важно, что голос прозвучал из Грузии). Ноявилась статья — это надо подчеркнуть сейчас в первую очередь — еще до XX съезда партии, почти сразу после смерти Сталина.

«Я хочу вспомнить здесь, — писал я, — трех выдающихся писателей Советской Грузии — замечательного прозаика Михаила Джавахишвили и двух поэтов — Паоло Яшвили и Тициана Табидзе. Вспомнить их тем более необходимо, что на протяжении многих лет их творчество держали в загоне, и скажем, объявляли антисоветским явлением. Это было сознательное обкрадывание и обеднение грузинской советской литературы, что нанесло серьезный урон развитию нашей культуры. Михаил Джавахишвили, Паоло Яшвили и Тициан Табидзе принадлежат к числу тех представителей дореволюционного поколения грузинских писателей, которые после установления советской власти в Грузии искренне и без колебаний встали на путь сотрудничества с Советским государством».

И дальше со страниц этой газеты я рассказывал своим читателям о судьбе и творчестве этих трех замечательных грузинских писателей.

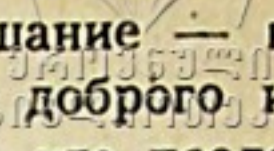
Это стало первой попыткой реабилитации погибших от массовых репрессий писателей в Советском Союзе.

О том, какая фантастическая реакция последовала за этим выступлением не только на проходившем в те дни съезде грузинских писателей, но и во всей Грузии и во всей стране, хорошо рассказала дочь нашего большого писателя, одного из героев моей статьи Михаила Джавахишвили — Кетеван Джавахишвили в воспоминаниях о жизни и творчестве своего знаменитого отца. Надеюсь, что и у меня найдется время и возможность когда-нибудь поведать об этом своим читателям.

Я снова и снова возвращаюсь к мысли о том, что, не исключено, идея реабилитации без вины репрессированных жертв (или как остроумно называли эти годы наши друзья на Украине — «эпоха позднего реабилитанса») вообще впервые стала пробивать себе дорогу именно из Грузии, после того, как была восстановлена справедливость в отношении трех этих грузинских писателей.

Как известно, пятидесятые-шестидесятые годы в Советском Союзе стали годами ранней «оттепели», первых (хоть им и не суждена была долгая жизнь) попыток демократизации страны.

Не хвастаясь и не преувеличивая могу сказать, поскольку

ку, как видно, об этом следует сказать во всеуслышание — в те годы мы действительно успели сделать немало доброго и благотворного для грузинской культуры. Тем более, что после всенародного осуждения культа личности на XX съезде партии лично для меня многое стало окончательно ясным. Я тогда же четко определил для себя суть и цель всей дальнейшей жизни и творчества. Мы успели сделать немало полезного для Грузии, именно для Грузинского дела: после этой реабилитации последовала Палестинская экспедиция грузинских ученых и писателей в Иерусалим, по следам Руставели, ее огромные научные результаты; учреждение премий имени Руставели за выдающиеся произведения литературы и искусства; 800-летний юбилей Руставели, получивший истинно всемирный резонанс: открытие памятника великому создателю «Витязя в тигровой шкуре» в Москве... И это в годы, когда в мире о Грузии знали, пожалуй, лишь как о «родине» культа личности, а по всей стране сносили памятники Сталину.

В те времена на вопрос одной из московских газет: — Какой день в своей жизни вы считаете самым счастливым? — я ответил: — Дни юбилея Руставели, и в особенности тот день, когда я с микрофоном в руках стоял на трибуне митинга, посвященного открытию памятника Руставели в Москве.

Да, именно такими были годы той, первой «оттепели» в Грузии. А началось все с реабилитации трех грузинских писателей — Михаила Джавахишвили, Паоло Яшвили, Тициана Табидзе.

(Как поэт, я воспользовался годами «оттепели», опубликовав в 50—60-е годы «По следам Руставели» и «Палестину, Палестину...» Читатели поняли подлинный смысл и направленность этих моих стихов).

Сегодня, да, пожалуй, уже довольно давно, никто не помнит, что один из красивейших тбилисских домов — дворец, принадлежавший ранее Сараджишвили (позднее — Хоштария), был передан в дар работникам литературы и искусства в первые дни после победы советской власти в Грузии. Инициатором этого благородного дела был Паоло Яшвили. Именно он, после переговоров с новым грузинским правительством, уже 3 марта 1921 года возвестил о решении властей — объявить бывший дом Сараджишвили-Хоштария «Дворцом искусств».

Паоло Яшвили пользовался у нового руководства определенным авторитетом. Известна его и Тициана Табидзе конструктивная роль в восстановлении порядка в Тбилиси в

те февральские дни 1921 года, когда в нашу страну вошла —
«для оказания помощи восставшим трудящимся» — XI Крас-
ная Армия.

Не в «общих чертах», не «в дымке прошлого», а вполне ясно и конкретно помню, как происходило в Грузии внедрение новой власти. Но поскольку это увело бы настоящие воспоминания очень далеко в сторону, позволю себе здесь перескочить через несколько лет и перенести читателя вместе с собой в пятидесятые годы, в эпоху Никиты Сергеевича Хрущева, которую сразу же после его свержения метко окрестили как годы волюнтаризма. В частности, хочу припомнить один эпизод, на мой взгляд, весьма красноречивый и примечательный.

В пятидесятые годы в литературно-художественных кругах очень много судили и рядили о приемах на высшем уровне представителей советской интеллигенции, о встречах, проведенных тогда несколько раз подряд друг за другом. Встречи эти проходили не только в самой Москве, но и за несколько десятков километров от столицы, на правительственных дачах, где размещались тогда высшие руководители государства.

Я был неизменным участником и очевидцем всех этих приемов и встреч и в свое время напечатал воспоминания о них в грузинской прессе. Мои русские коллеги-писатели, рассказали, естественно, гораздо больше: Илья Эренбург, Андрей Вознесенский, Владимир Тендряков и другие. Особенно много писали о первой встрече, состоявшейся на хрущевской даче. Я так и назвал свои воспоминания: «Встречи на Большой даче, или предводитель дает задний ход», так как именно на этой встрече Никита Хрущев, по меткому определению А. Вознесенского, «дал задний ход», отступил от курса по разоблачению и искоренению культа личности, провозглашенного им самим на XX съезде.

Именно тогда, при встрече на даче, когда мы расселись вокруг ломившегося от еды и напитков стола, Никита Сергеевич как следует набрался и, по словам В. Тендрякова, «покатил вдоль по Питерской со всей русской удалью», раздавая руководящие оплеухи налево и направо: с одной стороны, досталось от первого человека в стране Мариэтте Шагинян, с другой, Маргарите Алигер. Именно здесь, разоткровенничавшись, он сказал: — Мы, члены Политбюро, сейчас много путешествуем по нашей стране и за границе: вот сейчас мы с

Булганиным побывали в Индии и повидали страну сикхов (этот визит в Индию действительно освещался тогда в газетах очень широко, о посещении страны сикхов руководителями страны «Правда» напечатала подробный репортаж под названием «На земле сикхов»). Но вот в Грузии побывать еще не довелось.

— Никита Сергеевич, — обратился к нему с репликой Анастас Иванович Микоян, — поедем вместе, я буду вашим путеводителем!

Хрущев глянул на него и сказал:

— Ты думаешь, я вообще там не был? Однажды пришлось, но очень давно, в 1921-м году — году советизации, но грузины очень негостеприимно встретили меня (позднее я узнал, что, оказывается, кутаисские парни довольно сильно отделали его в ресторане у Цепного моста над Риони, по всей вероятности, гость — «освободитель», как и сейчас, был сильно под мухой). Когда годы спустя я рассказал Сталину о негостеприимстве грузин, он усмехнулся и ответил: «А как еще они могли тебя принять? Ведь ты заявился к ним оккупантом». Тут Хрущев на мгновение замолк, а потом во весь голос закричал: — Да, товарищи, я оккупировал Грузию!

Я оглянулся на сидевшего рядом со мной Бажана — Микола Платонович сидел как в воду опущенный. Ведь он гораздо лучше меня знал Хрущева, хозяйничавшего на Украине многие годы.

Так на той исторической встрече с советской интеллигенцией в 1957 году самолично оценил первый человек в партии и государстве, «верный ленинец» Никита Сергеевич Хрущев историю советизации Грузии (хотя тогда, в 1921 году, конечно же, никто не доверил бы ему «оккупировать» целую страну. Никита Хрущев в XI Красной Армии, которой командовали Киров и Орджоникидзе, был всего лишь «помполитом» или, как тогда говаривали в Грузии, «помполиком»*. Судьбу независимой и демократической Грузии решали тогда на более высоком уровне!).

Интеллигенция!

Эта беспокойная, своевольная, непослушная интеллигенция! Она — как трудновоспитуемый ребенок. Когда окидываешь взором путь, пройденный Россией в послереволюционные годы, ясно видишь, что взаимоотношения революции и интел-

* Помполик (груз., простонар.) — шут, паяц.

лигенции никогда не были нормальными и упорядоченными. А в России начала двадцатого века, включая и другие страны, входившие в ее состав, интеллигенция, воспитанная на традициях девятнадцатого столетия, была поистине самой передовой и влиятельной в мире. В том числе, разумеется, и грузинская интеллигенция. Революция обрушила на голову этой интеллигенции зубодробительный лозунг, принесший неисчислимые беды и испытания: — Кто не с нами — тот против нас!

Значительная часть русской интеллигенции, как известно, после революции эмигрировала за рубеж. Следует сказать, что Грузии не был нанесен подобный урон. Среди первой эмиграции оказалась по преимуществу часть грузинской интеллигенции, вовлеченная в политическую деятельность, в основном находившаяся в верхних эшелонах ее власти или в ее окружении. Гораздо больше наша интеллигенция пострадала в те годы на своей собственной родине.

Для иллюстрации взаимоотношений между интеллигенцией и революционной верхушкой еще раз вспомним беседу тех лет Ленина с Максимом Горьким, описанную последним в своих воспоминаниях.

— «Союз рабочих с интеллигенцией, да? Это — не плохо, нет. Скажите интеллигенции, пусть она идет к нам. Ведь, по-вашему, она искренне служит интересам справедливости? В чем же дело? Пожалуйте к нам: это именно мы взяли на себя огромный труд поднять народ на ноги, сказать миру всю правду о жизни. Мы указываем народам прямой путь к человеческой жизни, путь из рабства, нищеты, унижения.

Он засмеялся и беззлобно сказал:

— За это мне от интеллигенции и попала пуля.

А когда температура беседы приблизилась к нормальной, он проговорил с досадой и печалью:

— Разве я спорю против того, что интеллигенция необходима нам? Но вы же видите, как враждебно она настроена, как плохо понимает требования момента? И не видит, что без нас она бессильна, не дойдет к массам. Это ее вина будет, если мы разобьем слишком много горшков».

Постепенно, с годами, интеллигенция все же повернулась лицом к советской действительности, и не просто повернулась — она внесла крупнейший вклад в достижения России и всех объединенных в Союз республик на пути социального и культурного развития. Но я могу засвидетельствовать, что она постоянно чувствовала на себе подозрительность и недоверие со

стороны верхушки партийно-государственного руководства страны, постоянно вынуждена была сохранять осторожность и бдительность.

Поначалу «Дворец искусств» был переоборудован в жилой дом писателей и деятелей искусств, по большей части «голубороговцев». Помню немудрящий стишок, напечатанный в те годы в каком-то, если не ошибаюсь, юмористическом журнале: «Тициан, весь Дом искусств для себя ты захватил, в Главискусстве же на это кто вниманье обратил?» Погреба дома, принадлежавшего раньше коньякозаводчику, полны были всевозможными зарубежными винами, коньяком и шампанским, и уж писатели воздавали им должное, будьте уверены! Потом старые обитатели Дворца долго вспоминали об этом.

Во второй половине двадцатых годов Дворец искусств уже обрел функцию клуба писателей и работников искусства. Там же расположилась и писательская организация.

По натуре своей активный и энергичный, горячий сторонник и пропагандист всего нового и передового, поистине благородный рыцарь, Паоло Яшвили был, можно сказать, душой грузинской интеллигенции в те годы. Он не покладая рук хлопотал, отстаивал интересы людей творчества, выполняя в послефевральской Грузии примерно ту же роль, как Максим Горький в послеоктябрьской России — посредника между властью и интеллигенцией. Паоло Яшвили был не только лидером и предводителем «голубороговцев», но и заступником многих простых грузин, готовый всегда, не жалея сил и времени, бегать по кабинетам правительственных и городских чиновников, чтобы помочь людям.

Он оказывал помощь не только землякам. Тбилиси в те годы был переполнен писателями, артистами, художниками, музыкантами, бежавшими из России. Это было время, когда, по словам Николая Бердяева, «традиционная история русской интеллигенции кончена». Александр Блок же выразил свои тогдашние чувства в строке: «Мы дети страшных лет России забыть не в силах ничего». И всех спасавшихся от ужасов и кровопролития гражданской войны в Тбилиси готовы были взять под свою защиту и опеку Паоло Яшвили, Тициан Табидзе, Павлэ Ингороква и Георгий Леонидзе.

Паоло Яшвили — вспомним определение из получившей широчайшую известность книги Андрея Белого «Ветер с Кавказа», изданной в 1928 году, — был «Язоном аргонавтов двадцатого века Колхиды».

...Они познакомились на даче под Батуми, в Цихисдзири.
«Навстречу с улыбкой поднялся высокий, спокойного вида с лицом загорелым брюнет, с умным острым лицом, в черной шляпе с полями, с усами подстриженными; с тихим достоинством неторопливо и сдержанно он подошел и, немного конфузясь, представился мне:

— Я — Яшвили, — простите, Борис Николаевич, может быть, я помешал вам, но я — на минуту: просили меня устроители лекций вот это письмо передать вам.

И — ласково он улыбнулся: конечно, узнал его сразу; сказал мне имя: один из крупнейших художников слова, краса поэтической Грузии, старший среди братьев культурной семьи, о которой не раз слышал прежде и от Городецкого, и от Есенина.

Я протянул ему руки:

— Сердечно рад вам; откровенно простите... Паоло Яшвили читателю русскому дан в переводах, хотя и плохих; о нем писано много; недавно читал резюме его речи в Тифлисской газете; читал о нем тоже; большой человек, с кругозором широким, с отточенной мыслью, с культурою чувств, сквозь которую видится крепкая статья отчеканенной выдержки.

С первого слова Паоло Яшвили мне стал и понятен, и близок; казалось: года мы общались; он знал ведь по книгам меня; я — узнал его сразу».

Приведу еще одну небольшую выписку из этой подробно описанной встречи:

«...Я сам искал случая ближе узнать своих братьев грузинских по творчеству; я о них слышал давно; может быть от Бальмонта еще, когда он проповедовал всем Руставели; я знал, что Тифлис есть культурнейший центр поэтический; помнится, что в 21-м году еще, после рассказов С. М. Городецкого, передававшего мне приглашение приехать в Тифлис, — я тянулся душой к поэтической Грузии».

И еще немного:

«И жили слова о старинной грузинской культуре, о новой, о Пушкине, о символизме, о Гёте; Яшвили в Париже жил до войны; был когда-то ценителем Артюра Рембо, Маллармэ и других символистов: французских и русских; дивился, как знает он русскую литературу; его замечания о Блоке, Бальмонте и Брюсове — тонки, отчетливы, трезвы; он много себе уяснил: в нем поэт и общественный деятель слиты; он, став на советской платформе, — живет в современ-

ности, соединяя в себе революцию быта с кипением порывов вчерашнего дня».

Прервем здесь характеристику Паоло Яшвили, данную Андреем Белым. Никто лучше не сможет нарисовать и оценить его. Хотя он в этой своей книге много еще интересного рассказывает о своем новом друге — грузинском поэте и, вместе с ним, о других поэтах.

А для меня, перед лицом моего читателя, после приведенных слов облегчен груз описания поэтического и человеческого обаяния Паоло Яшвили.

Вновь обратимся здесь к воспоминаниям, и к сказанному добавим еще кое-что. Символисты исповедовали культ дружбы не только во взаимоотношениях друг с другом, истинная приязнь и верное товарищество характеризовали и их общение с людьми многих других профессий и национальностей, в первую очередь, разумеется, с людьми искусства. Они возвысили и обогатили традицию рыцарского товарищества, исконно характерную для Грузии.

В двадцатые годы тесная дружба связывала наших «голубороговцев» с Ладом Гудиашвили, что нашло воплощение в творчестве этого великолепного художника. По сути дела, именно они открыли и проложили дорогу в выставочные галереи мира великому Нико Пиросманашвили.

В литературную историю нашего времени золотыми буквами вписаны страницы их дружбы с выдающимся классиком армянской литературы Ованесом Туманяном, жившим в Тбилиси, и другими.

Нашу культурную сокровищницу обогатила их близкая дружба с мастерами грузинского театра и кино Котэ Марджанишвили, Сандро Ахметели, Натой Вачнадзе, Николаем Шенгелая, Михаилом Чиаурели...

Это их благородное качество, принесшее отечественной культуре много замечательных плодов, было, можно сказать, врожденным для грузина чувством дружелюбия и благорасположения к людям, со временем распространившимся и на других грузинских писателей и общественных деятелей. И благотворные результаты этого известны всем.

В двадцатые и тридцатые годы рядом со знаменитыми «Синими конями», «Мэри», «Могильщиком» Галактиона Табидзе, популярными стихотворениями Иосифа Гришашвили весь голос звучали и строки Паоло Яшвили: «Посети Хахульский храм, святой...», и «Нынче ночью будет ветер...», и «Там,

где в безмолвье царят пирамиды...», и «Горделивый и начисто бритый всегда...», и еще «Я бежал из Европы, из хаоса, где кровь и развалины Реймского храма...».

Возвратившись из дальних чужеземных краев, Паоло Яшвили привез с собой из Парижа в Грузию новаторское поэтическое слово, богатый опыт европейской литературы. И когда в наши дни говорят об огромной роли «голубороговцев» в деле обновления грузинского стиха, ведущее место здесь несомненно принадлежит Паоло Яшвили: именно он был первым инициатором и вдохновителем объединения в «орден» единомышленников молодых кутаисских литераторов, которые, как известно, называли себя «Голубыми рогами». Он был вожаком, лидером, предводителем по рождению, хотя и не добивался этого лидерства, — оно само собой принадлежало ему.

В то же время он действительно производил неизгладимое впечатление своей импозантной внешностью, привлекательностью, неповторимым заразительным смехом, обходительностью, остроумными и искрометными экспромтами, мимоходом рождавшимися в кафе «Кимериони», за дружеским застольем. «Внезапные стихи» Паоло Яшвили тотчас распространялись по всему городу, что добавляло еще больше популярности этому кафе. Помню, тогда гуляла такая песенка: «Яшвили сочиняет, Мачабели (Ило Мачабели был арендатором кафе) обдирает, так нас губит страсть Кимериони...» (Сейчас кафе «Кимериони», в свое время бывшее неизменным обиталищем для художественных фантазий Гудиашвили, Судейкина и других талантливых живописцев, стало вновь доступным для обозрения после реконструкции. Вход в него был украшен знаменитым портретом Паоло Яшвили кисти Ладо Гудиашвили: поэт изображен в тоге римского цезаря, с испанской шапкой на голове и с винными рогами в обеих руках!).

Поэты, артисты, художники в годы НЭПа продолжали вести свободный богемный образ жизни, как прежде. Тбилисская интеллигенция, насколько это было возможно, старалась держаться в стороне от политики, да, собственно говоря, никто от них тогда и не требовал особой политической активности. Если какой-нибудь представитель творческой интеллигенции и высказывался по поводу происходивших перемен в экономической, социальной или культурной сфере, делал он это, по большей части, по собственной инициативе, не обязательно по заданию.

Тогда по тбилиским улицам ходили несколько известных

рыцарей новейшей грузинской поэзии, и первым среди них был, без всякого сомнения, Галактион Табидзе.

Галактион Табидзе оказался связан с октябрьскими событиями в России напрямую, своей биографией. Он совершенно искренне именовал себя «поэтом революции». Об этом свидетельствует все его творчество того периода.

Это были годы, когда измученные и истощенные мировой войной противоборствующие страны прямо-таки пропитаны были революционной атмосферой (точно так же, как в предвоенные годы воздух пропитывается военным психозом, когда, по верованиям древних греков, Марс приближается к Земле). Вспомним в связи с этим одно место из предисловия к «Возмездию» Александра Блока, написанного в 1911 году: «Уже был ощутим запах гари, железа и крови: весной 1911 года П. Н. Милюков прочел интереснейшую лекцию под названием «Вооруженный мир и сокращение вооружений». В одной из московских газет появилась пророческая статья: «Близость большой войны».

По всей вероятности, именно влиянием этой революционной атмосферы объясняется крутой поворот автора «Мэри» и «Могильщика» к таким стихотворениям, как «Знамена, скорее!» (1917 г.) и «Корабль «Даланд» (1918 г.).

Впрочем, о Галактионе Табидзе речь впереди, в отдельном воспоминании. Ведь время, судьба, жизнь на многие десятилетия связала нас друг с другом. Огромную любовь к его поэзии я выразил в нескольких статьях, посвященных ему, и своих «20 стихотворениях Галактиону Табидзе».

Книга о творчестве Галактиона Табидзе, достойная его великой поэзии, еще не написана. Насколько мне известно, создать такую книгу намеревался, в годы пребывания за рубежом, Григол Робакидзе. Пожалуй, только ему, Григолу Робакидзе, по силам была такая задача. Но, к сожалению, писателю не довелось воплотить в жизнь свой грандиозный замысел, как видно, не осталось времени. Вообще же о личности и о жизни Галактиона написано довольно много, особенно в последнее время. (Из появившегося на свет в прежние годы особенного упоминания заслуживают монографии Нодара Табидзе и Реваза Тварадзе). Но, можно сказать, здесь далеко не все в порядке, как об этом с душевной болью свидетельствует самый достоверный свидетель жизни поэта, его племянник, ученый-литературовед Нодар Табидзе в предисловии к своей книге «Галактион», в так называемом «Сказанном на пределе». Послушаем его:

«Великая личность вовлекает нас в свою орбиту и подчиняет своей власти, поэтому нередко мы расцвечиваем, приукрашиваем действительность. На многое закрываем глаза, возводим ограду добра и благородства вокруг дорогого для нас человека, пренебрегая порядочностью и объективностью нашего мерила. Таким образом постепенно создаются определенные барьеры, выходить за пределы которых впоследствии становится чуть ли не кощунством. Но гении вовсе не нуждаются в нашем снисхождении. Наоборот, подобным подходом мы искусственно перегораживаем тропинки, ведущие к их внутреннему миру. Галактион был гением, и его жизнь требует не приукрашивания, а объяснения».

Создается множество новейших легенд о Галактионе Табидзе, в том числе и такие, которые его самого ставят в крайне неловкое положение, не говоря уже о его творчестве.

Галактион Табидзе был подлинным проявлением гениальности, и кое-кто, высказывая в наши дни удивление, а порой и возмущение по поводу того, что Галактион Табидзе оставался в свое время неизбранным в какой-нибудь торжественный президиум или депутатом в Верховный Совет, что ему недодали какую-то правительственную премию или награду, тем самым даже бросают тень на его память. Я и сам неоднократно пытался «втянуть» его хотя бы в повседневные литературные дела, но все мои усилия каждый раз оказывались тщетными.

«Нигде не чувствую я себя так сиротливо и одиноко, как в окружении других, в каком-либо обществе; мое отчаяние достигает тогда наивысшей точки, и я не знаю, как быть». Эти слова Галактиона приводит в своей книге его племянник и далее продолжает: «С таким человеком нелегко дружить. Поэтому и ходил он совсем один, почти как сирота. Особенно заметно было это на фоне голубороговцев. Общеизвестно, что ими, голубороговцами, был провозглашен культ дружбы».

Да, возможно, на всем протяжении истории человечества ни одна эпоха (и добавим здесь же — ни один великий деятель) так не нуждалась в строго историческом подходе и анализе, как наше недавнее прошлое, наш вчерашний день, как общественные и политические явления поднятой на дыбы революциями двадцатого столетия России и присоединенных государств.

Или еще: «Галактион в поэзии был глубок и мудр. Он не видел никого вокруг, кто мог бы вместе с ним тянуть ярмо,

возложенное им на себя. Зато в быту, в повседневной жизни он представал растерянным и простодушным младенцем, порой не без хитринки и лукавства, и потому для большинства оставался непонятым».

Точно такое же мнение о Галактионе Табидзе высказывал и его родной брат. И когда в наши дни читаешь сделанную когда-то самим Галактионом Табидзе в записной книжке запись: «Я воздвигну храм, храм своих страданий и мук, проникать в который заказано всем, кроме меня самого... Вот поэтому я остерегаюсь покидать этот храм, **опасаюсь сближения с людьми**», — еще раз убеждаешься, что, пожалуй, лишь Григолу Робакидзе по плечу была задача сказать проникновенное слово о феномене такого поэта, достойное его, весомое и выверенное. Как жаль, что он не успел этого сделать!.. (Впрочем, возможно, в архиве Григола Робакидзе и сохранились какие-нибудь записи, относящиеся к этому замыслу?). Галактион Табидзе как бы находился в ином измерении, ином пространстве:

Что было льдов голубизной,
зеленым звездопадом,
Росой истаявших небес,
неровной светотенью, —
Поэта волновало слух
певучим звукорядом.
Он слушал музыку вещей,
внимал их песнопенью.

Так же, как в России Блок, Брюсов, Маяковский, Есенин, Пастернак — в Грузии Галактион Табидзе, один из величайших лириков мировой поэзии двадцатого столетия, произвел поистине революционный переворот, переведя поэзию на политические рельсы, как сейчас говорят — «политизировав» ее (впрочем, сейчас употребляют и иной оборот: внес свой вклад в «приручение писателей»), сыграв главную и решающую роль в этом повороте такими своими произведениями, как «Джон Рид», «Корабль «Даланд», «Воспоминание тех дней», «Мы, поэты Грузии»... И как совершенно справедливо отмечает Нодар Табидзе, «лирическая натура Галактиона не всегда совпадала с его биографическими данными».

«Политизация» литературы произошла, разумеется, не сразу. Здесь следует сказать и то, что у грузинской литера-

туры, в результате многострадального прошлого страны, были в этом отношении немалые традиции, особенно, из классического наследия XIX века:

И Бога жертвенный огонь
Лишь потому в груди пылает,
Чтоб быть народу братом, — боль
Его и радость разделяя, —

таков великий завет, оставленный Ильей Чавчавадзе своим потомкам и последователям.

Эта традиция была прервана всего лишь на несколько лет, уже в нашем столетии, грузинскими символистами, проповедовавшими «искусство для искусства» и заявлявшими, что единственной плодотворной поэтической школой в Грузии являются «Голубые роги», исповедовавшие исключительно эстетические принципы. Но это, повторяю, всего лишь на несколько лет... Вскоре уже во всеуслышание были провозглашены иные лозунги: «Ставь день и час! Где подпись — там и дата!», «И каждый стих, и каждая строка становится ареной битвы классов!».

К исходу двадцатых — началу тридцатых годов политизация литературы была, можно сказать, завершена, и не просто завершена, а дошла до крайнего предела в превращении искусства в голое политиканство и организационную междоусобицу. Руководство страны — дело дошло даже до этого! — вынуждено было принять специальное постановление Центрального Комитета партии (апрель 1922 года) об упразднении превратившейся в чисто политическую организацию и безраздельно господствовавшую в литературных делах Ассоциации пролетарских писателей, членом которой состоял в свое время и я, совсем еще молодой, 21—22-летний человек, не имевший к пролетариату ни по своему происхождению, ни биографически никакого отношения! Это постановление знаменовало поворот литературы и искусства на 180 градусов, чего тогда от Компартии, говоря откровенно, никто не ожидал.

Наши писатели, так же как деятели всех сфер искусства и науки, не только творческой, но и практической своей деятельностью участвовали в торжественно-парадном марше воспевания и прославления новой Грузии. Распространилась практика творческих командировок писателей на новостройки. У нас в Грузии это были: командировки в Колхиду, где шла бит-

ва за осушение непролазных болот, в Самгори, на строительство РионГЭС и Зестафонского ферромарганцевого завода.

Практическое участие в общественной жизни и всенародных стройках сблизило писателей с руководителями и просто строителями этих объектов, названия которых не сходили тогда с газетных страниц. Именно так зародилась дружба Паолс Яшвили и Тициана Табидзе с выдающимся гидростроителем, одним из руководителей стройки РионГЭС Владимиром Джикия.

Одной из характернейших примет жизни Грузии конца 20-х — начала 30-х годов стало формирование национальной технической интеллигенции. Из двух известных нам главных составных частей социализма одной, как мы помним, была электрификация всей страны. И в Грузии широким фронтом развернулось строительство больших и малых гидроэлектростанций, выроставших, как грибы, на каждой более или менее полноводной реке. Это было в то время одно из наиболее массовых движений в нашей общественной жизни. Широко разнеслась тогда, к примеру, слава об одном из первых грузинских героев электрификации 20-х годов Бесарионе Чичинадзе, отличившемся на стройках России.

Создавалась новая интеллигенция, которая все больше привлекала внимание нашей общественности. И закономерно произошло так, что плечом к плечу с новой, романтически увлеченной масштабом своих задач технической интеллигенцией встали люди творчества — писатели, мастера театра и кино, художники, музыканты, одним словом — «профессиональные романтики».

Владимир Джикия в Грузии тридцатых годов среди новой технической интеллигенции был одной из наиболее заметных фигур.

Человек лет сорока, привлекавший взоры всех (особенно женщин) своим романтическим обликом, профессиональный революционер, принимавший непосредственное участие в революционном перевороте в Петрограде 1917-го года. Владимир одно время даже работал в комиссариате Петроградского военного округа, а в 1920-21 годах исполнял здесь же обязанности комиссара. В юношеские годы, учась в Кутаисской гимназии, он подружился с Владимиром Маяковским, Паоло Яшвили и Тицианом Табидзе. Далее в его биографии были физико-математический факультет Петроградского университета и электротехнический Технического института, где Джикия

получил диплом инженера-электрика. В годы знаменитого плана ГОЭЛРО он назначается заместителем начальника Волховстроя. Для освоения зарубежного опыта строительства гидросооружений неоднократно командировался в Англию, Германию, Швецию...

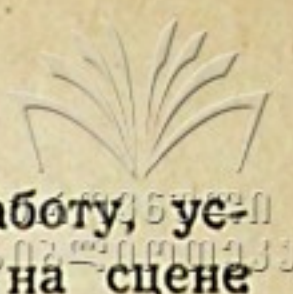
Вернувшись в Грузию, он некоторое время проработал Наркомвоенмором республики, но затем вновь вернулся к любимой специальности, встав во главе строительства различных гидроэлектростанций. Именно ему довелось зажечь огни ГЭС на древней колхидской реке, выдавшей в свое время еще аргонавтов.

Разумеется, человек такой биографии, с таким революционным и трудовым прошлым неизбежно должен был оказаться в центре внимания, окруженный романтическим ореолом воина и строителя. Тем более, что он, как и почти все мы в те времена, искренне и безоглядно верил во все, что ему поручалось делать.

...День торжественного открытия РионГЭС в Кутаиси навсегда останется в моей памяти. И тот день, и та ночь... Передать тогдашние свои чувства и впечатления в свое время я попытался в стихотворении «Чома». После окончания «третьего отделения» в кутаисском «Гранд-отеле» Владимир Джикия, когда дело уже шло к рассвету, умчал нас в Чому и «у духана Алавидзе застыл, как конь, автомобиль...».

Стихотворение Паоло Яшвили «Триста арагвинцев» своему появлению на свет обязано, можно сказать, как творческой командировке, так и социальному заказу! И то, и другое он в свое время поручил себе сам. Когда на стройке РионГЭС обнаружилась нехватка рабочих рук, он отправился в свою родную деревню Аргвета, сколотил там отряд из трехсот юношей и предоставил их в распоряжение своего друга, как когда-то пришли на помощь воинам-землякам, сражавшимся с многократно превосходившим их войском иноземных поработителей, триста арагвинцев.

Владимир Джикия успел не только пустить в действие РионГЭС, в ходе строительства он много сделал и для своего родного Кутаиси: отремонтировал и реконструировал немало исторических памятников в городе и его окрестностях, построил новую гостиницу... В то время его слава и популярность гремели по всей Грузии. Был он и отличным семьянином. Здесь я с удовольствием упомяну его супругу Тинатин, урожденную Сванидзе, которая по сей день живет в Тбилиси. В то время она считалась одной из красивейших женщин в Грузии. А их

дочь, Марика Джикия, ведет большую творческую работу, участвуя в Грузинском техническом университете и на сцене театра эстрады художественные вечера, отмеченные патристическим чувством и высокой культурой.

Да, в те годы привлекали всеобщее внимание два крупнейших события, связанные с Кутаиси: сооружение РионГЭС и блистательные спектакли Котэ Марджанишвили, собиравшие на премьеры зрителей буквально со всей Грузии. Мы, грузинские писатели, были в Кутаиси весьма частыми гостями. Тесная дружба Владимира Джикия, Паоло Яшвили, Тициана Табидзе, к сожалению, предопределила и дальнейшую их трагическую судьбу. К роковому исходу привела непримиримая вражда двух нестигаемых характеров, двух амбиций, двух обнаженных сабель — Владимира Джикия и новоназначенного тогда правителя Грузии. Их смертельное противоборство имело под собой не только политические, не только общественные, но и некоторые личные мотивы, когда, сойдясь лицом к лицу, ни один из них не захотел уступить другому.

Тридцатые годы в общественно-политической жизни Грузии начались и продолжались поистине ужасающе. Отмена НЭПа, курс на коллективизацию сельского хозяйства, откровенный уклон руководства Советской страны в сторону тоталитаризма и диктатуры, неизбежно порождали собственных диктаторов и на местах, в республиках, особенно в Грузии. Достигли зенита, вышли за любые мыслимые рамки предсказанные Морисом Мюрером «вымирание критической способности и рост слепой доверчивости государственным тенденциям».

Несмотря на то, что губительный курс 30-х годов на поголовную коллективизацию сельского хозяйства и уничтожение кулачества, как класса, подкосил народное хозяйство страны, до крайности, до страшной катастрофы, по крайней мере у нас, в Грузии (в отличие, скажем, от унесшего тысячи тысяч жизней голода в Поволжье и на Украине), дело не дошло. Это произошло, к нашему всеобщему сожалению, уже в наши дни, в эпоху перестройки и гласности. Трудности и разруха, принесенные революцией и гражданской войной, со временем оказались преодоленными. Хотя сейчас мы можем во всем масштабе судить об ужасающей цене, которую режим, без всяких моральных колебаний, заплатил за определенную стабилизацию положения. Стали пополняться продуктами и товарами полки магазинов и рыночные прилавки. Труд и деньги вновь

даться. Газета «Новая жизнь» еще раньше, в 1918 году напечатала (цит. по журналу «Литературное обозрение», 1988 г., № 12) слова Максима Горького: «А западный мир суров и недоверчив, он совершенно лишен сентиментализма. В этом мире дело оценки человека стоит очень просто. Вы любите, вы умеете работать? Если так — вы человек, необходимый миру, вы именно тот человек, силою которого творится все ценное и прекрасное. Вы не любите, не умеете работать? Тогда, при всех иных ваших качествах, как бы они ни были превосходны, вы — лишний человек в мастерской мира. Вот и все.

А так как россияне работать не любят и не умеют и западноевропейский мир это их свойство знает очень хорошо, то — нам будет очень худо, хуже, чем мы ожидаем».

Россия, весь Советский Союз взялись за работу.

Да, но как, каким образом удалось добиться этого? — вновь слышу я вопрос молодого человека из нынешнего времени. — Под флагом какой идеи? Социализма?!

А с другой стороны...

Окончательное искоренение частной собственности, несмотря на насаждавшийся всеми способами «государственный энтузиазм», немедленно проявилось своими отрицательными последствиями, в первую очередь, в народном хозяйстве страны. Очень скоро выяснилось, что за общенародную, государственную, социалистическую собственность ни у кого особенно душа не болит; государственная собственность вскорости оказалась по существу беспризорной, «бесхозной», ей предстояла безрадостная участь ржаветь и разрушаться от ненужности. Поэтому Сталину пришлось срочным образом опубликовать свои «Шесть указаний», из которых первым и главным было: безотлагательно объявить беспощадную войну обезличке. Вскоре за этим последовали и суровые государственные законы тридцатых годов.

Да, именно все это проходило под флагом социалистической идеи, того самого социалистического выбора, о котором сегодня говорят исключительно в иронически-саркастическом тоне. Но как раз сегодня нельзя забывать о том, что было вчера — было в действительности, в жизни, в нашем повседневном быту, на том этапе, когда «во все и веруешь, и веришь». Так же как и при НЭПе, в тридцатые годы, после тяжелых годов коллективизации, в жизни также оказались решенными многие экономические и социальные проблемы, люди (те, кто остались в живых после голода, репрессий, высылки) смогли перевести дух.

Перед моими глазами стоит поистине блистательная интеллигенция тех лет — писатели, ученые, мастера театра и кино, всех других отраслей искусства. Именами наиболее талантливых и честных из них действительно вправе гордиться и наша страна, и весь мир.

И именно в эти годы кресло первого человека в Грузии оказалось в руках нового правителя. Надо признать, что он использовал свою власть и могущество на все сто процентов! Сделал все возможное и невозможное, дозволенное и преступное для утверждения своего авторитета, своего культа.

Охваченный манией «вождизма» Правитель республики уже от всех окружающих без исключения требовал не только безропотного подчинения, но и единодушных восхвалений. Не могу сказать, что отвратительная эта болезнь тогда вообще впервые появилась на нашей планете, но именно в тридцатые годы она оформилась окончательно, стала массовой и повсеместной, превратившись в подлинную эпидемию лести и угодничества, которая вместе с манией «вождизма» стала двумя сторонами одной медали.

И это также проявилось сразу после ликвидации НЭПа, буквально на следующий день. Человек, лишенный какой бы то ни было собственности, не может быть свободен, не может быть и речи о его правах как личности. Эта простая истина в истории хорошо известна. Люди безвозвратно утратили многие рыцарские черты, которые еще кое-где сохранялись, особенно в натуре грузина, тем более — среди потомков родовитых фамилий. Чувство собственного достоинства (порой перераставшее в болезненное тщеславие) стало самой огорчительной из утрат. Поскольку оно неразделимо сочеталось с человечностью, учтивостью, воспитанностью, свидетельствуя о нашей древней культуре и образованности. Я прекрасно помню многих наших благородных старцев, вроде Шалвы Дадиани, которые окружали нас в двадцатые и тридцатые годы (что, кстати говоря, стало для них источником многих неприятностей, привело к многим жертвам). Боюсь, что этот ужас еще не окончательно вытравлен из нашего сознания, нашей жизни.

Лесть и угодничество, разумеется, присущи рабству. Они распространялись снизу вверх, забирались все выше и выше, и я даже не могу сказать, как их можно назвать, когда они достигали самой вершины пирамиды.

Так и шло наше поколение — сквозь тридцатые годы и последующие десятилетия, неизлечимо зараженное этой тяжелой хворью.

Грузинской общественности новый Правитель был достаточно хорошо известен и лично, и по его деятельности в до-революционные и послереволюционные годы. Он, как всем было ясно, не просто не дорос до столь высокого государственного поста. Он не имел права на него по моральным, человеческим качествам. Там и тут шептались о том, что низкий уровень образования несовместим с новым его положением. Хотя тогда это обстоятельство отнюдь не мешало пролезть к самой верхушке власти многим новоявленным партийным и государственным бонзам. (Впрочем, эта болезнь, как видно, была распространена не только у нас. Вспомним Сомерсета Моэма, его «Подводя итоги»: «Надо полагать, что для управления страной требуется специфический талант, совершенно не зависящий от общей талантливости... Для управления страной не требуется большого ума. Позднее я знавал в разных странах немало политических деятелей, достигших высоких постов, и тоже бывал поражен тем впечатлением интеллектуального убожества, какое они на меня производили».)

В Грузии тридцатых годов несколько молодых людей пострадали за довольно злую шутку: наш новый лидер не прочитал ни одной книги, появившейся после изобретения гутенберговского станка!

Моэм изложил свои наблюдения и обобщения. Я имею свои собственные соображения, свой личный опыт. Английскому писателю на его родине, да и во всем мире, не могли присниться политические события и ситуации подобные тем, которым мы стали свидетелями и очевидцами в нашей стране. К политической власти у нас из городов и деревень рвались люди, которые были обделены создателем во всех остальных сферах человеческой деятельности. Впрочем, снова замечу, как видно, не только у нас! Рональд Рейган, говорят, был голливудским актером. Да, был. Но он, судя по всему, не обладал большим актерским даром, который мог бы удовлетворить его ненасытные амбиции. Этот талант не смог полностью захватить, поглотить, увлечь только и только по артистической стезе, не оставляя времени и сил ни на что иное. Ведь все могло повернуться иначе, будь он не второстепенным голливудским актером, а, скажем, солистом Ла-Скала, новым Карузо или Паваротти! Будь у него оперный голос, он и не посмотрел бы в сторону политического поприща. Перечитайте воспоминания Шаляпина, и вы увидите, что он мечтал обо всем на свете, но никогда не думал о короне российского императора!

К сожалению, на протяжении трех четвертей столетия в нашей стране любой род занятий, любое поприще, где человек мог проявить свои способности и возможности, были перегорожены цепями и завалами, так что, скажем, способный коммерсант или высококлассный ремесленник оказывались выброшенными из социальной структуры общества.

Каким бы парадоксом это ни казалось, но наиболее лишенному каких-то талантов человеку открывалась дорога именно в политику, и он изо всех сил начинал бороться за кресло секретаря райкома или министра (как они именовались в наше время — народного комиссара)... Исключение составляли, пожалуй, лишь те, кто, повторяю, был наделен каким-нибудь даром от Бога.

Новый грузинский Правитель пришел к власти из карательных органов. Это назначение — если не принимать во внимание вполне понятное чувство удовлетворения работников этих органов — вызвало в республике острую и вполне определенную реакцию — недоумение, растерянность, удивление, опасение, а среди старых революционеров и крайнее возмущение. (По всей вероятности, именно в результате этого возмущения, а, может, и вследствие каких-то внутривнутрипартийных распрей и склок, отнюдь не редких среди соратников по революционной борьбе, против кандидатуры нового грузинского лидера резко ополчился в Москве «железный комиссар» — Серго Орджоникидзе, как об этом свидетельствуют «Тайный советник вождя» и другие, более надежные и достоверные источники). Помню, как ворчали тогда «старые большевики» — откуда только его взяли, кто он такой, этот выскочка, какие заслуги имеет перед революцией? Видно, они предчувствовали, что пройдет несколько лет и он всех их сведет в могилу. Мне довелось не раз беседовать со многими из этих людей, я хорошо знал их настроение, причем их недовольство и подозрительность относились не только к новоназначенному Правителю республики, но даже распространялись на самого Сталина: неужели, говорили они, всю эту великую революцию произвел только один человек! Они знали, что одиночке такое не под силу, но они еще не знали, что этот человек способен на все.

Да, старые большевики выражали недоверие и подозрительность. И как стало очевидно в те же годы, во многом небезосновательно. Известно, что книга «К истории партийных организаций Закавказья» была написана как откровенный ответ на труд старого революционера, коммуниста, в те годы —

секретаря Президиума Верховного Совета СССР Авеля Енукидзе, в котором он, как ему инкриминировалось, «не осветил должным образом роль и значение Иосифа Сталина в деятельности Бакинской партийной организации, или даже, кажется, вообще ничего не сказал об этой роли и значении. Автор честно описал все, что происходило в действительности на его глазах, ничего не прибавляя и ничего не убавляя (в конечном счете А. Енукидзе пал жертвой своего исследования по истории партии!) Но впоследствии, когда все победы и достижения революции стали приписываться Сталину, подобная честная и искренняя книга естественно прозвучала как крамола. И разве кто-нибудь тогда бы осмелился поднять голос в защиту авторов подобных трудов!

Страх воцарился кругом, стало опасным откровенно высказываться даже в кругу ближайших друзей или собственной семьи. Малейшая критическая нотка, малейшая правдивая мысль, если они не соответствовали «спущенным» свыше, были изжиты из обихода каленым железом — в подлинном, а не переносном смысле. Всякое слово, высказанное вслух, могло оказаться смертельно опасным, и многие стали жертвами собственной неосторожности. Среди тех, кто пострадал без вины, оказались, в частности, тогдашний председатель Союза писателей Грузии (занимавший эту должность по совместительству), старый большевик Малакия Торошелидзе и редактор журнала «Мнатоби» (также по совместительству) Георгий Курулашвили, опять-таки партиец с многолетним стажем. Оба они были ликвидированы сразу же после ареста, и уже на следующее утро газеты сообщили об этом. Им, разумеется, была известна правда, как и то, что сейчас эта правда никому не нужна, что она, наоборот, может оказаться опасной и губительной. Но, как видно, где-то они обмолвились неосторожным словом...

Так погибли в те годы многие видные партийные и государственные деятели Грузии. Среди них оказалось и немало моих родственников по материнской линии. Поистине, ни одну семью у нас беда не обошла...

Окончание следует

Перевод Эдуарда ЕЛИГУЛАШВИЛИ

Гиви ОРАГВЕЛИДЗЕ

ПОГРУЖЕНИЕ В ПЕЙЗАЖ

Погружение в пейзаж, вот что ощущаешь, вчитываясь в страницы поэтического сборника Владимира Саришвили под обобщенным названием «Стихи, поэмы, переводы» («Садовое кольцо», М.). Сама возможность подобного погружения — уже редкость в контексте стихотворчества наших дней, где господствуют раскол и разъятие, нервные тики и судороги, эпигонство традиций и поставангардные гримасы. Выражение «расколотое зеркало» из метафоры превратилось в штамп и уже совершенно ничего не отражает: ни в мире, ни в душе, ни просто в сумме абстрактных идей. Редок сегодня поиск гармонии, хотя бы на уровне личностной гармонизации непосредственно окружающих поэта предметов. А ведь лишь гармония зрения и слуха погружает нас в пейзаж, даже если это пустырь Сальвадора Дали или свалка Жан-Люка Годдара. Пейзаж — очерченная гармония пространства, как музыка — мерило времени.

Постоим у водоема вместе с поэтом: «Здесь тихо — лягушка не квакнет, капустница не промелькнет, лишь солнце перо обмакнет в чернильницу леса — и капнет случайная капля на толщу болот». Ах уж мне эти лягушки, что способны бесноваться, «...точно всадники в вестерне». Без них спокойней, когда «...в пахучей тине старого болота густые травы медленно жует и дразнит цапля... одной ногой, поджатой под живот». Жаль, конечно, что при виде нас «...серебряно-серый в орешнике прячется еж», зато в солнечных бликах перспективы «...скалы лоснятся, как стадо моржей». Озираясь вокруг, вы скоро отметите, как «...в насупленной кроне сутулого старого дуба лениво качаются ветви». Заходит солнце. Сгуща-

ются сумерки, а сумерки «...сизы, как дым корабельных куриллен». Здесь пространство заставляет вспомнить о времени, о запахе смолы на старинных судоверфях. Наступает ночь, меняется пейзаж: «Луны полуночной лимон ползет по небу цвета чая. И плешью желтою качая, змеится искрами среди волн». Ночь обещает быть тревожной, ибо «...облаком, как острой рыбьей костью, свет лунный подавился и пропал. И теплый ветер бил деревья тростью». Вообще ветер в поэзии В. Саришвили — частый гость. Он, как правило, необуздан и капризен, даже бывая «теплым»: «Ветер вывернул челюсти в необузданной ярости... тучи по небу выбросил, точно грешниц — на исповедь... кожу содрал с дорог, призывая на землк вьюги». Неуютно и дому, где «...ночью гвозди под ветром гнутся в позвонке». Все это крохи от сочных пейзажей южной природы, органично вплетенные в лирическую ткань стиха Саришвили.

Иначе осмысливается городской пейзаж. Здесь нет щемящих душу минут отдохновения, ибо «...колбасной шкуркой улицы легли над пустотой подземных переходов». Прежде всего, город Саришвили сер и скучен; он разъят на бытовые детали: «И мелькали-мельтешили мимо мирные дома, где капусту в борщ крошили, где, позевывая, шили, да читали А. Дюма». Вместе с тем, не только бескрылое и «тихое» мещанское счастье поселилось в этом городе. Значительно сложнее и драматичней сложились связи поэта с ним: «...дома, как мушкетеры, на мушку берут, на подоконниках щурятся даже герани, совесть на грани, и что-то клокочет в гортани»... Поэт беззащитен в этом зловеще сжимающемся круге: «Но что я там поделал мог старинной ржавой шпагой, когда вокруг полным-полно отточенных клинков». К тому же (и это особо подчеркнуто), его «...лишили права на провал в театре Жизни». Итак, капитуляция? И да, и нет. Да, ибо лишь духовную схватку приемлет поэт: «Нет ни одной из продуманных мозгом идей, которой найдется хоть хилая тень оправдания, когда в ее чреве зачата гибель людей». И нет, поскольку гармония, как и красота, если и не спасают мир, то уж надежду на большее количество Добра утвердить способны. Очень тонко прочерчена эта мысль в стихотворении «Пианист», где лирический герой, находясь в гостях в одном богатом доме, в двойном свете обзирает один и тот же предмет: «Я смотрел на узорный пушистый персидский ковер и спокойно подумал: «наверно, он бешено дорог». Но стоило пианисту сесть за рояль и заиграть Шопена, как тотчас же меняется восприятие поэта:

«Я опять посмотрел на узорный персидский ковер и невольно подумал: «О, как он пушист и прекрасен». Этот психологический этюд в творчестве В. Саришвили приоткрывает один из возможных вариантов обретения духовного блаженства через погружение в гармонию. Эти погружения — мир красоты естества и красоты искусства — как бы синтезирует изящный триолет:

Золотые шары на рождественской елке
Еле слышно звенят, еле слышно звенят.
И, пушистые, шепчутся в дебрях иголки,
Золотые шары на рождественской елке,
Не звените вразлад, не звените вразлад.
Ожиданья всегда неуютны и долги...
Золотые шары на рождественской елке
Еле слышно звенят, еле слышно звенят...

Владимир Саришвили принадлежит к поколению, входившему в литературу на изломе двух эпох, когда отступал тоталитаризм и наступали полосы противоречивых реформ. Парадоксально, но политизация общества не получила адекватного выражения в поэзии этого последнего поколения, во всяком случае — в поэзии российской. Не то переживали мы, дети хрущевской «оттепели», увидевшие в XX съезде чуть не зарю Свободы. А как видится свобода Саришвили? Пожалуй, в виде филигранной чеканки: «Ты вошла, избранница святых, с волосами цвета капель йода, на живую рану пролитых». Это не Марианна Делакруа, не каменная глыба, подобная небоскребу, у морских ворот США. Это пережитая в детстве болезнь.

Поэтическое поколение В. Саришвили заполняло пространство стиха, вернее — обочину этого пространства как-то безымянно, эдакими «тусовками»: совсем «тихие» (тихая лирика), щеголяющие пластичным рисунком размеров с аккуратно подогнанными полными рифмами, но с легким акцентом в надрывах, стилизованных под «серебряный век»; менее тихие, но вполне «пушкинастые» (с тягой, однако, к «истокам»); метафористы (с теорией о «метаметафоре»), более цельные и, на мой взгляд, самые талантливые, поскольку казались живей и оригинальней, несмотря на перепевы мотивов русского авангарда двадцатых годов. Отдельной строкой следует выделить верлибристов, отдельной еще и потому, что им было у кого непосредственно учиться. Я имею в виду Вячеслава Куприянова

и Владимира Бурича, этих рыцарей русского верлибра, смело скрещивающих шпаги с охранниками от соцреализма, объявлявших свободный стих неким атрибутом буржуазной культуры. Наконец, отмечу самых «громких» — поставангардистов. На именах не настаиваю, хотя в моей записной книжке они и значатся. В этом барокко русской поэзии наших дней немало карнавального, ocasionального, перелицованного, но есть и ценности несомненные. Увы, до них дела нет ни обществу, ни критике, ни издательским структурам. Мне приятно было обнаружить среди этих несомненных ценностей и стихи тбилисца Владимира Саришвили.

Что роднит В. Саришвили с его сверстниками в отмеченных группах? С «тихими» и «менее» — тяготение к традиционным формам стиха, с креном, однако, в формы «твердые» (сонет, триолет). И верлибр ему не чужд, но только в тех проявлениях, где есть повод к карнавально-бурлескным играм (как удачу отмечу «Аукцион»). Значительно сложнее выглядят его отношения с метафористами. На этом пути часты неудачи и срывы: некие случайности («Скучный, как ватный тампон, город ворочался в каменной пыльной постели»), или самоцельные эффекты («Над неостывшим трупом законченного дня рыдал осенний ветер»). Порой под крышей одного и того же стихотворения метафора одновременно обслуживает как пустые «находки» («В пепельнице луны сигара кометы потушена»), так и подлинную подоплеку поэтической мысли («Бар на углу дрожит, как держащий «угол» гимнаст»). В целом концептуальная сущность метафоры присутствует у него лишь в подтексте, о чем красноречиво свидетельствует сонет «Огни», пожалуй, лучший образец этого жанра.

Более близок Саришвили импрессионизм, где «символы» — лишь аксессуары, создающие «околостиховую» атмосферу, как, например, в пейзаже портового городка, когда «...был вечер, как задумчивость гитары Вейера». Чайки на мачтах сейнеров, одинокая женщина на скамейке под фонарем, пивная, где у стойки стоят стройные мулаты, влюбленные, шуршащие гравием вдоль пляжей, — все это музыкальный этюд, специально сочиненный для гитары. Отмечу, что музыка и живопись часто пронизывают словесную ткань в стихах Саришвили. Порой до того, что буквам не до слов, а словам — до конкретного смысла, если лишить их живописного фона и музыкального сопровождения. Моментами это обстоятельство пугает самого поэта: «...как буквы сгрудились, толкаются, просят в плоть, меж буквами нет ни судьи, ни слуги, ни монарха». Де-

ло в том, что в таких случаях «плотью» овладевает музыка, полосуя ее сочными мазками живописной кисти. Ситуация местами обостряется, ибо поэзия — искусство слова. Поэтому лозунгом Верлена «музыка прежде всего» следует пользоваться очень осторожно, памятуя «музыкальные шкатулки» К. Д. Бальмонта.

Специальное место в лирике Владимира Саришвили занимают разные «галантные» игры, своеобразный «покер души и разума», где пристальное внимание уделено картам. Однако здесь не только играют в азартные игры. Такие партии разыгрываются как бы за кадром, где «...как шулер на колоду, певица в зал глядит». Здесь больше вопрошают судьбу. «Вчера, в одном богатом доме, любовь раздали на туза. Червовый туз... Теперь мы знаем — любовь ушла. Но разыграем оставшиеся три туза. Бубновой масти — не болеть. И долго жить, и жить безбедно. Трефовой — сумрачно и бледно, пиковой — скорс умереть». Подобные эстетизированные гадания в сочетании со всплесками азарта, где правит бал «глупый» джокер из одноименного стихотворения, в итоге выливаются в прелестную пастораль абсурда под названием «Король Бу-Бу», разрез, который не был использован нашими «обереутами» двадцатых годов, зато прочно вписался в тематику сюрреализма. Поскольку мы уже находимся в «гадальном» контексте стихов Саришвили, я вижу, вытащив из колоды бубновую шестерку и трефового валета, некую сюрреалистическую перспективу в эволюции творчества этого поэта.

В «галантных» играх В. Саришвили немалое внимание уделяется куртуазным мотивам в нашем отнюдь не куртуазном мире. Странно, загадочно-грустно улыбаются нам принцессы и графы, бароны и лорды, как, например, лорд Мальборо, который «...на вилле пил вино... курил, почитывая Катулла... как дед его и пращур», ибо знал, что «...конец рождает бесконечность». Все эти аристократы кажутся картонными собеседниками, сошедшими с карточных изображений. В замкнутом пространстве красиво выстроенных строф они отвлеченно философствуют, умозрительно любят и страдают, делая вид, что вокруг них ничего и никогда не меняется. Разумеется, все это уже было: на английских гравюрах, на полотнах Ватто, под лунным сиянием Поля Верлена, в сонетах раннего Волошина... Было, но не так. Истина в этом «но», так как «эстетство» — не бранное слово, как нас уверяли соцреалистические теоретики, а один из главных элементов художественности как таковой. Целый пласт лирики Саришвили напоминает нам об этом, что

и оправдывает некоторые кокетства подростковой фантазии, особенно, когда карточные вельможи становятся фигурами на шахматной доске. Здесь я умолкаю, предоставляя гроссмейстерам поразмышлять над тем, что скрывается под таким загадочным построением, как « $4B^2 - 3ac = 28$ ». Полагаю, что и венки сонетов «Звездный час», своеобразная шахматная поэма, найдет своих читателей в интеллектуальной и не чуждой поэзии среде любителей и профессионалов шахмат.

Было бы неверно сводить традиции в поэзии к одному способу их внешней фиксации: к устойчивым формам размеров, способов рифмовок или отхода от них, ко всем этим внешним аксессуарам, именуемым стихосложением. Традиция или традиции (применительно к русской поэзии множественное число точнее) — в толще содержательных и многообразных процессов, связанных с эволюцией «мировидения» и мироощущения сменяющихся друг друга поэтических поколений. Вопрос непростой в русле даже «молодых» литератур. В России есть уроки классики, когда именно поэзия моделировала другие литературные жанры. Разве «Евгений Онегин» не оказался первым гениальным русским психологическим романом? Отсюда очевидна и устойчивость явления, обозначенного термином «психологическая лирика», где в центре внимания некое обобщение, часто называемое «лирическим героем». Да, это Пушкин, но не только. Да, это Блок, но не только он. Так не скажешь о Шелли, этого не отнесешь к Бодлеру. Речь, разумеется, идет не о русской поэзии в целом, поскольку не только Хлебников, но даже Некрасов — вне такого членения. Речь идет лишь об одной, но несомненно самой глубинной из традиций, в контексте которой развивалась русская лирика — о психологической подоплеке напева.

Вот почему так и тянет критиков, пишущих о поэзии, начинать свой анализ с выявления «лирического героя» и там, где он есть, и там, где его нет. Соцреалисты сочли этот прием весьма удобным для разделения поэтов на «наших» и на «чуждых». Не зря Маяковского они считали «попутчиком» — уж явно он не вытягивал на «психологию» истинного пролетария, как, скажем, лирический герой Демьяна Бедного.

В поэзии наших дней нарочито отмечен отход от лирического героя в пользу «эгоцентризма» автора, в пользу личностной идентификации. Владимиру Саришвили это близко, когда он отмечает: «О весна, исповедуй странника, по дорогам давно кружимого — полу-бражника, полу-бранника, полу-мыслями одержимого». Слово «странник» — скорее декорация,

главное — вычленишь из себя нечто именно собственное: «По-запутан в разных кличках (было даже Бельмондо). В «Автопортрете» он скажет: «Один мазок до сходства, до сродства, но свет иссяк, и ветер вполз на стекла». Это отсутствие заключительного «мазка» — важная деталь, говорящая об отходе поэта от психологической традиции, несмотря на культ классических форм. Но это и выход навстречу другим традициям. Думаю, желание поэта отождествлять себя с чем-то вышедшим из моды (с «бричкой» или с «бутылкой с письмом») — скорее кокетство, ибо он прав, когда заявляет: «...все люди давно по событиям рассованы, но я — вне событий». Под этим «внесобытийным» углом, вольно или невольно, придется молодому поэту искать это «сходство» или «сродство» с тем, чтобы в итоге от них же освободиться. А пока? Пока он не может не отметить, в каких драматических условиях придется в наши дни работать искусству: (

В ночь комбинированных ласк
Мы были нефотогеничны,
Любовь и страсть неидентичны
На этот раз.
Как несвободно нам с тобой
Лежать на белой сцене. Тонко
Звенит испорченная пленка
Под кинокамерой слепой.

Рэмон ДЮГЕ

Москва и страстотерпство Грузии

ГЛАВА X

ПРЕСТУПЛЕНИЯ БОЛЬШЕВИКОВ И ИХ ЧУДОВИЩНЫЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ ВЫЗЫВАЮТ ВСЕ БОЛЬШИЕ ВОЛНЕНИЯ

П овальные аресты и расстрелы, жуткие пытки политзаключенных, применяемые большевиками в тюрьмах, вызвали волнения в народе. Как я уже говорил, под предводительством полковника Чолокашвили восстала Кахетия и разгромила большевистские отряды, прибывшие на подавление восстания.

За этим последовали партизанские выступления по всей Грузии.

Восстание 1923 года охватило Гурию. Туда был направлен карательный отряд красных, возглавляемый бывшим каторжанином, чекистом Оболадзе. Он разорил села, предал огню жилища крестьян, безжалостно истребил население. Чаша терпения истерзанного народа переполнилась: поблизости от г. Озургети Оболадзе забросали гранатами, и хотя город охраняло 150 русских солдат, Оболадзе это не спасло.

Возмездие большевиков не заставило долго ждать. С присущей им трусостью (это надо особо отметить) красные расстреляли в Тифлисе 92 невинных заключенных. Эти несча-

Окончание. Начало см. в №№ 7, 9—10, 11—12, 1992 г., № 1, 1993 г.

стные не были причастны ни к гурийскому восстанию, ни к убийству Оболадзе, так как уже давно находились в заключении, некоторые из них — больше года.

Уверенные в безнаказанности своих деяний (грабежах, разрушениях, арестах, убийствах, расстрелах), большевики грозятся, что со дня убийства Оболадзе все заключенные будут считаться заложниками. И если еще раз будет предпринята хотя бы попытка подобного нападения, все заключенные будут немедленно расстреляны. Это происходит в марте 1923 года.

Некоторые факты дают большевикам повод думать, что центр сопротивления, возглавляемый генералом Котэ Абхази, находится в Тифлисе. Князя обвиняют в подготовке восстания и берут под стражу. Вскоре его судьбу решает ЧК. Без всякого суда выносится приговор. 20 мая 1923 года приговор приводится в исполнение: генерал Котэ Абхази расстрелян. Подобная участь постигла многих лучших офицеров бывшей грузинской армии. И несмотря на то, что не нашлось ни одного документа, подтверждающего их вину, ЧК без суда и следствия решила их судьбу.

Красные искали новый объект преследования: на сей раз мишенью была избрана религия, по словам самих же большевиков, они атаковали небо. В последующие месяцы началась беспрецедентная борьба против грузинской церкви. Повсеместно закрывались церкви и растаскивались бесценные церковные сокровища. Медные колокола отправляют на переплавку.

Духовенству запрещается носить бороды¹, рясу. Но большевики не могут довольствоваться только этим, они начинают преследования духовенства, аресты. Оставшаяся без пастыря паства проводит тайные собрания для того, чтобы помолиться, отметить религиозные праздники. Все это напоминает эпоху раннего христианства.

Одновременно в Тифлисе проходит наглый и возмутительный судебный фарс.

В густонаселенном пригороде, в специально подобранном для зрелищ неустроенном зале, проводится судебный процесс над патриархом Амброси. Вместе с ним судят духовных лиц, которые имели смелость защищать религию и отечество.

Процесс ведется открыто. Объявлено, что вход «свободный», в действительности же ведется тщательнейший отбор.

¹ Этот унижительный запрет постепенно укоренился.

В зал не впускаются известные представители интеллигенции, поборники христианства. Вход свободен лишь нанятой публике, чекистам, молодым коммунистам и им подобным.

И вот перед этими подонками предстало грузинское духовенство. Духовенству ставится в вину сопротивление существующему строю и сокрытие церковных ценностей. «Вина» патриарха Амброси более тяжкая: он обратился за помощью к Западу и потребовал вмешательства делегатов Генуэзской конференции во внутренние дела Грузии.

Прекрасный пример гражданского мужества продемонстрировала часть грузинских адвокатов. После установления красного режима грузинские адвокаты не принимали участия в судебных процессах, но немедленно изъявили желание выступить в защиту духовенства. Адвокаты разделили участь обвиняемых и вместе с ними подверглись площадной ругани, топоту, свисту, физическим оскорблениям. Это вытворялось специально подобранной, отвратительной, грубой, слепой толпой. Невиданное глумление происходило не только в зале, но и по всему пути следования, который должны были проделать обвиняемые от тюрьмы до зала суда и обратно.

После невыносимо мучительной десятидневной пытки как для обвиняемых, так и для адвокатов, патриарху вынесли смертный приговор (который затем заменили девятью годами лишения свободы. Позднее патриарха помиловали и отпустили). Остальным служителям церкви были присуждены различные сроки заключения. Оправдали лишь кутаисского митрополита Назара за отсутствием улик. Но во время восстания 1924 года он все же был схвачен и расстрелян большевиками.

Примечательно то, что гонения на религию методически организовывались Москвой. Тут лучше использовать отрывки из записей Шалвы Амирэджиби. Он был очевидцем всех событий.

«Большевики враги всяческих религий. Они еще раз подтвердили это в Грузии, когда в 1923 году проявили неслыханную ненависть к религиозной идее: закрыли церкви, арестовывали представителей духовенства, распродали и растаскали святыни. И все это делалось ссылаясь на волеизъявления народа».

Даже мысль о том, что грузинский народ противник религии, свидетельствует об абсолютном незнании истории Грузии. На протяжении пятнадцати веков грузинский народ боролся с исламом. И то, что большевики именуют «антирелигиозным народом», это всего лишь комсомольцы — члены союза молодых коммунистов.

Комсомол состоит из безработной молодежи. Эти молодые люди разыскивались полицией за воровство, пьянство, безнравственность. Некоторые из них были осуждены. Среди них имеются и девушки. Так выглядит костяк сей советской организации. Вот какие люди считаются подлинными гражданами сегодняшней Грузии.

Комсомольские прихвостни надеются, что в награду за службу красному правительству большевики обеспечат им хорошее будущее. Комсомол везде и всюду на службе у большевиков. Комсомол знаменосец большевизма и с песней «Интернационал» возглавляет все уличные шествия и манифестации. Комсомол враг всяческой морали и традиций. Он угрожает «мировой буржуазии», поносит европейские нации. Комсомольцы готовы истребить каждого инакомыслящего. Они ничуть не похожи на наивную жертву революции — очаровательного Гавроша. Зарплату комсомольцам платит красное правительство. Это беспринципная, безнравственная, отвратительная, способная на все, преступная молодежь. Она отрицает культ предков, и икону Божьей Матери им заменяет снимок Розы Люксембург.

Для построения нового коммунистического общества большевики опираются на эту развращенную молодежь. Но они заблуждаются: нового общества не создашь, опираясь на подонков старого.

Красные превратили комсомол в весьма значительную организацию. Каждый комсомолец уверен, что они станут заменой нынешних Советов.

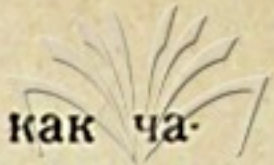
И вот этим подонкам большевики поручили борьбу против грузинской церкви. Они рьяно приступили к разрушению церквей, снятию крестов с колоколен, грабежу храмов, растаскиванию церковных святынь. В короткий срок комсомольцы разгромили 15.000 церквей.

Хотя следует отметить, что возмущенное население заставило распрощаться с жизнью не одного инициатора этого жуткого действия.

Большую часть духовенства либо сослали, либо упрятали в тюрьмы. Церкви превратили в большевистские театры, клубы, кооперативы.

Патриарх Амброси сидел в тюрьме, а его дворец и церковь использовались для большевистских сходок.

Военную церковь в Тифлисе переделали в комсомольский клуб. Сняли колокола и заменили святые кресты на пятиконечные звезды.

Некоторые разграбленные церкви использовались как частные дома, в которых проводились комсомольские оргии.

В Тифлисе, около одной церквушки поставили гипсовую скульптуру Ленина. Во время прогулки по городу Троцкий, проходя мимо этой церквушки, обронил: «Здесь должен стоять либо памятник, либо церковь». Спустя несколько часов церковь была закрыта, а через несколько дней — разрушена.

В Кутаиси, в центре города на площади стоял старинный величественный храм. Коммунисты пожелали использовать площадь для митингов. Храм немедленно снесли.

Вот каким образом почитали эти варвары древние шедевры искусства и их создателей. Всех примеров вандализма красных и не перечислить!

Кутаиси пережил чудовищные разрушения.

В четырех километрах от древней столицы Имерети расположен монастырь VII века, известный своими реликвиями. Монастырь воздвигнут на берегу реки Цкалцитэла (Красноводная), получившей это название из-за красного цвета земли. Монастырь стоит в окружении зеленых гор. Здесь покоится прах двух братьев св. Давида и св. Константина, правителей Аргвети. В VII веке братья возглавили восстание против арабов, были пленены мусульманами и после жестоких пыток убиты, а их тела сброшены в реку. После изгнания арабов прах братьев был обнаружен в монастыре в двух украшенных драгоценными камнями гробах. С тех пор монастырь стали называть «монастырем мучеников» и прах святых покоился здесь на протяжении веков. Люди почитали свои святыни, каждый год направлялись на молебен к мощам святых мучеников, отдавших жизнь за Христа и Отечество!

Легенда гласит, что мощи святых были неприкосновенны. В мае 1923 года коммунисты решили доказать населению, что от мощей святых осталась только пыль.

Собрались чекисты и комсомольцы, пригласили врачей. Все пути, ведущие к монастырю, охраняли большевистские отряды. Монастырь оказался запертым. Монахи покинули его, не желая присутствовать при осквернении святынь. Коммунисты взломали двери и ворвались в монастырь. Началась чудовищная сцена святотатства. Были вскрыты оба гроба. Врачей заставили письменно подтвердить, что мощей святых не было и в помине. Затем каждый коммунист взял в руки часть скелетов св. Давида и св. Константина и этот зловещий кортеж направился к Кутаиси. Впереди развевались советские знамена.

Оказывается, это мероприятие проводилось в целях воспитания и просвещения населения.

Участники неслыханного святотатства походили на банду антропофагов, несущих кости только что съеденных ими несчастных.

В одной из машин этого кортежа сидел большевик, который держал в руках черепа. Стуча ими, он выкрикивал: «Если они святые, пусть меня накажут!..» В толпе раздавались возмущенные выкрики: «Ты уже наказан, несчастный... Спят!» Некоторые арестовали там же. Кости вынесли для того, чтобы доказать людям, что никаких мощей не существовало. Населению было приказано осмотреть останки. Но поползли слухи, что мощи были перепрятаны монахами в надежное место. Люди поверили в это и передавали друг другу радостную весть.

Чудовищное святотатство не отвратило народ от религии. Нещадные гонения на религию продолжались по всей Грузии.

Жизнь становится невыносимой, особенно для патриотов. Восстание не за горами.

Интеллектуальная жизнь полностью уничтожена. В литературе, прессе, во всех областях искусства грузины вынуждены подчиняться ограниченному и бессмысленному большевистским директивам, государство является полновластным хозяином. На любую публикацию необходимо разрешение. У властей нужно просить бумагу, им должен быть представлен публикуемый текст. Не трудно представить, какой была красная цензура!

Все театральные залы объявлены большевистской собственностью. Красные власти самолично подбирают пьесы для постановки. В репертуаре только те пьесы, которые служат целям большевиков. Разумеется, осуждается все, что вызывает патриотические чувства.

Для красных приемлем единственный жанр искусства — скульптура.

И правда, каждый скульптор, который ваяет Ленина, либо другого известного большевика, независимо от того, жив он или нет, тотчас же попадает в фавор. Ему платят бешеные гонорары, почитают и поклоняются.

Большевики страдают «каменной» болезнью. Они уверены, что чем чаще увековечится тот или иной коммунист в камне, тем большее впечатление произведет он на население.

Следователи и судьи изгнаны. Действуют только трибуналы. Отравляются сознание и дух студентов. Пытаются внести

раскол в юридическое отделение Тифлисского университета. В учебную программу вносится марксизм и советское право (сочетание этих слов звучит весьма необычно). Но по этим предметам занятия не были проведены, так как ни один грузинский ученый не пожелал читать лекции по этим предметам. Красные же не располагали образованными людьми, которые бы смогли прочесть курс лекций.

Промышленность разваливалась. Все, что поставлялось Западом, либо уже не поступает, либо — в малых количествах, да и то для высокопоставленных коммунистов.

Если не желаешь умереть с голоду, то горожанину необходимо стать функционером советского государства. Должен стать его верным служителем. В таком случае будешь получать хотя бы минимальную зарплату, правда, недостаточную для существования, но достаточную для того, чтобы не протянуть ноги. Люди постепенно распродают свои вещи, одежду, словом, все, что имеют, чтобы как-то продержаться, не умереть с голоду. Покупателей мало. Для того, чтобы водились деньги, нужно быть либо пройдохой, либо коммунистом. Города и деревни превратились в толкучки, которые свидетельствуют о нищете и безысходности.

Если ко всему этому добавить многочисленные и высокие налоги, то нетрудно понять, что эта страна, постепенно разоренная красной тиранией, в конце концов должна была восстать против поработителей.

ГЛАВА XI

ВОССТАНИЕ 1924 ГОДА

В августе 1924 года в Грузии вспыхнуло восстание. Оно началось 28 августа в Чиатура, а спустя несколько дней охватило всю страну.

В Гурии, Мегрелии, Имерети, Сванети сразу же удалось сбросить большевистское ярмо, захватить и изгнать варваров. Восставшие под предводительством полковника Чолокашвили действовали и в окрестностях Тифлиса.

Воспрявшее духом население города с нетерпением ожидает прихода победителей. Положение красных критическое.

Сложно воссоздать точную картину восстания (история пока молчит по этому поводу, как и о прежних сражениях с

красными). Мне же удалось собрать рассказы очевидцев этого восстания. Приведу некоторые из них.

С началом восстания повстанцы захватили многие пункты — Душети, Манглиси, Сенаки и др. Следует отметить, что сопротивление красных было слабым. В Манглиси, например, красногвардейцы сразу же сложили оружие и скрылись в лесу. Они вступили в сражение лишь тогда, когда из Тифлиса прибыло солидное подкрепление с точными директивами.

Как правило, большевистская армия сражается не с восставшими, а с населением. Прибывшие из России и укомплектованные в основном русскими, отряды карают мирное население, ничуть не считаясь с тем, что эти люди непричастны к восстанию.

В местах, где господство красных не пошатнулось, начинаются кровавые репрессии — разрушения, поджоги, аресты, избиения, расстрелы.

На местах, наряду с красногвардейскими, создаются специальные отделения ЧК. Отделения состоят из большевистской тройки и пользуются неограниченными правами.

Эти маленькие ЧК действуют беспощадно. Когда восставшие вынуждены отступить и скрыться в лесах, чекисты принимаются расстреливать мирное население. Списки приговоренных составляются заранее. В этих списках указывается лишь количество подлежащих расстрелу в том или ином населенном пункте, причем имя и фамилия, пол и год рождения не имеют никакого значения. Главное — количество. Так, например, в селе Бандза чекисты определили для расстрела 25 человек, но деревня оказалась маленькой и чекисты смогли схватить всего десять человек. Недоставало пятнадцати приговоренных, и их надо было найти во что бы то ни стало. Так они и сделали: в близлежащей деревне схватили недостающих 15 человек и всех вместе пустили в расход. В Чиатура арестовали 150 человек, в основном крестьян, рабочих, студентов. Свезли их в Зестафони, загнали в товарные вагоны и расстреляли из пулеметов.

Множество народу было расстреляно в Кутаиси, среди них десять священнослужителей и митрополит Назар, старец 70 лет. Рассказывают, что перед расстрелом святого старца красногвардейцы выстрелили в воздух, и тогда разъяренная чекистка собственноручно расстреляла в упор безвинного старца. В невиновности митрополита никто не сомневался.

В Сенаки расстреляли и изувечили 300 человек.

Повсюду проводятся повальные аресты. В основном, аре-

стывывают князей, дворян, интеллигенцию, бывших офицеров грузинской армии, крестьян, близких и дальних родственников повстанцев. Сколачивают человеческие колонны, выводят на окраины населенных пунктов и расстреливают.

Жестокость красных беспредельна.

В Телави арестовали пожилого князя Джорджадзе и еще 16 человек. Разумеется, их всех приговорили к смерти. Сын князя Джорджадзе был комсомольцем. Он обратился с просьбой о помиловании к начальнику ЧК Джапаридзе, тем более, что князь Джорджадзе был невиновен.

— Я ведь ваш, — обратился молодой человек к чекисту Джапаридзе.

— И сына нужно расстрелять за то, что имеет такого отца!.. — ответил чекист.

Ослепленный яростью, юноша выхватил револьвер и выстрелил в Джапаридзе, но всего лишь ранил его.

Чекисты моментально скрутили молодого Джорджадзе. Согнали в комнату 17 жертв и расстреляли на глазах у юноши, а в заключение и его самого.

Но правда все же восторжествовала, и спустя несколько дней Джапаридзе скончался от полученных ран.

Точной цифры никто не знает, но говорят, что в результате зверских репрессий погибло 7.000 человек.

Самые многочисленные расстрелы происходили в Тифлисе. Жертвами, в основном, были тифлисцы, за редким исключением встречались жители других районов. Истребление мирного населения достигло таких масштабов, что даже руководящие расстрелами чекисты призадумались. Они потребовали от красного правительства присутствия на казнях кого-нибудь из его членов, чтобы ответственность не возлагалась только на чекистов. Их просьба была удовлетворена. С тех пор на расстрелах присутствовали члены правительства.

Я должен назвать некоторых людей, расстрелянных московскими варварами.

Бывший министр грузинского правительства Хомерики.

Бывший городской голова и депутат Учредительного собрания Чхиквишвили.

Бывший военачальник грузинской национальной гвардии Джугели.

Генералы Каралашвили и Пурцеладзе, полковник Гардапхадзе, князь Вачнадзе...

Вот какими беспощадными репрессиями было подавлено восстание. Во всем этом грузинским большевикам помогала Россия. Был отдан приказ в случае надобности направлять в Грузию все новые карательные отряды.

Красная диктатура в первую очередь навела порядок в городах и селах. Постепенно закрепились в горных районах, хотя именно в горах встретила яростное сопротивление. Так было перед восстанием, во время восстания и после его подавления. Дстойное и мужественное руководство сплотило, вооружило и обучило отряды горцев, беспрестанно ведущих партизанскую борьбу и держащих большевиков в постоянном напряжении.

Из всех предводителей, объявивших большевикам беспощадную борьбу, самым знаменитым являлся конечно же князь Чолокашвили. Им гордится каждый грузин. Несомненно, имя полковника Чолокашвили войдет в историю Грузии как символ героизма, мужества и самопожертвования.

Будучи лейтенантом русской армии, князь Чолокашвили проявил себя еще в годы первой мировой войны 1914-18 гг. На Закавказском фронте он возглавлял отряды, в задачу которых входило приостановление продвижения турок и вытеснение их к югу. В плачевно окончившейся для турок Саракамышской битве (около 20.000 турок погибло и замерзло в высокогорном регионе) Чолокашвили был ранен, но несмотря на это не прекратил борьбы и захватил стратегически важный пункт, который определял дальнейшую судьбу военной операции. Даже раненый Чолокашвили не покидал поля боя. Лишь получив третье ранение, он потерял сознание и был госпитализирован.

Разумеется, подобный храбрец не смог бы спокойно отнестись к господству красных на своей родине.

Как я уже говорил, с 1922 года он скрывался в горах, откуда начал вести партизанскую борьбу. Эта борьба прекратилась лишь после подавления восстания 1924 года.

Чолокашвили подавал примеры мужества. Его боготворили и слепо повиновались ему. Однажды он ненадолго оставил горы и тайно появился в столице. Хотя его, неусыпного врага большевиков, могли опознать, он не колеблясь прибыл в Тифлис, так как обстоятельства требовали его присутствия.

Офицер подобной закалки имеет полное право требовать невозможного от своего обученного, дисциплинированного, сплоченного отряда. И поэтому не удивительна продолжительная

борьбе, которую он вел против большевиков. Это была воистину героическая эпопея.

Рассказам о героических поступках Чолокашвили, наверное, не хватит целой книги. Я прошу прощения за то, что приведу всего три эпизода.

В селе Симонианткари расположился красный отряд в составе 250—300 человек и часть «ЧОН»а. «ЧОН» — части особого назначения — организация подобная коммунистической жандармерии. Большевики всегда пользуются ими для подавления народных волнений.

Полковнику Чолокашвили доложили о прибытии этой части. Он срочно отобрал 80 лучших бойцов и под покровом ночи спустился вместе с ними в село, собираясь атаковать чоновцев. Но так как красные бдительно охраняли село, Чолокашвили изменил план нападения. «С ними надо действовать иначе», — решил полковник. В том месте, где большевики заметили их появление, он оставил несколько бойцов, тем самым отвлекая внимание неприятеля. А сам же с основным отрядом обошел село и на рассвете напал с совершенно другой стороны, внезапным ударом захватив село. Растерявшийся противник в панике оставил коней, боеприпасы, продовольствие, словом, все, что было так необходимо повстанцам. В спешке большевики оставили и товары красного кооператива (государственную собственность). По приказу полковника товар был роздан местному населению.

Чолокашвили направлялся из Пшави в Кахети с отрядом в 60—70 человек. Ему предстояло проехать через поселок Душети. В Душети, расположенном в 40 км от Тифлиса, большевики арестовали несколько сотен грузин и держали их в заложниках.

Отряд Чолокашвили совершил внезапное нападение, обратив в бегство душетский гарнизон и освободив заложников. В трофеи отряду достались продовольствие, обмундирование, кони, оружие, деньги...

Однажды полковник намеревался переместиться из Кахети в другую провинцию, где его присутствие было обязательно. Чолокашвили, с большим отрядом предстояло проехать территорию, занятую большевистскими войсками.

Приблизившись к какому-то маленькому селению (название я не знаю, оно расположено между Ахмета и Душети), полковник сделал привал в лесу, откуда вся деревня виднелась, как на ладони, и попросил у сельчан хлеба для отряда.

Население, обрадованное тем, что хоть в чем-то может

пригодиться князю с его людьми, принимается
за выпечку хлеба.

Расположившийся недалеко от селения отряд красных заметил дым, тянувшийся к небу. Обычно, в такой час хлеба не пекут. Что же происходит? Опытный командир отряда смекнул: хлеб выпекается для мятежников. Он отправил в селение дозор, который принес весть, что там все спокойно, а вот в лесу, должно быть, что-то происходит. Красный отряд разделился, намереваясь с двух сторон окружить лес, тем самым перерезав путь повстанцам, захватить их.

Как я уже говорил, из лесу все было видно как на ладони. Правда, бойцы отдыхают, бодрствуют только часовые. Один из них, заметив опасность, поднял тревогу. Чолокашвилевские бойцы схватились за оружие, раздалась отрывистая команда. Показался и головной отряд красных. Для тех, кто непривычен к сражению в горах и лесу, это поражение, но для воинов, которые уже несколько лет сражаются в таких условиях — это победа.

Две группы бесшумно направились в сторону красных. Под прикрытием леса одна группа зашла к красным слева, а другая — справа. Авангард красных оказался в капкане. Повстанцы с обеих сторон открыли огонь. Большевики опешили, и, думая, что попали в окружение, спаслись бегством.

Второй отряд красных шел слева. Внезапно чолокашвилевский отряд оказался между вновь прибывшими и спасающимися бегством красными. И тут случилось невероятное. Обезумевшие большевики стали стрелять друг в друга. Чолокашвилевскому отряду осталось только затаиться и принять роль наблюдателя.

Дольше всего борьба продлилась в Сванети. Но в октябре 1924 года повстанцы прекратили сопротивление. Что же им оставалось? Их теснили со всех сторон. Все новые и новые русские войска переходили через Кавказские горы. Враг намного превосходил их, но грузинские патриоты, не теряли надежды. И не утратят ее. И сейчас скрываются они в горах. Кое-где вновь продолжается партизанская борьба против палачей их отчизны. И она прекратится лишь тогда, когда Грузия вновь обретет свободу.

Перевод с французского Мэни БАКРАДЗЕ
и Ирины ЗУРАБАШВИЛИ

• * *

Постановлением парламента Республики Грузия от 7 мая 1993 год объявлен годом милосердия.

В ЧЕСТЬ ДНЯ ПОБЕДЫ

9 мая много лет отмечался в календаре как праздничный. Грузия всегда чтит память более 300 тысяч своих сынов, павших на фронтах Второй мировой войны, и воздавала должное вернувшимся с победой. Однако в последние годы определенные силы пытались принизить значение этого дня, убеждая население, что ветераны сражались за имперские, чуждые Грузии интересы. Народ Грузии, отправивший на фронт более 700 тысяч человек (каждого пятого жителя), отверг эти измышления.

9 мая нынешнего, 1993 года, по традиции, состоялись торжественные церемонии, посвященные Дню Победы. Люди чествовали отважных фронтовиков, боровшихся с фашизмом.

Глава государства Эдуард Шеварднадзе, спикер парламента Вахтанг Гогоадзе, министр обороны Грузии Георгий Каркарашвили и другие члены правительства возложили цветы к Вечному огню на могиле Неизвестного солдата в парке Победы и на могилы мемориального кладбища воинов, погибших уже в наши дни в боях за суверенитет Грузии.

К Вечному огню в парке Победы были также возложены венки от посольства Российской Федерации в Грузии, Группы российских войск в Закавказье и Закавказского пограничного округа российских погранвойск.

Постановлением парламента Республики Грузия от 13 мая Грузия присоединилась к Венской конвенции «О дипломатических отношениях» 1961 года.

14 мая Председатель парламента Грузии — Глава Грузинского государства Эдуард Шеварднадзе встретился в Москве с Президентом России Борисом Ельциным.

«Коммюнике о встрече Б. Ельцина и Э. Шеварднадзе.

14 мая 1993 года в Москве в соответствии с предварительной договоренностью состоялась рабочая встреча Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина и Главы Государства — Председателя парламента Республики Грузия Э. А. Шеварднадзе.

Руководители двух государств обсудили весь комплекс российско-грузинских отношений и подтвердили свою решимость добиваться их улучшения на основе взаимного уважения государственного суверенитета и независимости, принципов территориальной целостности и нерушимости границ.

Б. Н. Ельцин и Э. А. Шеварднадзе подтвердили необходимость срочного завершения подготовки соглашений, создающих договорно-правовую базу двустороннего сотрудничества, в том числе всеобъемлющего договора, определяющего межгосударственные отношения между Россией и Грузией. Стороны будут стремиться к скорейшему его подписанию, которое при благоприятных условиях, в частности, успешном ходе урегулирования в Абхазии, могло бы осуществиться в недалеком будущем, возможно, в июне.

В центре обсуждения находились вопросы урегулирования вооруженного конфликта в Абхазии. Участники встречи были единодушны в том, что он должен быть решен политическими средствами. Стороны условились, что будут обеспечены необходимые договоренности о вступлении в силу с 20 мая с. г. прекращения огня в Абхазии, имея в виду, что все вовлеченные в конфликт формирования прекратят боевое применение авиации и артиллерии, осуществят в последующем вывод тяжелой военной техники из зоны конфликта. Стороны согласились ускорить подготовку документов к повторной встрече по Абхазии на высшем уровне в формате Московского Итогового документа от 3 сентября 1992 года.

Была отмечена также необходимость приступить к полномасштабному урегулированию грузино-осетинского конфликта.

В целях координации действий по урегулированию конфликтов главы двух государств условились назначить своих личных полномочных представителей.

Участники встречи высказались за активизацию роли ООН и СБСЕ в мирном урегулировании конфликтов.

Большое внимание было уделено вопросам временного пребывания на территории Республики Грузия воинских частей и пограничных войск Российской Федерации, их правового статуса, положению и безопасности российских военнослужащих и членов их семей, равно как безопасности гражданского населения республики.

Участники встречи убеждены, что нормализация отношений между Российской Федерацией и Республикой Грузия, включая торгово-экономические связи, окажет благотворное влияние на укрепление стабильности и мира на Кавказе и за его пределами.

Москва, 14 мая 1993 года».

КОНТРОЛЬНЫЕ

Главный редактор **Роман МИМИНОШВИЛИ**

Редакционная коллегия:

Чабуа АМИРЭДЖИБИ, ИГОРЬ БОГОМОЛОВ, Тенгиз
БУАЧИДЗЕ, Нана КАНДЕЛАКИ, Камилла КОРИНТЭЛИ
(зам. главного редактора), Лия СТУРУА, Георгий
ЧАРКВИАНИ.

Технический редактор К. Котомина

Корректор И. Ахсахалян

Сдано в набор 5.04.93 г. Подписано к печати 9.08.93 г.
Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Печать
высокая. Печ. л. 7,0. Усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 14,0. Ти-
раж 400. Заказ 505. Цена 40 куп.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

При обнаружении полиграфического брака просим обращаться в
типографию издательства «Самшобло», по вопросам подписки и
доставки журнала — в «Сакпрессу».

Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Костава, 5.

Телефоны: Главный редактор — 93-65-15, зам. главного редактора
— 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43, 93-65-19,
93-13-57.

Типография издательства «Самшобло», Тбилиси, ул. Костава, 14.

40 რუბ.

№ 88/3

საქართველოს
საგარეო ურთიერთობების
მინისტროს
საბიბლიოთეკო-ინფორმაციო
სამსახური

ყოველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული და
საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი
„ლიტერატურა და ხელოვნება“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის ორგანო
გამოდის 1957 წლის ივნისიდან
